

Именно такой
и должна быть фэнтези.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН

Магия Отступника

СЫН
СОЛДАТА

Книга 3

РОБИН ХОББ

Сын солдата

Робин Хобб

Магия отступника

«Азбука-Аттикус»

2007

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

Хобб Р.

Магия отступника / Р. Хобб — «Азбука-Аттикус», 2007 — (Сын солдата)

ISBN 978-5-389-21582-5

Жители Геттиса поверили, что Невар Бурв, их кладбищенский сторож, виновен в чудовищных злодеяниях. В этом пограничном городе-крепости расправа над преступником никогда не заставляла себя ждать, но на этот раз она не состоялась – ярость толпы уступила колдовству незримых властителей, решивших взять судьбу юноши в свои руки. Невар отправляется в лес – маги хотят превратить его в оружие, которое поможет остановить гернийское нашествие на земли народа спеков. И Невар близок к тому, чтобы покориться их воле, потому что любая попытка сопротивления не дает ему ничего, кроме боли и отчаяния, и он уже не верит, что в его силах помирить заклятых врагов.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

ISBN 978-5-389-21582-5

© Хобб Р., 2007
© Азбука-Аттикус, 2007

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	16
Глава 4	27
Глава 5	34
Глава 6	48
Глава 7	57
Глава 8	70
Глава 9	81
Глава 10	92
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Робин Хобб

Магия отступника

Я был глупцом, полагая, что у меня всегда будет возможность сделаться лучше. Всем известно, что жизнь человека способна оборваться в любой момент. Падение с лестницы, простуда или лихорадка, шальная пуля – от подобных вещей молодость не защитит. Человек может погибнуть по чистой случайности когда угодно. Наверное, какой-то частью сознания я знал об этом всегда, но не мог поверить всем сердцем.

Robin Hobb
RENEGADE'S MAGIC
Copyright © 2007 by Robin Hobb
All rights reserved

Перевод с английского Владимира Гольдича и Ирины Оганесовой

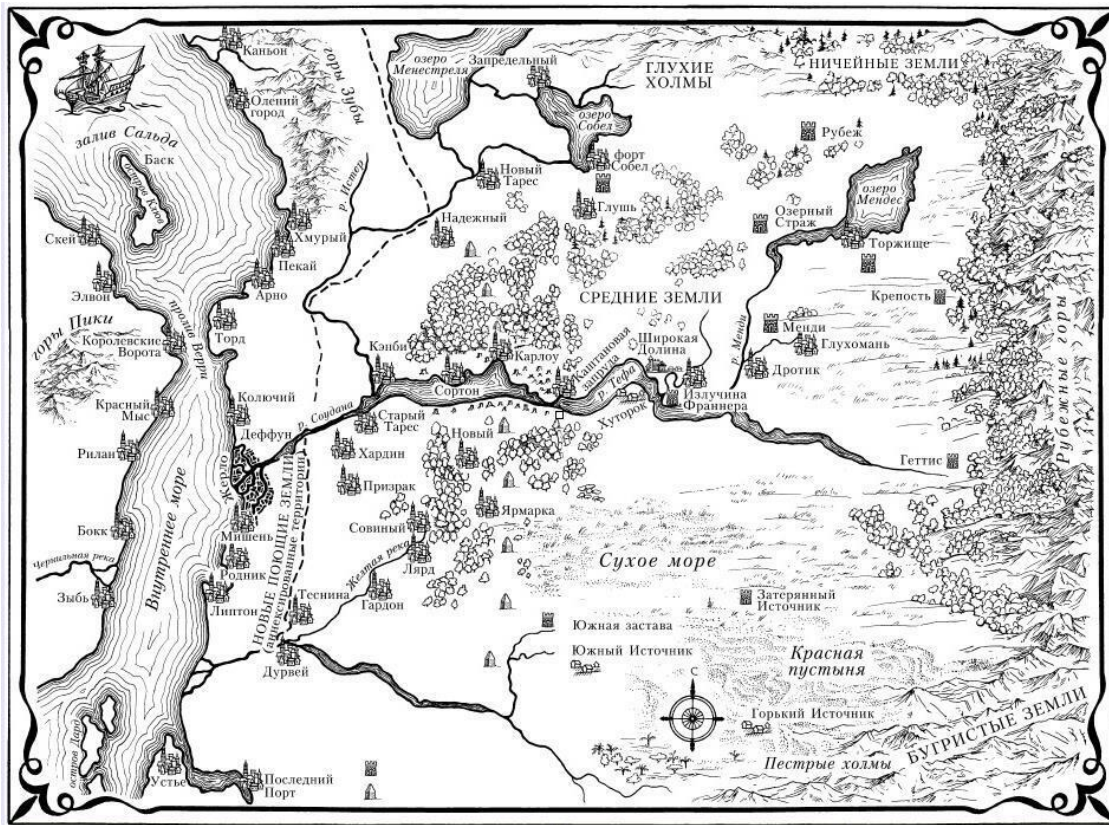
Оформление обложки и иллюстрация на обложке Сергея Шикина

Карта выполнена Юлией Каташинской

© В. А. Гольдич, И. А. Оганесова, перевод, 2007

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022 Издательство АЗБУКА®

Глава 1

Гибель солдата

На суде я не произнес ни слова в свою защиту.

Я стоял за загородкой, куда меня привели, и пытался не думать о мучительно стиснувших лодыжки кандалах. Они были слишком тесны для столь крупного человека, как я, и холодное железо вгрызалось в мою плоть, одновременно обжигая ее и заставляя неметь. В те минуты боль значила для меня больше, чем исход трибунала. Я уже знал, каким он будет.

Боль – это самое главное, что я помню о том заседании. Она заволочла мои мысли багровым туманом. Свидетели один за другим выступали против меня. Я так и не забыл их полные праведного гнева голоса, в подробностях описывающие судьям мои преступления. Изнасилование. Убийство. Некрофилия. Осквернение могил. Мои ярость и ужас от подобных обвинений меркли перед полной безысходностью положения. Свидетель за свидетелем вносили свою лепту в список обвинений. Нити слухов, домыслов уже покойного человека, подозрений и косвенных улик сплелись в веревку доказательств, достаточно прочную, чтобы вздернуть меня на ней.

Я догадываюсь, почему Спинк не задал мне ни единого вопроса. Лейтенант Спинрек, мой друг со времен обучения в Академии каваллы, был назначен моим защитником. Я сказал ему, что хотел бы просто признать себя виновным и покончить с этим. Он изрядно рассердился. Возможно, именно поэтому он не попросил меня свидетельствовать в собственную защиту. Он не был уверен, что я скажу правду и стану отрицать обвинения. Боялся, что я выберу более простой путь.

Так бы и случилось.

Я не страшился виселицы. Быстрый конец для жизни, исковерканной чуждой магией. Подняться по ступеням, подставить шею под веревку и шагнуть в темноту. Моя голова, вероятно, попросту оторвалась бы под тяжестью тела. Я мог не бояться, что буду долго задыхаться в петле, суча ногами. Меня ждал лишь легкий выход из положения, слишком запутанного и испорченного, чтобы пытаться его поправить.

Что бы я ни сказал в собственную защиту, мои слова ничего бы не изменили. Были совершены ужасные злодеяния, и население Геттиса твердо вознамерилось заставить кого-то за них заплатить. Геттис – суровое место, наполовину военный форт, наполовину исправительная колония на восточной границе Гернийского королевства. Для его жителей убийства и изнасилования не были чем-то непривычным, но преступления, в которых меня обвинили, выходили и за здешние рамки – слишком темные и грязные дела, чтобы их могли стерпеть даже в этом городе. Кто-то должен был примерить маску злодея и заплатить за грехи полной мерой – а кто лучше подходит на подобную роль, чем одинокий толстяк с кладбища, по слухам связанный со спеками?

И я был признан виновным. Офицеры каваллы, заседавшие в суде, приговорили меня к повешению, и я принял их решение. Я опозорил свой полк. В тот миг казнь казалась мне самым простым спасением от жизни, обернувшейся полной противоположностью всем моим мечтам. Я умру, и с разочарованиями и неудачами будет покончено. Слушая решение суда, я испытывал едва ли не облегчение.

Но магия, отравившая мне жизнь, не собиралась так легко меня отпустить.

Обвинителям оказалось недостаточно меня казнить. Зло должно понести самое жестокое наказание, какое они только могут вообразить. Тьма будет уравновешена тьмой. Когда прозвучала вторая часть приговора, ужас сковал меня. Прежде чем взойти на виселицу для последнего падения, я получу тысячу плетей.

Я никогда не забуду этого ошеломляющего мига. Приговор оказался больше чем казнь, больше чем наказанием – полным уничтожением. Вместе с плотью, сорванной с моих костей, я лишусь и чувства собственного достоинства. Ни один человек, как бы храбр он ни был, не сможет сжать зубы и молча вытерпеть тысячу ударов плетью. Зеваки будут потешаться и высмеивать меня, вопящего и умоляющего о снисхождении. Я умру, полный ненависти к ним и к себе.

Я был рожден, чтобы стать солдатом. Добрый бог предназначил мне, как второму сыну аристократа, посвятить жизнь военной службе. Несмотря на выпавшие на мою долю несчастья, несмотря на чуждую магию, заразившую и отравившую меня, несмотря на отчисление из Академии каваллы, презрение отрекшегося от меня отца и насмешки товарищей, я сделал все возможное, чтобы служить своему королю как солдат. И вот чего я этим добился. Я буду вопить, рыдать и молить о пощаде людей, полагающих меня чудовищем. Плеть обнажит мое тело, лишив и одежды, и плоти, выставив на всеобщее обозрение обвисшие слои жира – первую из причин их ненависти. Я потеряю сознание, но меня приведут в чувство, обрызгав спину уксусом. Я обмочусь и беспомощно обмякну на скованных руках. Я стану трупом задолго до того, как они вздернут мои останки. Они это знали – и я тоже.

Даже моя исковерканная, жалкая жизнь казалась лучше подобной смерти. Магия пыталась отделить меня от моего народа и обратить в оружие против него. Я противился ей. Но в ту последнюю ночь в камере я понял, что магия спеков предлагает мне единственную возможность спастись. Когда магия взломала стены моей тюрьмы, я воспользовался этим. Я бежал.

Но ни она, ни добрые люди Геттиса со мной еще не покончили. Думаю, магия знала, что я был готов ей подчиниться лишь на словах. Но она требовала меня целиком, всю мою жизнь, без единой сохранившейся связи с этим местом и этим народом. И то, что я никогда не отдал бы ей добровольно, она отняла у меня силой.

Во время бегства я встретился с возвращающимся в форт отрядом каваллы. Я знал, что отнюдь не мое невезение поставило во главе его капитана Тайера. Это магия отдала меня в руки человека, над чьей покойной женой я якобы надругался. Дальнейшее было предсказуемо. Усталые, раздраженные люди, возглавляемые им, в считанные мгновения превратились в обезумевшую толпу. Они растерзали меня прямо на улице: его солдаты держали меня, пока он бил. Жажда справедливости и мести была утолена в предрассветные часы на пыльной улице Геттиса. Затем насытившиеся жестокостью люди разошлись по домам. Они ни с кем не обсуждали того, что совершили.

А за час до того, как над Геттисом забрезжил рассвет, мертвец бежал из города.

Глава 2

Бегство

Огромные копыта моего крупного жеребца выстукивали ровный ритм. Когда мы миновали последние дома городка, раскинувшегося вокруг королевского форта Геттис, я оглянулся через плечо. В городе было тихо и спокойно. Огонь, охвативший стены тюрьмы, угас, лишь темные пятна дыма все еще пятнали сереющее небо. Люди, всю ночь сражавшиеся с последствиями устроенной Эпини диверсии, теперь, должно быть, плелись по домам, к своим теплым постелям. Я мрачно уставился на дорогу прямо перед собой. Геттис так и не стал мне домом, но покинуть его оказалось непросто.

Впереди над вершинами гор забрезжил свет. Скоро взойдет солнце. Лучше добраться до спасительного леса, пока люди не начали просыпаться. Сегодня некоторые встанут пораньше, чтобы занять лучшие места для наблюдения за моей поркой и казнью. Мои губы искривились в усмешке, когда я представил, как они будут разочарованы известием о моей смерти.

Королевский тракт, дерзкий замысел Тровена, короля Гернии, развернулся передо мной – пыльный, разбитый, изрытый выбоинами, но прямой как стрела. Я двинулся по нему. Он вел на восток, строго на восток. По замыслу короля он должен был пересечь Рубежные горы и протянуться дальше, до самых берегов далекого моря, став главной торговой артерией для запертой на суше Гернии. На деле же он заканчивался в нескольких милях за Геттисом, обрываясь на краю долины, где росли деревья – предки спеков. Годами местные жители магией насылали на дорожных рабочих страх и уныние, чтобы остановить продвижение тракта. Их заклятия несли в себе то смертельный ужас, превращавший людей в скулящих трусов, то глубочайшее отчаяние, иссушающее волю.

Там, где тракт заканчивался, меня ждал лес.

Впереди на дороге я увидел то, чего так страшился. Ко мне медленно, устало приближался всадник. Его выправка в не меньшей степени, чем ладная зеленая форма, говорила о принадлежности к королевской кавалле. Откуда он едет? И почему в одиночестве? Убить его или оставить в живых? Приблизившись, я разглядел лихо заломленную шляпу и ярко-желтый шейный платок, выдававшие в незнакомце разведчика. Я слегка расслабился. Он мог и не знать о выдвинутых против меня обвинениях и трибунале. Разведчики зачастую неделями отсутствовали в городе. Он не выказал ко мне никакого интереса, а когда я проезжал мимо, даже не поднял руки в приветствии.

Разминувшись с ним, я ощутил укол горького сожаления. Если бы не магия, на его месте мог оказаться я. Я помнил Тайбера по Академии каваллы, но он меня не узнал. Магия изменила меня, ничего не оставив от стройного, подтянутого кадета. Жирный, неопрятный рядовой, взгромоздившийся на ломовую лошадь, не стоил его внимания. Пройдет несколько часов, прежде чем он таким шагом доберется до города и услышит, что меня прикончила разъяренная толпа. Может быть, он решит, что встретил призрака...

Утес упорным галопом двигался вперед. От тяжеловоза-полукровки никто не стал бы ждать ни скорости, ни выносливости, но он был достаточно крупным – единственно возможным конем для человека моего роста и веса. Неожиданно я осознал, что еду на нем верхом в последний раз: я не мог взять его с собой в лес. Боль снова пронзила меня: вот еще одно близкое мне существо, которое мне придется оставить. Он уже ступал тяжело, наше безумное бегство из ночного Геттиса измотало его.

Далеко за окраинами городка от Королевского тракта ответвлялась дорога к кладбищу. Приблизившись к ней, Утес замедлил шаг, и я неожиданно изменил первоначальный план. В конце дороги стояла хижина, которую я весь прошлый год называл домом. Осталось ли там

что-нибудь, что я захочу взять с собой в новую жизнь? Спинк забрал к себе домой мой дневник сына-солдата. Я был ему за это благодарен. Дневник хранил подробный рассказ о том, как магия вошла в мою жизнь и постепенно отобрала ее у меня. Но, помимо него, в хижине могли остаться письма или бумаги, способные соотнести мое имя с прошлым и семьей, от которых я отказался. Я не хотел, чтобы меня что-либо связывало с лордом Бурвилем; пусть моя смерть опозорит лишь меня одного.

Начав взбираться по склону холма, Утес перешел на тяжеловесную рысь. Я был здесь в прошлый раз лишь пару недель назад, но мне казалось, будто минули годы. Трава пробивалась на могилах, вырытых для жертв летней чумы. Траншеи же все еще оставались голыми – их копали позже, когда чума вошла в полную силу и мы, могильщики, едва справлялись с постоянно прибывающими телами. Эти шрамы заживут последними.

Я придержал Утеса у самой хижины, осторожно спешился, но почувствовал лишь легкую боль, хотя только вчера кандалы вгрызались в мои сухожилия. Магия исцеляла меня с головокружительной быстротой. Мой конь фыркнул, встряхнулся и отошел на несколько шагов, прежде чем начать щипать траву. Я же поспешил к двери в дом – сейчас я быстро уничтожу все следы своего пребывания здесь и продолжу путь.

Ставни на окнах были закрыты. Войдя внутрь, я захлопнул за собой дверь – и невольно отпрянул, когда на моей кровати сел Кеси. Мой товарищ по рытью могил спал в вязаном ночном колпаке, чтобы не мерзла лысая голова. Он протер глаза и уставился на меня, разинув рот так, что стали видны дырки на месте выпавших зубов.

– Невар? – ахнул он, не веря своим глазам. – Я думал, тебя... – Он осекся, видимо осознав, насколько неуместно мое присутствие в собственном жилище.

– ...сегодня повесят, – закончил я за него. – Да. Многие так думали.

Он ошеломленно смотрел на меня, но продолжал сидеть на постели. Я решил, что он не представляет для меня угрозы. Почти весь год, пока все не пошло наперекосяк, мы оставались с ним в приятельских отношениях. Я надеялся, он не сочтет, что обязан помешать моему бегству. Я спокойно прошел мимо него к полке, где хранил личные вещи. Как и обещал Спинк, мой дневник сына-солдата исчез. Меня окатила волна облегчения. Эпини и Спинк лучше разберутся, как распорядиться этими обличающими записями. Я провел рукой по полке, удостоверившись, что не пропустил ни письма, ни какого-нибудь обрывка бумаги. Ничего. Но зато там нашлась свернутая праща. Я положил ее в карман. Она могла мне пригодиться.

Ветхое ружье, выданное мне, когда я прибыл в Геттис, по-прежнему покоилось в стойке. Видавшее виды, со щербатым стволом, оно никогда не было особенно надежным. Но даже окажись оно исправно, оно довольно скоро станет бесполезным – когда у меня закончится скудный запас пороха и пуль. Придется оставить. Другое дело сабля. Она все так же висела на крюке, спрятанная в ножны.

– Что произошло? – вдруг спросил Кеси, когда я уже потянулся за ней.

– Это длинная история. Ты уверен, что хочешь знать?

– Ясное дело! Я думал, тебя сегодня собираются исполосовать в клочья, а потом повесить! Я невольно ухмыльнулся:

– А ты даже не соизволил проснуться пораньше, чтобы поглядеть на казнь. Хорош друг!

Он неуверенно улыбнулся в ответ. Не слишком приятное зрелище, но меня оно порадовало.

– Я не хотел этого видеть, Невар. Просто не мог. Хватит с меня и того, что новый командующий приказал мне жить здесь, приглядывая за кладбищем, поскольку тебя арестовали. Хуже только смотреть, как умирает твой друг, и понимать, что ты и сам, возможно, подохнешь тут же. Все здешние кладбищенские сторожа плохо заканчивали. Но как тебе удалось выкрутиться? Не понимаю.

– Я сбежал, Кеси. Меня освободила магия спеков. Корни дерева взломали стены тюрьмы, и я выполз в пролом. Я почти выбрался из Геттиса. Я прорвался через ворота форта. Думал уже, что освободился. И тут встретил отряд солдат, возвращавшийся от конца дороги. Знаешь, кто им командовал? Капитан Тайер собственной персоной.

Глаза Кеси от потрясения сделались похожи на два блюда.

– Но ведь это его жену... – начал было он, и я кивнул:

– Тело Карсины нашли в моей постели. Знаешь, если бы не это, судьи могли бы счесть, что моя связь с гибелью Фалы бездоказательна. Но тела Карсины в моей постели оказалось более чем достаточно. Вряд ли хоть один из них предполагал, что я пытался ее спасти. Ведь ты же знаешь, что я не делал ничего подобного, Кеси?

Он облизнул губы. Похоже, его одолевали сомнения.

– Я не хотел верить в то, что про тебя говорили, Невар. Ничто из этого не вязалось с тем, что мы с Эбруксом про тебя знали. Ты, конечно, толстяк и нелюдим и едва ли хоть раз пропустил с нами по стаканчику, и мы видели, как ты скатываешься к жизни спеков. Ты не оказался бы первым, кто ушел к местным. Но мы никогда не замечали в тебе подлости, и жестоким ты не был. Про свою военную службу, похоже, ты говорил искренне. И никто прежде не трудился здесь столь усердно. Но кто-то же сотворил все это, а ты был как раз там, где все происходило. Остальные казались такими уверенными. И я чувствовал себя дураком из-за того, что думаю иначе. А на суде, когда я попытался сказать, что ты всегда казался мне славным малым, Эбрукс толкнул меня и велел заткнуться. Мол, защищая тебя, я только нарвусь на неприятности сам, а тебе ничем помочь не смогу. Поэтому я промолчал. Прости, Невар. Ты заслужил большего.

Я стиснул зубы, а затем выдохнул, избавляясь от вспыхнувшего вдруг гнева.

– Все хорошо, Кеси. Эбрукс был прав. Ты не мог мне помочь.

Я потянулся к сабле, но, когда моя ладонь уже почти коснулась рукояти, ощутил странное покалывание. Неприятное предостережение – как если бы я положил ее на пчелиный улей и услышал внутри воинственное гудение. Я озадаченно отдернул руку и вытер ее о рубашку.

– Но ты сбежал, так? Значит, то, что я промолчал, тебе не навредило, верно? И я не собираюсь останавливать тебя сейчас. Я даже никому не скажу, что ты здесь проезжал.

В его голосе прозвучала нотка страха, полоснувшая меня по сердцу. Я встретился с ним взглядом:

– Я же уже сказал, Кеси, все хорошо. Никто не спросит тебя, проезжал ли я здесь, потому что по пути из города я встретил капитана Тайера и его людей. И они меня убили.

Он уставился на меня:

– Что? Но ты же...

Я быстро шагнул вперед. Он отпрянул от моего прикосновения, но я прижал ладонь к его лбу и заговорил, вкладывая в слова душу. Я хотел его защитить, и другого пути не было.

– Тебе снится сон, Кеси. Всего лишь сон. Ты услышишь о моей гибели, когда в следующий раз поедешь в город. Капитан Тайер поймал меня при побеге и собственноручно забил до смерти. Его жена отмщена. При свидетелях. Все кончено. Эбрукс там был. Возможно, он даже расскажет тебе об этом. Он забрал мое тело и тайно похоронил его. Он сделал для меня все, что смог. А тебе – тебе просто приснился сон, что я сбежал. Он тебя утешил. Ведь ты знаешь, что, если бы мог мне помочь, обязательно помог бы. Ты не виноват в моей смерти. Все это тебе просто снится. Ты спишь и видишь сон.

Договорив, я осторожно подтолкнул Кеси, укладывая его в постель. Он опустил веки и приоткрыл рот, глубокое ровное дыхание наполнило его грудь. Кеси уснул. Я тяжело вздохнул. Он разделит ложные воспоминания с толпой, окружившей меня на улице города. Даже мой лучший друг Спинк запомнит, что меня забили до смерти, а он не сумел это остановить. Эмзил, единственная женщина, полюбившая меня, несмотря на уродливое жирное тело, будет считать так же. Они расскажут об этом дома моей кузине Эпини, и она им поверит. Я надеялся, что

они не станут слишком долго и горько по мне скорбеть. На мгновение я задумался, как они сообщат эту новость моей сестре и расстроит ли она отца. Затем решительно отгнал мысли о прежней жизни. Она уже позади, и с ней покончено.

Когда-то я был высоким и сильным, сыном-солдатом знатного человека, и меня ждало блестящее будущее. Все в моей судьбе было решено заранее. Я закончу Академию, вступлю в ряды кавалеры в офицерском чине, отличусь на службе королю, женюсь на прелестной Карсине, проживу жизнь, полную приключений и доблести, пока наконец не выйду в отставку и поселюсь в поместье брата, где достойно встречу старость. Если бы в меня не проникла магия спеков, так бы все и случилось.

Кеси всхрипнул и перекатился на бок. Я вздохнул. Пора уезжать. Как только новость о моей смерти распространится, кто-нибудь придет сюда, чтобы сообщить ему. Я не хотел больше тратить магию – меня уже терзал вызываемый этим голод. Стоило мне вспомнить о нем, как мой желудок отчаянно заурчал. Я торопливо обшарил шкафы в поисках съестного, но вся найденная еда показалась мне засохшей, старой и непривлекательной. Я жаждал сладких ягод, согретых солнцем, сытных землистых грибов, пряных листьев водяного растения, которыми Оликея кормила меня в последнюю нашу встречу, и нежных хрустких кореньев. Взамен я мрачно взял с полки пару круглых галет, преодолевая отвращение, откусил большой кусок и снова потянулся к сабле. Пришло время убираться отсюда.

Клинок ожег меня, а когда я выпустил рукоять, едва не выпрыгнул из моей ладони, словно какая-то сила оттолкнула его, и с лязгом упал. Я подавился сухим крошечком и осел на пол, задыхаясь и сжимая пострадавшую кисть. Когда я взглянул на ладонь, она была красной, словно я схватил пучок крапивы. Я потряс рукой и вытер ее о штаны, пытаюсь избавиться от неприятного ощущения. Оно не прошло. И тут я понял.

Я отдал себя магии. Холодное железо больше не было мне покорно.

Я медленно поднялся и попятился от упавшей сабли и правды, которую упрямо не желал признавать. Сердце молотом стучало у меня в груди. Я войду в лес безоружным. Железо и все, что им порождалось, ушли из моей жизни. Я помотал головой, словно отряхивающаяся от воды собака. Не стоит думать об этом прямо сейчас. Я не мог в полной мере осознать значение происшедшего, а в тот миг еще и не хотел осознавать.

Я окинул хижину прощальным взглядом, запоздало поняв, что мне нравилось жить здесь в одиночестве, делая все по-своему. Никогда в жизни у меня не было подобной свободы. Из отцовского дома я отправился прямо в Академию, затем вернулся в его владения. Только здесь я был сам себе хозяином. Покинув этот дом, я стану не свободным человеком, а рабом чуждой магии, непонятной и нежеланной.

Но останусь в живых. И те, кого я люблю, будут жить дальше. Когда меня схватила толпа, мне привиделось куда более страшное будущее, в котором оставалось только надеяться, что Эмзил не умрет, изнасилованная толпой, а Спинк выживет, когда его солдаты обернутся против него. Моя собственная смерть меркла в сравнении с этим. Нет, то, что я выбрал, – лучше для всех нас. Теперь же мне следовало идти дальше, пытаюсь сохранить остатки порядочности. Жалея, что войду в новую жизнь с пустыми руками, я с тоской посмотрел на свой нож и топор. Нет. Железо мне больше не товарищ. Но свое зимнее одеяло, лежащее на полке, я возьму. В последний раз оглядев хижину, я вышел и плотно прикрыл за собой дверь, провожаемый могучим храпом Кеси.

Когда я вышел, Утес поднял голову и с укором посмотрел на меня. Почему я не распряг его, чтобы он мог спокойно погаснуть? Я глянул на солнце и решил оставить коня здесь.казалось вполне возможным, что он сам вернется в стойло, лишившись в Геттисе седока. Я не мог снять с него сбрую, иначе кто-нибудь обязательно задумается, кто это сделал. Я надеялся, что, кто бы ни забрал Утеса себе, он будет хорошо с ним обращаться.

– Оставайся здесь, дружище. Кеси за тобой присмотрит. Или еще кто-нибудь.

Я похлопал его по шее и оставил у хижины, а сам двинулся через кладбище, которое так хорошо знал. Я миновал изрубленные остатки моей живой изгороди и вздрогнул, вспомнив, какой я видел ее в последний раз – заваленной дергающимися и извивающимися телами, в которые в поисках пищи вонзались мелкие корешки. На мгновение я вновь окунулся в ту ночь, озаренную светом факелов.

Случалось, хоть и нечасто, что люди, умершие от чумы спеков, становились так называемыми ходоками. Один из врачей в Геттисе считал, что они впадают в подобное смерти оцепенение, а через несколько часов приходят в себя в последней попытке выжить. Удастся это немногим. Другой врач, суеверный почитатель потусторонних сил, восхищавших нашу королеву, полагал, что ходоки – не люди, вернувшиеся из-за порога смерти, а лишь их тела, оживленные магией, чтобы доставить какие-то послания живым. Поскольку я и сам некогда побывал ходоком, я имел на сей счет собственное мнение. В тот год, что я провел в Королевской Академии каваллы, я, как и многие мои товарищи, заразился чумой спеков. «Умерев», я оказался в спекском мире духов. Там я сразился со своим другим «я» и древесным стражем и, победив их, вернулся к жизни.

Моя бывшая невеста Карсина тоже стала ходоком. В последнюю ночь, которую я провел кладбищенским сторожем, она выбралась из гроба и пришла ко мне просить прощения, чтобы обрести покой. Я хотел спасти ее и выскочил из хижины, собираясь отправиться в город за помощью. Но моим глазам предстало невообразимое зрелище: другие жертвы чумы тоже восстали из гробов и двинулись к деревьям, которые я по неосторожности посадил. Я знал, что это каэмбра, тот же самый вид, какой спеки называют деревьями предков. Я понял это, когда жерди начали прорастать листьями. Как я мог не осознать опасности? Не магия ли ослепила меня?

Каждый ходок выбрал дерево, сел около него, прислонившись спиной к стволу, и принялся кричать от мучительной боли, когда голодные корешки вонзились в его плоть. Я никогда не забуду того, что увидел той ночью. Один мальчик отчаянно плакал, а его голова, руки и ноги судорожно подергивались, пока дерево, пожирая его тело, привязывало его к стволу. Я ничего не смог для него сделать. Еще больше меня потряс вид женщины, молившей о помощи и протягивавшей ко мне руки. Я схватил их и попытался оторвать ее от дерева, уберечь не от смерти, но от продления жизни, невозможного для гернийской души.

Я не смог ее спасти.

Я прекрасно помнил дерево, которое захватило ее в плен и вонзило в спину корни, – эти корни сплетаются в сеть внутри тела, питая молодой побег не только его соками, но и душой. Именно так спеки создавали деревья предков. Те, кого магия сочла достойным, получали в награду такое дерево.

Проходя мимо того пня, я заметил, что он уже выбросил новый побег. На соседнем сидел стервятник с красной бородкой и внимательно наблюдал за мной. Он расправил крылья и вскинул уродливую голову. Его бородка затряслась, когда он разразился обвиняющим карканьем. Меня передернуло. Стервятники считались символом Орандулы, древнего бога смерти и равновесия. Мне совершенно не хотелось еще раз с ним встречаться. Сбежав от птицы, я заметил, что Утес идет за мной. Ничего, скоро он повернет обратно. Я вошел в лес и почувствовал, что он принял меня. Словно за спиной с шелестом опустился занавес, знаменуя, что первый акт моей жизни подошел к концу.

Эту часть леса составляла молодая поросль, поднявшаяся после пожара. Время от времени я проходил мимо почерневших пней, заросших мхом и папоротником, или сквозь тень обгоревшего великана, сумевшего выжить в огне. Кусты и полевые цветы купались в солнечных лучах, просачивающихся сквозь листву. Птицы пели и перепархивали с ветки на ветку. Сладкие ароматы леса окутали меня, и напряжение начало отступать. Некоторое время я шел, ни о чем не думая и прислушиваясь к тяжелым шагам так и не отставшего Утеса.

Стоял приятный летний день. Я прошел мимо двух белых бабочек, танцующих над маленькой полянкой полевых цветов, и оказался на небольшой прогалине, где наперегонки тянулись к солнцу колючие ветки ежевики. Я остановился собрать полную пригоршню сочных черных ягод. Они лопались в пальцах и пачкали мне ладони, когда я их срывал. Я отправил их в рот, наслаждаясь сладостью вкуса и аромата, и с неменьшим удовольствием разжевывал крохотные семена. Подобные ягоды могли приглушить мой голод, но не утолить его. Нет. Теперь, когда магия обрела власть над моим телом и кровью, я начал жаждать пищи, способной напитать ее. И сейчас я томился именно по ней. Оставив за спиной прогалину, я заторопился вверх по склону холма.

С ошеломляющей неожиданностью выгоревший лес сменила древняя чаща. Я задержался на границе, среди молодых деревьев и пятен солнечного света, и посмотрел в ее темную пещеру. Крыша из переплетенных ветвей, ряды мощных колонн-стволов, теряющихся из виду в сумрачной дали. Густая листва впитывала солнечный свет, не допуская его вниз. Подлеска почти не было, землю устилал лишь толстый мох, испятнанный словно бы случайным узором из звериных следов.

Я вздохнул и оглянулся на крупного коня.

– Здесь мы с тобой расстанемся, дружище, – сообщил я Утесу. – Возвращайся на кладбище.

Он посмотрел на меня со смесью любопытства и досады.

– Иди домой, – велел я ему.

Он дернул ушами и махнул неровно подстриженным хвостом. Я вздохнул снова. Довольно скоро он все поймет. Я повернулся и пошел от него прочь.

Он еще недолгое время следовал за мной, но я не оглянулся и не заговорил с ним. Это оказалось труднее, чем я себе представлял, и я старался не прислушиваться к глухому топоту его копыт. Он вернется туда, где растет хорошая трава, Кеси подберет его, чтобы запрягать в телегу и возить трупы. У него все будет хорошо. Лучше, чем у меня. По крайней мере, он знает, чего от него ожидает мир.

В этой части леса не было тропинок, проторенных людьми. Я будто бы шел по чужому жилищу: по полам, выстланным густой зеленью ковров, под ажурной мозаикой свода, поддерживаемого могучими деревянными колоннами. Я казался крошечной статуэткой в доме великана, слишком маленьким, чтобы иметь хоть какое-то значение. Даже безмолвие было достаточно, чтобы заглушить мое существование.

Но пока я шагал вперед, безмолвие открылось мне с иной стороны. Человеческих голосов здесь не раздавалось, однако не было и тишины. Я слышал птиц, порхающих и перекликающихся у меня над головой. Слышал предупредительную дробь и топоток вспугнутого зайца. Олень покосился на меня круглым глазом и насторожил уши, когда я проходил мимо, и до меня донеслось его тихое пофыркивание.

Под пологом леса было тепло и влажно. Я остановился расстегнуть мундир и пару верхних пуговиц на рубашке, а вскоре уже шагал, забросив куртку за плечо. Эмзил сшила для меня зеленую форму каваллы из нескольких старых, чтобы я мог втиснуть в нее свое огромное тело. Одной из сложностей, сопроводивших навязанный магией жир, стала неудобно сидящая одежда. Брюки приходилось застегивать под животом, а не на талии, воротники, манжеты и рукава врезались в тело, носки растягивались, сползали и быстро протирались под моим невообразимым весом. Даже сапоги и ботинки доставляли мне неприятности. Мое тело увеличилось в размерах везде – с головы до пят. Впрочем, сейчас одежда слегка болталась на мне. Прошлой ночью я использовал много магии и, соответственно, похудел. На миг я задумался, не стоит ли мне раздеться и идти дальше нагим, как спек, но цивилизация осталась не настолько далеко у меня за спиной.

Мой путь лежал вверх по склонам пологих холмов. Впереди маячили густо заросшие лесом Рубежные горы и скитающиеся по ним неуловимые спеки. Мне сообщили, что они раньше обычного ушли в зимние селения высоко в горах. Я буду искать их там. Это не только моя последняя надежда на убежище. Магия приказала мне идти к ним. Я противился ей, но безуспешно. И теперь мне предстоит выяснить, чего же она от меня хочет. Найдется ли способ удовлетворить ее, способ вновь обрести свободу и жить той жизнью, которую я выберу сам? Я сомневался в этом, но собирался выяснить наверняка.

Я заразился магией в пятнадцать лет. До того я был, наверное, хорошим сыном: послушным, усердным и учтивым. Но отец, без моего ведома, искал во мне искру неповиновения и настойчивости в выборе собственного пути – качеств, присущих, по его мнению, хорошему офицеру. Он решил поставить меня в такое положение, чтобы я непременно воспротивился чужой власти надо мной, и доверил меня варвару из равнинного племени кидона, «уважаемому врагу» с тех времен, когда королевская кавалла сражалась с прежним населением Средних земель. Отец сказал мне, что Девара научит меня способам выживания и воинским искусствам, принятым в племени кидона. Но тот издевался надо мной, морил голодом, порезал ухо, а затем, как раз когда я собрался с духом, чтобы воспротивиться ему – и вместе с ним собственному отцу, – попытался подружиться со мной. Оглядываясь назад, я каждый раз удивляюсь тому, что он проделал с моей способностью рассуждать здраво. Лишь недавно я начал замечать нечто общее между тем, как Девара сломал меня и привел в свой мир, и порядками в Академии, где новых кадетов изводили и перегружали работой, чтобы перекроить по армейскому лекалу. Под конец Девара попытался посвятить меня в магию кидона. Он одновременно преуспел и потерпел поражение.

Я вошел в мир духов кидона, чтобы сразиться с их древним врагом. Но древесный страж захватил меня в плен и заявил на меня права, и с этого дня магия овладевала моей жизнью. Она тащила и подстегивала меня, пока не привела на границу. В Геттисе я предпринял последнюю попытку освободиться. Я вступил в армию под именем Невара Бурва и принял единственный предложенный мне пост – кладбищенского сторожа. Я старался от души и делал все возможное, чтобы наших мертвецов хоронили с почтением и не тревожили их покой. Я словно обрел новую жизнь; Эбрукс и Кеси стали мне приятелями, а Спинк, муж моей кухни и лучший друг еще со времен Академии, снова оказался рядом. В Геттисе переехала Эмзил, и я осмеливался надеяться, что она равнодушна ко мне. Я добился того, что начал что-то из себя представлять, и даже подумывал о том, чтобы предоставить сестре убежище от самодурства отца.

Но подобная жизнь не шла на пользу планам магии на мой счет, а магия, как предупреждал меня некогда разведчик Хитч, не смиряется с тем, что идет вразрез с ее замыслом. Его жизнь она разрушила, чтобы сделать своим слугой. Я знал, что должен буду умереть или покориться ей. Перед смертью Хитч во всем мне признался. По приказу магии он убил Фалу, одну из шлюх, работавших у Сарлы Моггам, и оставил улики, указывающие на меня. Он сделал это, хотя был мне другом и во всем прочем честным человеком. Я до сих пор не мог представить себе Хитча душащим Фалу, не говоря уже о столь подлом предательстве. Но он это сделал.

Я не хотел выяснять, что магия заставит меня сделать, если я продолжу ей противиться.

Глава 3

Лисана

Мой путь неуклонно уходил вверх. Где-то, несомненно, светило солнце и легкий ветерок тревожил ясный летний день. Но здесь, под кронами деревьев, царил мягкий изумрудный полумрак и воздух оставался неподвижным. Мои шаги приглушал многолетний слой палой листвы. Огромные деревья, впившиеся могучими корнями в склоны холмов, окружали меня и накрывали тенью, превращая лес в дворцовую колоннаду. Пот стекал по моему лицу и спине. Икры болели от постоянного подъема.

И я по-прежнему был голоден.

Последние десять дней я почти ничего не ел. В тюрьме мне давали только хлеб и воду, а еще отвратительное сероватое месиво, долженствующее изображать кашу. Эпини тайно передала мне крошечный пирожок, бесценный, поскольку начинкой ему служили ягоды, собранные в этом лесу. Когда древесная женщина разрушила своими корнями стены камеры, она принесла грибы, давшие силу моей магии. Это, галеты и пригоршня ягод, собранных утром, – вот и все, что мне досталось. Слишком поздно я вспомнил о том, что Эмзил упоминала о еде в моих седельных сумках. Но это последнее выражение ее приязни исчезло вместе с Утесом. Как ни странно, эта потеря не слишком огорчила меня. Я томился по еде, способной скорее подкрепить мою магию, чем насытить плоть.

Я уже давно понял, что ограничения в пище или даже пост мало что значат для моего тела. Я терял вес лишь от использования магии. За прошедшие сутки я прибегал к ней больше, чем когда-либо прежде, и теперь, соответственно, мечтал о еде, способной ее подкрепить.

– Я голоден, – вслух сообщил я лесу.

Я почти ожидал ответа: грибов, прорастающих прямо под ногами, или куста с ягодами, раскинувшего поблизости ветви. Но ничего не произошло. Я разочарованно вздохнул... остановился и глубоко втянул носом воздух. Вот оно. В лесном безветрии висел едва заметный запах, я двинулся за ним, пригнувшись, словно взявшая след гончая, и вскоре пришел к зарослям синих цветов, пробивающихся из-под упавшего дерева. Я не помнил, чтобы Оликея кормила меня ими, но их благоухание раздражило мой аппетит. Я опустил на землю. Что же я творю, собираясь съесть нечто, чего прежде даже ни разу не видел? Так же легко можно отравиться. Я сорвал один цветок, понюхал его, а затем попробовал на вкус. Было похоже на то, что я ем духи, чересчур ароматные, чтобы показаться привлекательными. Тогда я сорвал листок с толстым стеблем и ворсистыми краями и осторожно положил на язык. Резкий вкус показался особенно жгучим после цветочной сладости. Я съел полную горсть листьев и внезапно ощутил, что этой пищи мне достаточно, хоть я и не насытился. Не магия ли наконец заговорила со мной напрямую, как обещал древесный страж? Я не знал, так ли это, или же я обманываюсь. С ворчанием я тяжело поднялся на ноги и двинулся дальше. Когда я добрался до вершины холма, идти стало легче.

Я нашел и съел несколько ярко-желтых грибов, выросших во мху на древесном корне. Вышел к ползучему растению, высасывающему соки из старого ствола. Дерево теряло листья, и кое-где с него опадала кора, обнажая дыры и ходы насекомых, вознамерившихся его повалить. Но лоза, опутавшая умирающего старца, была полна сил, с пышной листвой и крупными каплевидными плодами такого густого пурпурного цвета, что в рассеянном солнечном свете они казались черными. Часть фруктов перезрела и полопалась, забродив. На землю сочился фиолетовый нектар. Вокруг возбужденно жужжали пчелы и прочие насекомые, а где-то сверху щебетали их соперники – маленькие птички. Несколько плодов упало на землю, и крупные черные муравьи деловито растаскивали их по кусочкам.

Все это убедило меня в том, что фрукты съедобны. Я подобрал один, понюхал и откусил крохотный кусочек. Плод оказался таким спелым, что сок и мякоть брызнули мне на язык, едва зубы проткнули его кожицу. Он оказался гораздо слаще сливы, вызревшей на жарком солнце, почти тошнотворно-сладким. Но уже в следующее мгновение его вкус омыл мой рот, и я едва не потерял сознание от наслаждения. Я сплюнул большую круглую косточку и потянулся за новым плодом.

Не знаю, сколько я съел. Когда я наконец остановился, пояс брюк уже снова врезался в мой живот, а руки стали липкими от сока до самых локтей. Я утер рот тыльной стороной кисти и чуть отдышался. У моих ног лежали кучкой десятка два косточек, а вместо тошноты пришло счастливое насыщение.

Неторопливо удаляясь оттуда, я трепетал от блаженства. Я слышал музыку леса, симфонию, состоящую из жужжания насекомых, голосов птиц, шелеста листьев на невидимом ветру над головой. Даже мои приглушенные шаги были частью целого. Эта симфония складывалась не из одних звуков. Запахи почвы и трав, листьев и плодов, телесное удовольствие от ходьбы, от скользящих по коже веток и обнимающего подошвы мха. Приглушенные мягким светом краски. Все это казалось поразительно цельным, переживание, поглотившее меня куда полнее, чем что бы то ни было в моей жизни.

– Я пьян! – крикнул я, и эти слова сплелись с кружащим падением листа и прилипшей к щеке паутинкой. – Нет, не пьян. Но одурманен.

Мне нравилось говорить вслух в лесу, поскольку так я в большей степени становился его частью. Я шагал вперед, восхищаясь всем вокруг, и вскоре запел без слов, позволив своим ощущениям управлять голосом. Я широко распротер руки, не обратив внимания, что куртка упала на землю. Я ушел от нее, вкладывая в пение всю душу – и все дыхание. Меня переполняла радость просто оттого, что я был самим собой, уходящим в чашу леса.

Просто оттого, что я был самим собой.

А кем я был?

Этот вопрос словно напомнил мне о забытом поручении. Я кто-то, идущий куда-то, чтобы совершить что-то. Я замедлил шаг, на некоторое время увлекшись этой мыслью. Я был сосредоточен и уверен в себе, но никак не мог определиться с собственным именем.

Невар. Мальчик-солдат. Точно медленный танец двух половинок, соединившихся, чтобы стать единым целым, и вновь разделившихся. Когда мальчик-солдат исчез из моего восприятия, я вдруг ощутил внутри зияющую брешь. Я был цельным существом, удовлетворенным собственной цельностью, но оказался вдруг чем-то меньшим. Я решил, что представляю себе, как чувствует себя человек, лишившийся конечности. Острое удовольствие, которое дарил мне лес, померкло до обычного восприятия приятных запахов и мягкого света. Общность с ним теперь стала лишь сплетением нескольких нитей, а не замысловатым кружевом. Я не мог вспомнить песню, которую только что пел. Я потерял свое место в мире. Я сделался меньше.

Я медленно моргнул и огляделся по сторонам, постепенно осознавая, что эта часть леса мне знакома. Если я взберусь на гребень впереди и направлюсь на восток, я приду к пню древесного стража. Неожиданно я понял, что именно туда и шел весь день.

«Домой», – подумал я, и это слово прозвучало эхом чужой мысли.

Мальчик-солдат считал это место своим домом. Я не был уверен, чем считал его Невар.

Впервые я встретился с древесным стражем в мире духов Девара. Тогда я ожидал воина-часового, а увидел толстую старуху с седыми волосами, прислонившуюся к дереву. Я не мог просто взять и напасть на нее, ведь отец сызмальства привил мне дух рыцарства. Так что я замешкался и заговорил с ней, и, прежде чем я осознал ее могущество, она одержала надо мной верх и захватила в плен.

Я стал ее учеником в магии. А потом любовником.

Мое сердце помнило дни, проведенные с ней. Разум – нет. Он отправился в Академию каваллы, ходил на занятия, завел друзей и выполнял все, что положено послушному сыну-солдату. А когда мне представилась возможность бросить ей вызов как врагу, я уже не колебался. Я уничтожил ту часть себя, что училась у нее, и вернул себе. А потом сделал все, что мог, чтобы убить ее саму.

Однако и в том и в другом я потерпел сокрушительное поражение. Спек, которого я выбрал в себя, затаился, словно пятнистая форель в глубокой тени у травянистого берега. Время от времени я замечал его, но мне ни разу не удалось схватить его и удержать. А древесный страж, которого я убил? Я не до конца разрубил саблей ее ствол. Этот поступок, невозможный в мире, который я считал реальным, оставил здесь след. На гребне высящегося передо мной холма остался пень ее дерева, и ржавеющий клинок по-прежнему торчал из него. Я повалил ее, но не перерубил ствол полностью. Останки ее дерева распростерлись на мшистом склоне, залитые солнцем, которое теперь пробивалось сквозь просвет в зеленом пологе леса.

Однако она не погибла. Из упавшего ствола пробилось новое, молодое деревце. А рядом с пнем я встретился с ее призраком. Мой враг остался жив, и прячущийся во мне спек по-прежнему ее любил.

Как древесный страж, она враждовала с моим народом и не скрывала надежды, что мне каким-то образом удастся повернуть вспять поток «захватчиков» и навсегда прогнать гернигцев из лесов и гор мира спеков. По ее указанию чума спеков охватила и продолжала терзать мою страну. Тысячи людей заболели и умирали. Грандиозный замысел короля натолкнулся на препятствие; строительство дороги, ведущей на восток, замерло. Следуя всему, чему меня когда-либо учили, я должен был ненавидеть ее как врага.

Но я ее любил. С такой невероятной нежностью, какой никогда не испытывал по отношению к другим женщинам. Подобному чувству не было разумных причин, но я ничего не мог с собой поделать.

Я одолел последний крутой подъем и, выбравшись на гребень холма, поспешил к ней. И с каждым шагом росло нетерпение затаившейся части моего «я». Но, увидев ее пень, я в смятении остановился.

Он омертвел, подернувшись серебристым налетом. Даже неповрежденная часть, изогнутая упавшим стволом и сохранившая часть ветвей, сделалась серой и тусклой. Я не видел древесной женщины, не мог ее почувствовать. Молодой отросток, потянувшийся вверх, когда пал ствол, по-прежнему стоял, но едва-едва.

Я пробрался по мертвым веткам к лежащему бревну и юному деревцу. Когда страж рухнул, в зеленом пологе леса осталась огромная прореха, и теперь сквозь нее падали желтые солнечные лучи, пронзающие обычный лесной сумрак и освещающие росток. Когда я тронул его зеленые листочки, они оказались вялыми и дряблыми. Некоторые, на концах веток, побурели по краям. Деревце умирало. Я положил руки на ствол. Мои ладони как раз смогли его обхватить. Однажды во сне, притронувшись к этому деревцу, я почувствовал, насколько оно полно ее жизни и сути. Теперь же мои ладони ощущали лишь сухую, согретую солнцем кору.

– Лисана!.. – тихонько позвал я.

Я обратился к ней настоящим именем и затаил дыхание, ожидая ответа. Но ничего не почувствовал.

Сквозь дыру в лесном пологе просочился легкий ветерок, взъерошил мне волосы и закружил пылинки в луче солнца, в котором я стоял.

– Лисана, пожалуйста! – взмолился я. – Что случилось? Почему твое дерево умирает?

Ответ пришел ко мне таким ясным и четким, как будто она произнесла его вслух. Прошлой ночью я смог выбраться из тюрьмы, потому что корни дерева пробились сквозь камень и известку. Когда я перелезал через них, я чувствовал присутствие Лисаны. Неужели ее корни проросли весь путь отсюда до Геттиса, а потом взломали ради меня стены? Это невозможно.

Магия вообще невозможна.

И всякая магия имеет свою цену. Лишь несколько дней назад Эпини стояла тут, около пня Лисаны, и они призвали меня во сне. Оглядываясь назад, я понимал, что Лисана была тогда более эфемерной, чем обычно. И более раздражительной. Она враждебно держалась с Эпини и была жестока со мной. Я попытался вспомнить, как выглядело ее деревце. Его листья были поникшими, но это не обеспокоило меня – день выдался жаркий.

Уже тогда ее корни, должно быть, продирались сквозь глину и песок, камни и почву, тянулись к Геттису и тюрьме, где меня держали. Уже тогда она тратила всю магию, какую могла призвать, и все собственные силы на мое спасение. Мне следовало сообразить, что происходит, когда я почувствовал ее слабое присутствие в камере. Почему она так поступила? Магия ли заставила ее пожертвовать жизнью, чтобы спасти меня? Или это было ее собственным решением?

Я прижался лбом к тоненькому стволу. Ее присутствия совсем не чувствовалось, и я предположил, что оставшейся в юном деревце жизни оказалось недостаточно, чтобы поддерживать Лисану. Она умерла, а меня терзало сознание того, что я помнил нашу любовь, – но ни единой подробности о том, как она зародилась. Мне снились наши встречи, но, как обычно случается со снами, после пробуждения удавалось удержать лишь пестрые обрывки воспоминаний. Слишком призрачные и хрупкие, чтобы вынести яркий свет дня. Они не ощущались настоящей памятью, хотя испытываемые чувства, несомненно, принадлежали мне. Я прикрыл глаза и попытался оживить в памяти эти картины из снов. Мне хотелось хотя бы вспомнить нашу любовь. Лисана дорого за нее заплатила.

И в этом сосредоточенном прикосновении я вдруг ощутил, как след ее сущности мимолетно коснулся меня. Слабейший, словно луна, истаивающая на ущербе. Бессильным жестом она велела мне отстраниться, но я лишь прижался к деревцу сильнее:

– Лисана? Неужели я ничем не могу тебе помочь? Если б не ты, я был бы уже мертв.

Я ощущал шершавость ее ствола лбом и так крепко обхватил деревце, что кора впивалась мне в ладони. Внезапно ее образ сделался более четким.

– Уходи, мальчик-солдат! Пока еще можешь уйти. Я отдала свою сущность этому дереву. Оно поглотило меня и стало мной. Но это не значит, что я могу сдерживать его потребности. Жить хотят все, но мое дерево хочет жить отчаянно. Уходи!

– Лисана, пожалуйста, я...

Раскаленная вспышка боли обожгла мою ладонь, отдавшись в запястье.

– Отойди! – вскрикнула она и с неожиданной силой оттолкнула меня прочь.

Я не упал – дерево уже слишком сильно вцепилось в меня. Из кожи лба выдернулись впившиеся в нее корни, и кровь багряной пеленой хлынула мне в глаза. Я заорал от ужаса и отчаянным рывком отпрянул от ствола. Из отдернутых ладоней неохотно высвободились красные от моей крови корешки. Они извивались и тянулись ко мне, словно голодные черви. Спотыкаясь, я отошел от дерева, затем стер рукавом кровь со лба и глаз и в ужасе уставился на истерзанные руки. Кровь сочилась из полудюжины ранок и стекала на землю, и с каждой каплей мох вокруг меня вздымался и вздрагивал. Крошечные древесные корни выползали из почвы и, извиваясь, тянулись к блестящей, словно алые ягоды, россыпи. Я прижал окровавленные ладони к рубашке и попятился.

У меня кружилась голова – от ужаса или потери крови. Деревце Лисаны попыталось съесть меня. Мои израненные руки ныли до запястий. Я задумался было, как глубоко корни впилась в плоть, но отбросил эти мысли, когда меня накрыла волна головокружения. Я заставил себя отойти еще на пару шагов назад. Меня мучили слабость и тошнота – и подозрение, не сделали ли со мной корни что-то помимо того, что проткнули кожу и напились моей крови.

– Отойди подальше, Невар. Еще. Вот так. Уже лучше.

Древесная женщина казалась туманным подобием себя прежней. Я мог видеть сквозь нее, но ощущение присутствия стало сильнее. У меня все еще кружилась голова, но я повиновался, прохромав подальше от деревца.

– Сядь на мох. Дыши. Скоро тебе станет лучше. Каэмбры иногда питаются живыми существами, а чтобы те не сопротивлялись, одурманивают их. Ты сделал глупость. Я предупреждала тебя, что дерево в отчаянии.

– Разве это дерево не ты? Почему ты так со мной поступила?

Я чувствовал себя больным и преданным.

– Это дерево не я. Я живу его жизнью, но я – не оно, а оно – не я.

– Оно пыталось меня съесть.

– Оно пыталось выжить. Все пытаются выжить. И теперь оно сумеет. В каком-то смысле это справедливо. Я взяла его силы, чтобы помочь тебе. А оно отняло твои, чтобы спастись.

– Значит... теперь ты будешь жить? – Мой разум ухватил лишь самую суть.

Она кивнула. Я с трудом различал ее в ярком солнечном свете, но все же заметил печаль в ее глазах, плохо вяжущуюся с нежной улыбкой.

– Да, я буду жить. Столько, сколько проживет дерево. Я потратила большую часть накопленного, чтобы добраться до тебя в той камере, и мне потребуется немало времени, чтобы восстановить силы. Но того, что ты дал мне сегодня, пока хватит. Теперь я смогу дотянуться до солнца и воды. Пока со мной все будет хорошо.

– В чем дело, Лисана? Что ты недоговариваешь?

Она рассмеялась – звук, который я скорее ощутил, чем услышал.

– Мальчик-солдат, как тебе удастся знать так много и в то же время не знать ничего? Почему ты упорно остаешься разделенным надвое? Как ты можешь смотреть и не видеть? Никто этого не понимает. Ты используешь магию с беспечной властью, какой я прежде не встречала никогда. Однако не видишь правды у себя под носом.

– Какой правды?

– Невар, дойди до конца гребня и взгляни на этот свой Королевский тракт. Посмотри, куда он приведет, когда его проложат дальше. А потом возвращайся и скажи мне, буду ли я жить.

Боль в кистях уже начала утихать. Я утер лоб рукавом и ощутил под ним шершавую корку. Магия снова исцеляла меня с невероятной быстротой. Я был ей благодарен, хотя и немного удивлен – не тем, что она смогла меня вылечить, а тем, как легко я принял ее помощь.

Полный дурных предчувствий, я отправился к краю гребня. Почва там была каменистой, а деревья совсем чахлыми. Я остановился на скалистом выступе, где рос лишь низкий кустарник, – отсюда можно было увидеть всю долину. В ней, как в огромной чаше, лежали древесные кроны, но в это зеленое море вторгался Королевский тракт, прямой как стрела. Он вонзался в лес, словно указующий перст, а по обе стороны от него кренились к земле желтеющие деревья, чьи боковые корни подрезала растущая дорога. Клубы дыма еще висели над навесом с инструментами – точнее, над его останками. Эпини все тщательно продумала. Она устроила три взрыва, чтобы отвлечь внимание от моего побега. Фургоны и волокуши под обвалившимся навесом превратились в гору дров и колес. Второе рухнувшее здание еще тлело, наполняя летний воздух горькой вонью. И у меня складывалось впечатление, что она взорвала одну из сточных труб. Дорога обрушилась, и вода, прежде протекавшая под ней, теперь сочилась между камнями и пенилась в грязи. Бригады рабочих уже выгребали слякотную почву, готовясь проложить для потока новую трубу. Им придется восстановить эту часть дороги, прежде чем углубляться в лес.

Моя кузина, девица нежного воспитания, нанесла такой удар, какой мне, вымуштрованному сыну-солдату, даже и не снился. И ей удалось хотя бы временно приостановить строительство Королевского тракта.

Но моя улыбка, вызванная ее успехом, тут же застыла гримасой. Эта дорога, прорезающая горы и стремящаяся к морю, – величайший замысел моего короля. С ее помощью он надеялся восстановить былое могущество Гернии.

А я с радостью смотрел на задержку в строительстве и разрушения. Как я мог?

Я снова взглянул вниз, на обрывающуюся дорогу. Она указывала прямо на меня. Нет, не совсем прямо. Она пересечет долину, взберется на холм, на котором я стою... я медленно повернул голову влево и посмотрел туда, откуда пришел. Древесная женщина. Лисана. Ее пень и рухнувший ствол остались как раз на пути тракта. Если вырубка продолжится, она погибнет под ударами топора. Я вновь повернулся к дороге, и кровь застыла у меня в жилах. Там, где прервалось строительство, два только что рухнувших великана распростерлись в путанице сломанных ветвей. В падении они увлекли за собой деревья поменьше. Отсюда новая прореха в зеленом пологие выглядела словно болезнь, разъедающая живую плоть леса. И она устремлялась к дереву моей возлюбленной.

Я наблюдал за копошащимися внизу людьми. До меня не доносились их проклятия и выкрики, но я чувствовал дым вчерашнего пожара и видел поток фургонов и рабочих, трудившихся на дороге, точно муравьи, восстанавливающие разрушенный дом. Сколько времени им потребуется, чтобы привести в порядок дренажную канаву и дорогу? Несколько дней, при определенном усердии. А чтобы сделать новые фургоны и волокуши, возвести новый навес? Самое большее, несколько недель. Затем работа продолжится. Колдовской ужас, который напускали спеки, все еще сочился из леса, отпугивая рабочих и высасывая их волю. Но я сам, по собственной глупости, подсказал командующему фортом способ с этим бороться. Именно я предположил, что люди под воздействием спиртного и опиума будут не так остро чувствовать страх и смогут работать, невзирая на него. Я слышал даже, что теперь некоторые каторжане так страстно жаждали дурмана, что требовали отправить их на работу в конец тракта. Опоенные почти до бесчувственности, они проложат дорогу дальше в лес. И я сделал это возможным. Меня даже едва не повесили за это.

Я нехотя признал, что мое сердце все больше и больше склоняется к бедам леса. Раскол в моей душе углублялся. Я пока еще оставался гернийцем, но теперь этого уже было недостаточно, чтобы считать, будто тракт следует проложить любой ценой. Я оглянулся на пень древесной женщины. Нет. Для меня цена окажется слишком высокой. Строительство нужно остановить.

Как?

Я еще долго стоял на каменном выступе, наблюдая за рабочими внизу, пока день медленно клонился к вечеру. Даже с такого расстояния я видел, что они трудятся довольно вяло. Никто не спешил, мелкие происшествия то и дело вмешивались в ход работ. Полная камней повозка, пытаясь развернуться слишком круто, опрокинулась и высыпала весь груз. Часом позже другой фургон завяз в грязи, а третий возница, пытавшийся его обогнуть, загнал упряжку в канаву.

Однако, несмотря ни на что, работа продолжалась. Возможно, трубы заменят лишь завтра, и, наверное, еще через день поверхность дороги восстановят так, чтобы по ней снова стало возможно ездить. Но рано или поздно, словно трудолюбивые насекомые, они добьются своего. А потом двинутся дальше, безжалостно вгрызаясь в лес. Разве для меня имеет значение, когда они срубят ее дерево – на следующей неделе или три года спустя? Я должен их остановить.

Но как бы я ни мучился, придумать ничего не удавалось. Я побывал у полковника перед тем, как на нас обрушилась чума, и умолял его прервать строительство. Я объяснил ему, что деревья каэмбра священны для спеков и, если мы их срубим, нам грозит война на уничтожение с лесным народом. Он отмахнулся от меня и моих предостережений, назвав их глупыми предрассудками. Он полагал, как только мы срубим деревья и спеки уверятся, что ничего страшного

не воспоследовало, они с готовностью примут предложенные им блага цивилизации. Он ни на мгновение не допускал мысли, что в верованиях спеков может содержаться зерно истины.

Когда я спросил, не может ли дорога обогнуть рошу каэмбр, он указал мне, что инженеры разработали наилучший путь, проходящий мимо Геттиса и через горный перевал, которым некогда пользовались купцы. Годами Герния вкладывала огромные средства в строительство дороги именно здесь. Рассматривался и другой вариант, по которому тракт прошел бы через Менди и Крепость, чтобы выйти к Рубежным горам там. Но если развернуть дорогу, на воплощение королевского замысла уйдет еще несколько лет, не говоря уже о том, что средства, потраченные на строительство до Геттиса и дальше, окажутся выброшенными на ветер. Нет. Такая мелочь, как роша древних деревьев, не воспрепятствует грандиозному начинанию владыки Гернии.

Полковник умер, пав жертвой чумы спеков. Они нанесли ответный удар по тем, кто уничтожал их деревья, единственным доступным им способом – исполнив танец Пыли для приехавших с инспекцией высокопоставленных чиновников из Старого Тареса и заразив всех зрителей. И об этом я его тоже предупреждал. Если полковник и пересмотрел свое отношение к моим словам, он унес эти мысли в могилу. Но даже если бы я мог вернуться в Геттис и поговорить с новым командующим, мои слова не произвели бы на него впечатления. Два мира, Гернии и спеков, просто не пересекались. Полковник даже не был способен понять, что спеки воюют с нами. Он считал, раз они каждый год приходят торговать с нами, значит мы достигли с ними своего рода согласия и они постепенно переймут наши обычаи. Каждый год во время этой торговли они атаковали нас, намеренно распространяя чуму.

Наши народы не могли прийти к согласию даже в том, что называть войной.

Я сомневался, что спеки понимали, насколько серьезный удар они нанесли нам последней вспышкой чумы. Болезнь поразила всех приезжих офицеров, находившихся на трибунах. Ее жертвой пал генерал Бродг, командующий армиями востока, а также его предшественник, почтенный генерал Прод. Эти потери отозвались эхом по всей Гернии. И в самом форту почти все офицеры заразились чумой, едва не оставив солдат без руководства. Командование Геттисом переходило из рук в руки трижды за месяц. Майор Белфорд, принявший его последним, никогда прежде не возглавлял гарнизон. Хотелось бы мне знать, озаботится ли король тем, чтобы сменить его, и кто теперь примет командование над армиями востока. Кто вообще захочет занять этот пост. Но эти вопросы теперь меня не касались. Я больше не солдат. Я даже не был уверен, герниец ли я.

Во мне медленно зрело решение: я должен остановить строительство тракта не только ради того, чтобы сохранить жизнь древесной женщине, но ради обоих народов. Я должен сделать его продвижение невозможным, чтобы король Тровен либо отказался от замысла, либо приказал отклониться на север, через Менди и Крепость. Когда король направит усилия на новый путь, Геттис потеряет свое стратегическое значение. Его, быть может, вообще оставят. И это положит конец войне между гернийцами и спеками. Возможно, мы сможем вернуться к мирной торговле, или еще лучшим выходом станет, если все отношения между моими народами угаснут.

Казалось, с моего разума сорвали пелену. Время взывать к здравому смыслу обоих народов прошло: я должен просто уничтожить дорогу. Не слишком детальный план, но даже он вызвал у меня душевный подъем. С другой стороны, я чувствовал себя слегка по-дурацки. Почему я не находил в себе подобной решимости прежде? Впрочем, ответить на это было несложно. Даже если теперь я знал, чего хочу, я не имел ни малейшего представления о том, как этого добиться. Мало смысла в том, чтобы собираться сделать невозможное. Невозможное для обычного человека, владеющего обычными средствами. Но я ведь больше не обычный человек, верно? Я подчинился магии и принял ее поручение. Я, Невар Бурвиль, собираюсь уничтожить Королевский тракт.

Затем мне и дана магия. Лисана и Джодоли, встреченный мной великий маг спеков, – оба настаивали, что я обязан прогнать гернийских захватчиков. Они твердили, что магия выбрала меня и сделала великим именно ради этого. Вывод напрашивался сам – я должен использовать чары, чтобы остановить строительство тракта.

Чего я так до сих пор и не знал – как я это сделаю.

Магия росла внутри меня, словно плесень, пожирающая плод, с тех пор как мне исполнилось пятнадцать. Несколько лет она пряталась так, что я совсем не замечал ее. Только отправившись из родного дома в Академию, я начал чувствовать внутри себя присутствие чего-то чуждого и странного. И лишь после того, как я переболел чумой спеков, магия принялась изменять мое тело. Она окутала меня слоем жира, навлекшим на мою голову поток насмешек и презрения, и испортила не только мою внешность, но и военную карьеру. Однако за все те годы, что она владела мной и преображала меня, мне лишь несколько раз удалось использовать ее в собственных целях. По большей части она пользовалась мной.

Она прибегала ко мне, чтобы шпионить за моим народом, чтобы лучше понять захватчиков и то, как их одолеть. Чтобы принести чуму в столицу и Академию каваллы, уничтожив целое поколение будущих офицеров. И снова – чтобы узнать, когда лучше нанести удар по Геттису, стерев с лица земли проводящих инспекцию офицеров и зная с запада.

Всякий раз, когда мне удавалось использовать магию, даже с самыми благими намерениями, она находила способ обернуться против меня. Лисана и разведчик Хитч предостерегали, чтобы я не пытался прибегать к ней ради собственной выгоды. Пожалуй, единственное, что я выяснил о ее действии, – это что она вспыхивает в ответ на мои чувства. Ни доводы, ни волевые усилия не способны ее разбудить. Она вскипала в моей крови лишь тогда, когда меня что-то захватывало до глубины души. Когда я сердился, боялся или задыхался от ненависти, магия приходила ко мне без малейшего усилия, а желание прибегнуть к ее помощи становилось почти нестерпимым. В иных обстоятельствах мне ни разу не удалось подчинить ее своей воле. Меня изрядно беспокоило, что разум, а не чувства побуждают меня обратить магию против тракта. Не слишком ли это гернийский отклик на беды спеков? Но возможно, именно поэтому она и выбрала меня. Однако, если я намерен магией остановить строительство дороги, сперва я должен от всей души этого захотеть.

Я оглянулся на пень Лисаны. Подумал о том, как едва не убил ее и как важно было для меня узнать, что она еще жива. О молодом деревце, некогда бывшем всего лишь веткой, и о том, как оно поднялось с ее рухнувшего ствола. Я уже видел такое раньше – как побеги на бревне идут в рост, словно настоящие деревья. Но лишь одно деревце пробилось из ствола Лисаны. А если здесь проляжет тракт, вскоре и его не станет.

Я обдумывал эту мысль, спускаясь по холму к концу дороги. Склон был крутым, но вскоре я обнаружил оленью тропу и двинулся по ней. Над моей головой снова сомкнулся полог леса, окутав меня преждевременными сумерками. Я шел сквозь мягкую полутьму, наслаждаясь сладким ароматом живой земли. Жизнь окружала меня. За месяцы, прожитые на краю леса, я постепенно начал это понимать, но только сейчас сумел четко выразить мысль. Я привык считать живым лишь то, что двигается: зайцев, собак, рыб, других людей. Жизнь, имевшая значение, походила на меня, она дышала и кровоточила, спала и ела. Разумеется, я знал и о другом ее пласте – неподвижных, но живых созданиях, поддерживавших все прочее, – но расценивал его как низший, менее важный уровень.

Степь предназначалась для того, чтобы пахать ее или пасти скот. Земля, слишком скудная для посевов или скота, считалась пустошью. Я прежде не жил рядом с подобным лесом, но, поселившись здесь, понял, для чего он нужен. Деревья будут пущены на древесину, землю, чтобы она приносила пользу, нужно расчистить. Мысль о том, что лес, степь или даже пустоши стоит оставить как есть, никогда не приходила мне в голову. Что проку с земли, пока ее не обработают? Зачем она нужна, если на ней не растут пшеница, плодовые деревья или трава

для скота? Достоинства каждого клочка земли, на который ступала моя нога, я оценивал в соответствии с его полезностью для человека. Теперь я смотрел глазами лесного мага. Здесь жизнь пребывала в равновесии сотни, а то и тысячи лет. Солнечный свет и вода – вот и все, что требовалось деревьям, чтобы расти. Деревья давали пищу существам, забредавшим под их сень, и питали почву, роняя листья, которые превращались в перегной. Это отлаженный и точный механизм надежнее любого созданного человеком. И работает безупречно.

Но тракт разрушит его с той же легкостью, с какой топор разобьет вдребезги точнейшие часы. Я видел ущерб от него с гребня холма и вблизи, когда побывал у конца дороги. И дело не только в деревьях, которые срубают, чтобы расчистить место. Строители делают одинаковым все на своем пути. Каждое углубление заполняется, каждый выступ заравнивается. Слои камней и гравия, лежащие в основании дороги, враждебны течению лесной жизни. Тракт стал бездушной преградой, пересекающей надвое сердце леса.

Но полоса смерти куда шире самой дороги. Речки заключены в трубы или перекрыты. Ручьи разлились, заболотив землю, которую они прежде питали. Тракт перерубил подземные корни, искалечив деревья по обе стороны от дороги. В пологе леса разверзлась огромная дыра, впуслав свет туда, где все живое поколениями существовало в мягком сумраке. Обочины дороги походили на схватившиеся коркой края раны, а сама она казалась ядом, проникшим в кровь и подбирающимся к сердцу жертвы. Когда тракт наконец достигнет гор, лес уже больше никогда не станет прежним. Это будет целое, рассеченное надвое, и от линии раздела раскинутся по лесу другие дороги и тропы, как если бы тракт отрастил собственную губительную для жизни корневую сеть.

Люди проложат новые пути, с ответвляющимися от них дорожками. Под этой разрастающейся паутиной не сможет выжить ничто. Способна ли смерть расти? Неожиданно я осознал, что способна. Ее раскинувшиеся сети будут рассекать живой мир на все меньшие и меньшие части, пока они не перестанут годиться для жизни.

Я спустился к подножию холма и задержался у ручья, чтобы напиться прохладной сладкой воды. В прошлый раз я побывал здесь бестелесным, и со мной была Эпини. Эпини... На миг я вспомнил о ней и сделался прежним Неваром. Я надеялся, что она не будет слишком горько или слишком долго оплакивать меня и что скорбь не повредит ее беременности. Потом я сморгнул, и эти чувства и мысли отодвинулись на задний план. Я снова был лесным магом, сосредоточенным на своей задаче.

Я должен остановить тракт. Должен быть безжалостным. У меня есть сила – если только я сумею пустить ее в ход.

Казалось, прошли недели, а то и месяцы с той поры, когда я парил над этим ручьем бестелесной сущностью, а Эпини сорвала и попробовала на вкус пару алых ягод. На самом деле минуло всего несколько дней, и плодоносящий куст все еще предлагал мне обильное угощение. Утолив жажду, я уселся рядом с ним и принялся тщательно собирать урожай. Эти ягоды мощно питали магию, и, поглощая их, я чувствовал, как восполняются запасы, сожженные мною, чтобы бежать из тюрьмы, а также те, что отняло у меня дерево Лисаны. Раны на ладонях закрылись, боль в запястьях утихала, пока не угасла вовсе, кожа на животе натянулась вновь. Я наполнил себя магией гораздо в большей степени, чем едой.

Каким бы грузным и громоздким я ни был, магия наделила меня ловкостью, и я передвигался по лесу с тяжеловесным изяществом медведя или лося. У меня над головой невидимое солнце клонилось к западу, и лесной сумрак сгустился до крошечной темноты. Я не чувствовал усталости, хотя не мог припомнить, когда в последний раз мне удалось проспать целую ночь в уютной постели. Меня переполняли магия и целеустремленность. Точно грузная тень, я скользил по лесу к концу дороги.

Я добрался до него, когда рабочие заканчивали трудиться. Взрыв, устроенный Эпини, принес определенные плоды. Сегодня они не срубили ни одного дерева и не убрали уже пова-

ленные. Вместо этого они целый день чинили фургоны и инструменты и восстанавливали разрушенные канавы, чтобы снова сделать дорогу проезжей. Я стоял в сумрачном укрытии леса и наблюдал за их суетой. Заключенные выполняли всю тяжелую работу – надрывались с лопатами, топорами и пилами в руках. За ними следили надсмотрщики, а тех в свою очередь проверяли солдаты. Сейчас, когда день подошел к концу, последняя группа оборванных, взмокших каторжан тащилась к поджидавшим их повозкам. Некоторые, в ножных кандалах, были скованы вместе по несколько человек. Другие наслаждались относительной свободой в наручниках. Человек со скованными руками способен удержать топор или лопату. Цепи на рабочих громко звенели, пока они неловко карабкались в тяжелые фургоны, которые отвезут их на ночь в камеры в Геттисе.

Прежде чем сдвинуться с места, я дождался наступления ночи. Я незаметно прогулялся под прикрытием деревьев, оценивая сегодняшнюю работу, и с неудовольствием отметил, что они выставили стражу. Вероятно, их встревожил взрыв. Под одним из уцелевших навесов для инструментов горел свет. Я подкрался поближе и обнаружил там четверых охранников. Они мрачно расселись в круг, поставив фонарь посередине и передавая друг другу бутылку рома. Я им не завидовал. Высвободив свое восприятие, я ощущал настойчивое покалывание страха, тревожное чувство того, что зло наблюдает за ними из темноты и ждет лишь случая, чтобы схватить их одного за другим. У каждого под рукой ждало заряженное ружье. Я нахмурился. Пьяные и напуганные люди не замедлят схватиться за оружие. Магия может очень быстро меня исцелять, но не сумеет защитить от мгновенной смерти.

Я твердо решил не давать им повода всполошиться. Пока.

Я глубоко вдохнул ночь и удержал ее внутри. Затем отвел взгляд от желтого света фонаря и медленно выдохнул пойманный мрак. Чернота ночи окутала меня, словно облако. Завернувшись в нее, я тихо двинулся вперед. Глубокий мох приглушал мои шаги, пока я удалялся от сторожей. Ветви деревьев раздвигались в стороны, кусты безмолвно уступали мне дорогу, чтобы даже шорохом не выдать меня. При мне не было света, но я в нем не нуждался. Я стал частью окружавшего меня леса и чувствовал его всем своим существом.

На краткий миг это поглотило меня. Я чувствовал ковер жизни, тянущийся во все стороны от меня. Сам я был мошкой в его переплетающейся паутине. Жизнь уходила глубоко мне под ноги, в пышную почву, где торили свой путь древесные корни, ползали черви и шмыгали жуки. Деревья окружали меня и тянулись к небу высоко над моей головой. Зайцы, олени и лисы двигались в темноте, как и я сам, а где-то наверху сидели на ветвях спящие или бодрствующие птицы.

Но, едва начав постигать эту взаимосвязанность, я вдруг испытал острую боль. Я сжал зубы и обхватил живот, почти ожидая нащупать там смертельную рану. Но я был невредим. Болело не мое тело; от этой раны страдал огромный организм, в котором я существовал и сквозь который двигался.

Дорога была раной, глубокой и гниющей, какую лес не в силах исцелить сам. Строители располосовали зеленую живую плоть леса и забили порез щебнем, песком и камнями. Всякий раз, когда лес пытался укрыть его целительной листвой, люди снова вспарывали ее. Они не походили на личинок, копошащихся в ране, потому что личинки пожирают лишь мертвую плоть. Захватчики оберегали мертвенную полосу, которую проделали в лесу, и пресекали все его попытки исцелиться. Они должны уйти. Пока они не уйдут, лес не сможет залечить раны.

Для меня эта ночь стала ночью пробуждения. Я увидел лес как живое существо, почти равное богу в своем величии. Я понял, что, чтобы он выжил, хватчиков необходимо прогнать. Тракт уже глубоко врезался в его плоть, и чем дальше он продвинется, тем больше успеет навредить. Лесу известно, что, если дорога доберется до гор, он обречен.

Однако я все еще не понимал, чего хочет от меня магия.

Я вернулся обратно, в самого себя, голова слегка кружилась от новых ощущений. Было непросто отыскать свой крошечный человеческий разум и еще труднее приложить его к решению задачи, которую магия поставила передо мной. В нетерпении я решил, что у меня нет времени ждать, когда она сама обнаружит выход и сообщит о нем мне. Магия так естественно, так тесно переплетена с самой трудностью, что не сможет найти простое решение. Однако я был уверен, что именно оно нам и требуется. Нечто неожиданное и прямолинейное, как удар молота. Я предположил, что магия сама не видит выхода и именно поэтому выбрала меня. Очень старый стратегический принцип: лучший способ выявить слабости врага – это самому стать врагом. Лесная магия шагнула дальше – она превратила одного из своих врагов в союзника, вероятно именно за этим. Молот гернийской логики и познаний в инженерном деле обретет мощь, данную мне магией.

Я попытался отыскать внутри спокойствие, почувствовать, согласна ли магия с моими предположениями, но ничего не заметил. Однако мои выводы казались мне столь неоспоримыми, что я отбросил сомнения. Именно за этим магия создала меня. Во мне ее сила объединится с гернийской логикой. Время уловок прошло, настала пора действовать.

Я передвигался, словно сам мрак, легко перетекая и нигде не встречая преград. Я не обратил ни малейшего внимания на сторожей, они не имели для меня значения. Я видел то, чего не осознавала магия. Страх, не имеющий под собой оснований, не способен сильно поколебать людей.

Я дам их страхам основание.

Глава 4

Работа мага

На краю дороги я замешкался, затем оставил жизнь позади и ступил в тишину бездушного тракта. Я ощущал, как обрываю тем самым собственные корни. С каждым шагом мое чувство связанности с жизнью леса натягивалось и лопалось. К тому времени, как я встал на середине дороги, я уже ощущал себя маленьким и беззащитным. Над головой больше не было дружественного полога листвы и ветвей, лишь жуткий разрез, открывающий бездонное ночное небо. Мое спекское «я» отступило, выпустив на поверхность Невара. Я заморгал, словно просыпаясь, и огляделся по сторонам, оценивая то, что должен был сделать за одну ночь. Потом глубоко вздохнул и приступил к работе.

Я чувствовал себя командиром на холме, оглядывающим войско перед началом атаки, когда потянулся внутрь себя в поисках магии. Это оказалось непросто. Я пытался нащупать то, что не мог ощутить или увидеть обычным образом. А когда мне это удастся, я должен буду отыскать в себе не волю и не разум, а чувства, чтобы воспользоваться ею.

Это далось мне куда труднее, чем я ожидал. Как выяснилось, я устал чувствовать. Я испытывал достаточно боли, познал предательство и отчаяние. Мне совсем не хотелось открывать свое сердце чувствам настолько сильным, чтобы заставить магию влиться в мою кровь. Но я обещал. Я на миг зажмурился, а затем снова открыл глаза ночи. Дневные краски угасли, кроме тех, что выжимал из окружающего мира бледный свет луны. Дорога вокруг меня казалась плоской серой полосой пустыни... Нет, не пустыни. Какой бы бесплодной ни казалась пустыня, в ней есть и жизнь, и связи. В дороге их нет. Сухая, лишенная собственной жизни и разрывающая связи между всем живым, что она разделяет. Когда я трудился на кладбище, я полагал, что имею дело со смертью. А в действительности там я был частью круговорота сменяющих друг друга жизни, смерти и снова жизни. Настоящая смерть притаилась здесь, где жизнь обрывалась.

Гнев во мне боролся с печалью об утраченном. Усилием воли я смирил ярость и вместо ненависти позволил своей душе наполниться скорбью. Эта мертвая полоска земли когда-то была полна жизни во всех ее проявлениях. Я горевал об ее утрате. Отбросил всю сдержанность и стал собственной скорбью.

И тогда использовал силу магии, направляемую гернийским разумом.

Хитч был прав. Я точно знал, что нужно сделать, и хотел этого больше всего на свете. Я поднял руки и развел широко в стороны. Затем опустил их в призывном жесте. Я был уверен. Магия должна прийти. Тем не менее я ощутил ее сопротивление, как будто она сомневалась в том, что я делаю. Магия не привыкла к тому, чтобы ее использовали подобным образом. То, что я задумал, не имело отношения к обычаям леса и спеков. Но я знал, что я делаю, и был уверен, что это поможет.

– Это гернийский путь, – мягко шепнул я ночному ветру. – Гернийская тактика, чтобы прогнать гернийцев. Разве не за этим я тебе нужен? Не затем, чтобы превратить меня в орудие против моего собственного народа? Тогда поверь, что я знаю, с какой стороны я острее.

Магия уступила. Она поднялась из глубин меня и выплеснулась наружу. Она наполнила мои руки мощью так, что кисти отяжелели. Я сжимал кулаки, сдерживая силу, пока не удостоверился в собственной сосредоточенности и целеустремленности. Тогда я раскрыл ладони и выпустил магию на волю.

Я начал с самого простого. Вода всегда приманивает жизнь. Эпини взорвала сточную трубу, и вода размывла часть дороги и еще столько же пропитала. Рабочие многое восстановили за сегодняшний день, но сырая земля все еще была готова принять то, что я должен дать.

Я потянулся к самым маленьким растениям, крошечным травинкам и прядям водорослей, ожидающим своего часа в стоячих лужах у обочины дороги. Если дать им время и не мешать, они за месяц снова заселят сырую почву и болотца, ежедневно подпитывая себя крошечными порциями силы от солнца и земли. Они проникнут во все свободные пространства, медленно заполняя их, насколько позволит почва.

Я раскрылся и уступил им силу, данную мне магией. За несколько коротких мгновений я скормил им то, что сами они собирали бы целый год. И они ответили. Точно разворачивающийся зеленый ковер, растения хлынули вперед, окутывая пустую дорогу. Их бледные корни углубились в слежавшийся щебень в поисках скудной влаги от выпавшей росы, поглощая крошки питания, застрявшие между камешками. Они казались новой кожей, стянувшей зияющую рану.

Я задушил восстановленную сточную систему зеленью. Я призвал пышные растения с толстыми стеблями и широкими листьями. Я слышал, как они шуршали, разрастаясь, и как захлебнулась, застыла и отхлынула мутная вода, еще мгновение назад свободно текшая по канаве. Тонкий прозрачный ручеек пробился сквозь растительный заслон, и вода в лужице у обочины дороги начала подниматься. По моим подсчетам, к утру поверхность тракта прорежет новый ручей. Я отвернулся.

Я шел по дороге, открытый лунному свету и далеким звездам. Я обращался к деревьям, растущим у обочины, и был безжалостен, как пастух, отбраковывающий скот. У большинства были повреждены боковые корни. Они протянут еще много лет, но уже умирают.

– Перестаньте цепляться за землю и падайте! – приказал я слабым.

– Вытаскивайте корни и ломайте дорогу! – велел сильным.

И, проходя дальше, я слышал за спиной, как это происходит. Я не оглядывался, чтобы посмотреть на устроенные мной разрушения. Я чувствовал их. Умирающие деревья с грохотом рушились на дорогу. Меня обдувало порывами ветра, кусочки коры взлетали и осыпались вниз. Другие деревья зашевелились, прорываясь корнями сквозь слежавшуюся землю и щебенку. Они не медленно разрастались в поисках пищи, а разрывали землю, как суслики, вспарывая и сминая поверхность дороги, словно тряпку. Я направлялся к окончанию Королевского тракта, и разрушение следовало за мной по пятам, подобно шагающему по земле великану.

Я подошел к навесу, где коротали ночь стражи. Они слышали, как падают деревья, как двигается земля, как вспучивается дорога. Сжимая ружья, они столпились у открытого края навеса, и их силуэты обрисовывал свет фонаря. Меня они не видели. Я был тенью в темноте, и их слабый свет не мог до меня дотянуться.

– Что это? Что происходит? – спрашивали они друг друга, но ни один не отважился покинуть жалкое укрытие, чтобы посмотреть самому.

Я прошел мимо, и тихий звук моих шагов затерялся в грохоте падающих деревьев и сдвигающихся камней за моей спиной. Я слышал, как они спорили, кому ехать в город и поднимать тревогу. Не соглашался никто.

– Какую тревогу, из-за кого?! – пронзительно, но вполне разумно возражал один из них. – Из-за чего? Из-за падающих деревьев? Я туда ни ногой.

Я хотел было обрушить навес им на головы. Я мог это сделать, мог приказать деревьям повалить его корнями, но не стал. Я пощажу этих людей, сказал я себе, не из-за того, что они некогда были моими соотечественниками, просто живыми и невредимыми они лучше служат целям магии. Пусть они завтра расскажут, как сам лес обратился против дороги и напал на нее. Не замеченный ими, я прошел мимо, а по моим следам корни продолжали вспарывать поверхность тракта лишь для того, чтобы мигом позже его скрыли рушащиеся стволы. Испуганные вопли сторожей утонули в треске и грохоте. Свет фонаря и их крики остались позади, а я продолжал идти.

Я оставил за спиной законченную часть дороги и вышел на площадку, где шло строительство. Здесь почву еще не успели утрамбовать и выровнять. Корням было гораздо легче пронзать ее. Просеку окаймляло множество умирающих деревьев. Когда какое-то из них падало, мне казалось, будто я делаюсь меньше. Кто я, чтобы приказывать им пожертвовать оставшимися годами? Я ожесточил сердце, решив, что имею такое право. Я пытаюсь спасти не отдельные деревья, а сам лес. Однако магия, обрушивающая их, тоже требовала от меня ответа, словно моя безжалостность ужаснула ее. Взмахом руки я приказал лозе выбраться из канавы и опутать упавший ствол. Она зарылась корнями в бревно и потянулась вверх, разворачивая листья навстречу солнцу, которого здесь не было. Зато был я. Я дал им силу, в которой они нуждались, и почувствовал, как лоза становится толстой и жесткой, точно высушенная кожа. Воодушевленный успехом, я обратился к кустарникам. Подчинить их моей воле оказалось труднее. В почве не осталось почти ничего, что могло бы поддержать в них жизнь, и они противились мне, словно зеленое воинство, дрогнувшее под огнем. Я стиснул зубы и усилием воли отправил их туда, где они были мне нужны. Завтра утреннее солнце высушит их, но это не важно. Шипастый ковер, оставшийся после них, послужит еще одним препятствием для строителей. Пушечное мясо, подумал я про себя, прогнал из сердца сомнения и двинулся дальше.

По мере того как я тратил магию, мое тело уменьшалось. Ненавистный жир, вместилище моей силы, постепенно таял. Ощущение было довольно странным. Брюки обвисли на бедрах, но я не мог их поддержать – мне нужны были руки, чтобы призывать магию. Застонав от досады на промедление, я прервался и затянул потуже ремень. Он впился в обвисшую складками кожу. Не важно. Я был уже у самого конца дороги. Я должен был продолжать, должен был достроить баррикаду против строителей. Снова собравшись с волей и чувствами, я выплеснул все запасы магии, что у меня оставались. На краткий миг магия воспротивилась мне, но вскоре снова подчинилась. Она пела в моей крови, одурманивая меня властью. Я быстрее обрушивал деревья и хохотал, когда дорога коробилась за моей спиной. Я говорил с сорной травой и кустами, выжившими у обочин, и они разрастались неистовым воинством, которое взбиралось по насыпи и расползалось по дороге. Мой парад разрушения превратился в настоящую атаку. Ничто не могло меня остановить.

Конец Королевского тракта виднелся впереди сгустком мрака. Я посмотрел туда ночным взглядом, и мое сердце замерло. Пение магии в моей крови превратилось в панихиду. Рабочие срубили еще одно дерево каэмбра, и павший великан рухнул на расчищенный участок, который должен был со временем стать частью дороги.

Я стоял, уставившись на место, где произошла трагедия, и остатки магии кипели во мне. До приезда в Геттис я и не представлял, что такие деревья существуют. Я вырос в Средних землях, на равнинах и плоскогорьях, где у ствола уходит пара десятков лет на то, чтобы вырасти на дюйм в обхвате. Попадались там и древние, перекрученные и искореженные, с древесиной жесткой, как железо.

Великаны из леса спеков все еще повергали меня в благоговейный трепет. Упавший ствол, преградивший мне путь, был слишком толстым, чтобы через него перелезть, – проще было бы перебраться через частокол, ограждающий форт Геттиса. Пока я огибал обрубленный конец ствола, на меня вдруг навалилось изнеможение и я начал спотыкаться. Пока я колдовал, я не ощущал усталости. Теперь же она обрушилась на меня всей тяжестью.

Под обвисшей на мне одеждой опустевшая кожа собралась складками. Лишняя плоть на руках, ногах, животе и спине едва ли не развевалась на ходу. Я ощупал свое тело и нашарил кости таза и ребра, словно поприветствовал старых друзей.

Я вдруг вспомнил предупреждение Джодоли – он, как и я, был из огромных толстяков-магов, кого спеки звали великими, но куда более опытным: «Ты можешь умереть от потери магии точно так же, как от потери крови. Однако это редко случается с нами без того, чтобы маг понимал, на что идет. Нужна очень сильная воля, чтобы сжечь всю свою магию. Маг не

должен обращать внимание на боль и истощение. Обычно перед смертью он впадает в беспамятство. Тогда кормилица мага может вернуть его к жизни, если окажется поблизости. Если нет, великий может погибнуть».

Я мрачно усмехнулся сам себе, хромая к пню рухнувшего дерева. У меня не было кормилицы, чтобы прийти и спасти меня. Оликея, женщина из племени спеков, некоторое время служила мне ею. В последнюю нашу встречу мы поссорились из-за того, что я отказался поселиться среди спеков и обратиться против гернийцев. Перед уходом она долго бранила меня, я сильно разочаровал ее. Она соперничала со своей сестрой Фирадой, кормилицей Джодоли. Я с грустью задумался, заботил ли я ее когда-нибудь сам по себе или был для нее лишь могучим, но невежественным магом, которым она могла управлять. Если б не усталость, этот вопрос показался бы мне очень важным, но сейчас у меня не было сил переживать из-за этого.

Но я сделал то, что намеревался. Мои усилия задержат строительство дороги на долгие месяцы. На краткий миг меня согрели приятные мысли о том, как Эпини будет мной гордиться. Но следом пришел отрезвляющий холодок. Эпини никогда не узнает, что это моих рук дело. Она услышит о моей позорной смерти и будет отчаянно горевать по мне. Если ей расскажут о происшедшем в конце дороги, она спишет это на магию спеков. Для нее я умер. Для нее, для Спинка, для Эмзил и ее детей. И для моей сестренки Ярил – умру, как только ее достигнет это известие. И для сержанта Дюрила, наставника моей юности... Радость угасла, мрак окутал меня. Я мертв для всех, кого я люблю. Все равно что умер на самом деле.

Я устало опустил на колени. Это было ошибкой. Как только я перестал двигаться, проснулся голод и принялся терзать мои внутренности и горло. Куда сильнее обычной боли; казалось, мои кишки пожирают сами себя. Я застонал. Окажись здесь Оликея, словно в тумане думал я, она принесла бы мне ягод, корней и листьев, питающих магию. А потом пробудила бы во мне плотское желание и утолила его. Какой-то отчаявшийся часовой в моей голове отметил, что проку в этих сожалениях нет никакого. Небо начало сереть. Я потратил ночь так же опрометчиво, как и собственную магию. Близился рассвет. Надо было бежать.

Еще некоторое время ушло на то, чтобы встать. Я заковылял вперед, в ушах звенело, – казалось, я слышу, как вдали о чем-то переговаривается толпа людей. Голоса то вздымались, то падали, точно вода, накатывающая на берег. Я поднял взгляд, но никого не увидел. У меня снова подогнулись колени. Я не успел пройти и дюжины шагов. Я рухнул на землю рядом с могучим стволом каэмбры, едва успев извернуться, чтобы не угодить лицом в опилки и щепки, устилавшие лесную почву. С мучительным стоном я повернулся и прислонился спиной к пню. Никогда прежде я не испытывал такой усталости и истощения, даже в худшие дни голодовки в отцовском доме.

– Я умираю? – спросил я неумолимую ночь.

– Вряд ли, – ответил мрачный голос у меня за спиной. – А вот я умираю.

Я не повернул головы, даже не вздрогнул. Несмотря на собственные мучения, я устыдился, вспомнив, что другие страдают сильнее, чем я.

– Прости, – обратился я к дереву. – Мне очень жаль. Я пытался, но опоздал тебя спасти. Мне следовало стараться лучше.

– Ты сказал, что поговоришь с ними! – выкрикнул он. – Обещал сделать все, что в твоих силах, чтобы положить этому конец.

Его боль и ярость звоном отдались не столько в моих ушах, сколько в самом сердце.

Я закрыл глаза, чтобы лучше его чувствовать.

– Я думал, ты уже мертв, – не подумав, ляпнул я.

Крайняя усталость и мучительный голод дурно сказались на моих манерах. Магии во мне почти не осталось, и я едва чувствовал в дереве старого спека. Когда-то его волосы были темными, теперь же стали длинными и серыми, с едва различимыми седыми прядями. Бледно-голубые глаза казались почти белыми, а пятнистые отметины потускнели, словно россыпь вес-

нушек. Неожиданно я понял, что он вошел в дерево уже стариком. Когда-то он был толстым великим, таким же лесным магом, как и я сам, но теперь истекал кровью. По мере того как магия покидала дерево, его плоть обвисала дряблыми складками. Я смотрел на него и спрашивал себя, выгляжу ли я сейчас так же, как он, и не ждет ли нас одинаковая судьба.

– Я мертв, – с горечью подтвердил он. – Конец может наступить быстрее или медленнее, но он уже близок. Они срубили меня холодным железом, многими, многими ударами холодного острого железа.

Я вздрогнул, представив, как это было больно. Возможно, даже хуже тысячи плетей. В отличие от меня, он не мог бежать от такой участи. Его жизнь зависела от меня, но мои жалкие попытки спасти его ни к чему не привели.

– Мне очень жаль, – искренне повторил я. – Я пытался, но опоздал. Но то, что я сделал этой ночью, испугает строителей. Если они наберутся смелости попытаться снова, им не так просто будет разгрести беспорядок, который я тут устроил. Даже если они начнут завтра же, пройдут месяцы, прежде чем они вернут все как было. Приближается зима, и все работы останутся, когда выпадет снег. Я выиграл немного времени, чтобы придумать, как остановить их раз и навсегда.

– Месяцы, – презрительно бросил он. – Часть года? Что мне с этого? Теперь уже ничего! Я мертв, герниец. Моя смерть покажется тебе медленным увяданием, но меня не станет еще до наступления весны. И для меня эти месяцы промелькнут как мгновение. Обретая дерево, мы перестаем мерить время часами, днями или даже месяцами, как вы. Я мертв. Но пока меня еще хватает на то, чтобы говорить, я повторю тебе. Задержать их недостаточно. Ты должен прогнать захватчиков, так чтобы они больше никогда не вернулись. Если потребуется, убей их всех. Вот уже много лет мы не позволяем себе пойти на этот последний шаг, но, возможно, иначе их не остановить. Убей их всех. Задержка? Какой с нее прок? Ты, словно любой другой герниец, велел живым существам умереть ради собственных целей, а затем заявил, что осчастливил нас всех! Каким же надо быть глупцом, чтобы разбрасывать магию, как пыль, тратить столько, сколько уже много лет никто не видел!

У меня почти не оставалось сил, чтобы ему ответить, но его слова так уязвили меня, что я собрал все, что у меня еще было.

– Я сделал то, чего хотела от меня магия, – возразил я.

Он горько рассмеялся:

– Я не почувствовал, чтобы магия говорила с тобой, когда ты действовал. Зато я видел, как ты превозмог себя, чтобы заставить деревья погибнуть и растения – пустить корни там, где они не смогут выжить. Я видел, что ты сеял жизнь так же противоестественно, как захватчики смерть. Любой из нас мог бы сказать тебе, что у тебя ничего не выйдет. Завтра половина твоего колдовства будет разрушена солнцем, когда растения увянут и умрут. Какая пустая трата!

Меня охватила ребяческая обида – это все казалось несправедливым. Магия никогда не сообщала мне ясно, чего она от меня хочет. Деревья предков ни разу не предложили помощи.

– Я не знал, что могу спросить у вас совета, – сухо выдавил я.

Я смертельно устал. Даже выражать мысли словами и то было трудно.

– А зачем, по-твоему, мы существуем, если не затем, чтобы отвечать на вопросы и давать советы? Какое еще значение могут иметь деревья предков? Глупое, себялюбивое продление жизни и гордость? Нет. Наша задача – направлять народ. И защищать его.

– Но народ не сумел защитить вас. – Меня терзали глубокая печаль и стыд.

– Магия дана тебе, чтобы нас защитить. Используй ее так, как должно, и мы будем жить.

– Но... магия показала мне лес, живой и цельный. И дорогу – как смерть, прорезавшую его. Если я смогу изгнать смерть и вновь срастить половины леса...

– Ты похож на ребенка, который видит орех, но не понимает даже того, что он вырос на дереве, не говоря уже о том, что в нем сокрыто другое дерево. Смотри шире. Узри все целиком.

Он поднял меня или, возможно, позволил мне подняться. То, что он мне открыл, трудно выразить словами. Я снова увидел лес таким, каким его показала мне магия, – совершенное равновесие жизненного танца. И дорога по-прежнему вторгалась в него, словно лезвие смерти. Но лесной старейшина поднял меня еще выше, и тракт предстал моим глазам не единственной мертвенной полосой, а ищущим щупальцем чуждого существа. Он был корнем, пытающимся укрепиться в новой почве. А тропинки и дорожки, как я их себе и представлял, станут его мелкими корешками и отростками. Проследив его взглядом до основания, я увидел Гернийское королевство, растущее и распространяющееся, как лоза взбирается по стволу. Она тянется к свету, вовсе не желая причинить дереву вред, но невольно высасывает из него жизнь, разрастаясь, отнимая у него солнечный свет стеблями и листвой. Дороги кормят Гернию, и их заботит только ее благополучие. Чтобы Герния жила, тракт должен расти. Она не сможет существовать без его расплзающихся во все стороны корней. Моя цивилизация и лес – это два организма, борющихся за выживание. Один отнимет свет у другого.

Затем, так же быстро, как поднялся ввысь, я снова вернулся в собственную плоть, опирающуюся на срубленный ствол, лишённую сил и надежды.

Поражение отравило даже мои краткие воспоминания о пережитом ликовании.

– Магия не сможет этого изменить, древесный человек, – тихо заговорил я. – Дело не в дороге или крепости Геттиса. Даже не в людях, пришедших сюда. Это невозможно остановить. Ты знаешь, даже если бы я мог убить всех захватчиков, я не стал бы. Но если бы я попытался, если бы мы убили всех до единого мужчин, женщин и детей в Геттисе, мы бы отрезали лишь кончик ветви. Вырастут и другие. Следующим летом здесь появятся новые люди, и строительство тракта возобновится. Для гернийцев приход сюда столь же неизбежен, как для воды – стекание вниз по склону. За теми, кто уже здесь, последуют другие ради пахотной земли или торговых путей. Убийство не остановит их и не помешает им строить тракт.

Я глубоко вздохнул. Это потребовало огромных усилий. Я снова подумал о лозе, взбирающейся по стволу дерева, душащей его и отнимающей у него солнце.

– Я вижу лишь один возможный выход. Мы должны убедить захватчиков провести тракт другим путем. Показать им дорогу, которая не будет проходить через рощи предков. Тогда оба наших народа смогут мирно сосуществовать друг с другом.

Мне становилось все труднее упорядочивать мысли, я прилагал огромные усилия, чтобы говорить. Слова звучали не слишком внятно, но я был не в силах сесть и произносить их четче. Я прикрыл глаза. Неожиданно меня пронзила еще одна мысль, и я истратил последние силы на то, чтобы высказать ее вслух:

– Если я смогу остановить строителей, если смогу повернуть дорогу, удастся ли тебе выпустить новый побег и выжить? Как древесному стражу?

– Ствол Лисаны был перерублен не полностью. Хотя дерево упало, он остался связан с пнем, и это позволило листьям добывать пищу. И одна из веток расположилась удачно, сумев стать новым стволом. Но меня срубили под корень, и листьев не осталось. Даже если бы я мог, мне пришлось бы выпустить побег, начав с крошечного отростка.

– Но ты бы остался жив. Мы бы не потеряли тебя.

Он промолчал.

Весь мой восторг от использования магии окончательно угас. Мы завершили круг и вернулись к поражению. Все настаивали на том, что магия приказала мне изгнать отсюда гернийцев и положить конец строительству дороги. Это невозможно. Я повторял им это раз за разом, но никто не желал прислушаться. И древесные старейшины понимают, что захватчиков не остановить. Даже магией.

Мне удалось поднять руку и положить на его кору. Со мной творилось что-то ужасное: я не чувствовал ног и в глазах у меня темнело. Может, я их закрыл? Я не знал.

– Я истратил слишком много магии, – невнятно пробормотал я. – У меня нет кормилицы, чтобы вернуть мне силы. Если хочешь, возьми из моего тела всю пищу, какую сможешь. Воспользуйся мной. Может быть, тебе удастся выжить. Может, кто-то другой найдет способ остановить тракт и примирить гернийцев и спеков. Это выше моих сил.

Ответом на мое предложение было молчание. Возможно, я его оскорбил. Но силы продолжали покидать меня, и я решил, что это уже не имеет значения. Я просунул пальцы в трещину в коре; они останутся там, даже если я потеряю сознание. Мое тело отчаянно требовало пищи и отдыха, но я подозревал, что уже слишком поздно. Минуло время, когда помощь еще была возможна.

– Воспользуйся мной, – снова предложил я и умолк.

– У тебя нет кормилицы? Ты великий, и никто за тобой не ухаживает? Это недопустимо! – Его слова доносились до меня, словно издалека, и чувствовалось, что он больше оскорблен, чем озабочен моей судьбой. – Великий не должен умирать вот так, без дерева и заботы. Как же низко пал народ, если он допускает подобное!

Я уже почти не слышал его, и меня не слишком беспокоили его тревога и возмущение. На мгновение мне стало любопытно, о чем подумают каторжники, когда найдут здесь мое истощенное тело. Это, несомненно, станет для них загадкой. Неразрешимой загадкой.

Мир вокруг меня замер.

Глава 5

Другая сторона

Лисана! – позвал я.

Она не услышала. Я давно уже не видел ее настолько ясно и четко, как в тех снах, когда учился в Академии каваллы в Старом Таресе. Она сидела, опираясь спиной о ствол собственного дерева, ее блестящие волосы разметались по коре. Нагая тучная женщина неопределенного возраста. Утреннее солнце, просачивающееся сквозь листву, разукрасило ее кожу пятнышками так, что я не мог отличить их от настоящего узора. Она прикрыла глаза и дышала медленно и тяжело. Я улыбнулся ей, окинув нежным взглядом пухлые губы и тоненькую морщинку на лбу, становившуюся заметнее, когда я сердил ее, и шагнул ближе.

– Лисана! Я здесь, – шепнул я ей на ухо.

Ее глаза открылись – медленно, сонно, без малейшей тревоги. Морщинка озадаченно углубилась. Она посмотрела в мою сторону, сквозь меня. Округлое плечо слегка дернулось, и веки вновь начали опускаться.

– Лисана! – настойчивее повторил я.

Она вздрогнула, села и огляделась по сторонам.

– Мальчик-солдат? – в смятении спросила она.

– Да. Я вернулся к тебе. Я сделал все, что мог, чтобы остановить строительство дороги. И потерпел поражение. Но я с этим покончил. Навсегда. И вот я здесь, я пришел к тебе.

Она дважды обвела взглядом лес вокруг себя, прежде чем ее глаза остановились на мне. Затем она протянула ко мне пухлую руку. Ее пальцы прошли сквозь меня – это ощущалось, как будто мне на кожу пролилось игристое вино. На глазах у нее выступили слезы.

– О нет. Нет! Что произошло? Этого не может быть. Не может!

– Все хорошо, – заверил я ее. – Я истратил всю свою магию в попытке остановить дорогу. Мое тело умирает, но я здесь, с тобой. А значит, все не так уж и плохо, верно? Я вполне доволен.

– Мальчик-солдат, нет! Нет, это не плохо, это ужасно. Ты великий! Магия сделала тебя великим. А теперь ты умираешь, без дерева и заботы. Я уже едва тебя вижу. А скоро ты совсем исчезнешь, исчезнешь навсегда.

– Я знаю. Но когда это тело умрет, я останусь здесь, с тобой. И я не считаю, что это плохо.

– Нет. Нет, глупец! Ты исчезаешь. У тебя нет дерева. И ты упал...

Она на мгновение прикрыла глаза, слезы покатались по ее щекам. Потом она вновь широко их раскрыла, и ее взгляд был полон страдания.

– Ты упал далеко от молодой поросли. Ты оставлен без присмотра, не подготовлен и все еще разделен надвое. Мальчик-солдат, как же так вышло? Ты исчезаешь. И я больше никогда тебя не увижу. Никогда.

Сквозь меня пронесся легкий порыв ветра. Я чувствовал себя странно уменьшившимся.

– Я этого не знал, – выговорил я сбивчиво и бестолково. – Мне жаль...

Едва слова сожаления сорвались с моих губ, как меня на миг охватил ужас, но это быстро прошло. Во мне осталось слишком мало жизни, чтобы бояться. Я совершил ошибку и теперь умирал. Как видно, даже загробный мир спеков оказался для меня недосыгаем. Я просто перестану существовать. Видимо, я умер неправильно. Вот так.

Я был совершенно опустошен. Меня окатила волна какого-то чувства, слишком тусклого, чтобы я смог его распознать.

– Мне жаль, – повторил я, скорее обращаясь к самому себе, чем к ней.

Она раскинула руки в стороны и прижала к своей груди все, что от меня осталось. Я ощутил ее объятие лишь как слабое тепло. Никакого прикосновения кожи к коже, лишь вос-

поминание об ощущении. Мое восприятие утекало медленными каплями. Скоро волноваться станет нечему. Я стану ничем. Нет. Ничто не будет мной. Так звучит точнее. Я смутно помнил, как мог бы улыбнуться.

Вода была сладкой. Не такой, как обычная чистая вода, а словно в нее добавили мед или цветочный нектар. Я поперхнулся, закашлялся, и мне на грудь пролилось что-то холодное. Тогда я вдохнул носом, сжал губы на горлышке меха и начал пить крупными глотками, зараз высасывая столько воды, сколько помещалось в рот. Вскоре емкость опустела, но даже тогда я не выпустил ее, надеясь выжать хотя бы еще каплю. Кто-то зажал мне нос и, когда мне пришлось открыть рот для вдоха, отобрал у меня мех. Я протестующе застонал.

Мне предложили другой, даже лучше первого – не просто со сладкой водичкой, а с более густой жидкостью. Мясо, соль и чеснок смешались в жирном бульоне с еще какими-то незнакомыми мне привкусами. По большому счету, мне было все равно. Я выхлебал все до капли.

Разрозненные звуки вокруг меня неожиданно сложились в речь.

– Будь осторожна. Не давай ему так много и так быстро. – Какой-то мужчина.

– Хочешь сам стать его кормильцем, Джодоли? – Этот голос я узнал.

Оликея говорила столь же сердито, как в тот раз, когда мы расстались. Она была сильной женщиной, не уступавшей мне ростом, с крепкими мышцами. Ее гневом не стоило пренебрегать. Я неожиданно ощутил себя слишком уязвимым и попытался подтянуть к туловищу руки и ноги, чтобы прикрыться, но они лишь едва дрогнули в ответ.

– Смотри, он пытается шевелиться! – В голосе Джодоли звучали разом и удивление, и облегчение.

Оликея пробурчала что-то едкое в ответ. Я не разобрал слов, но до кого-то дошел их смысл. Заговорила женщина, чьего голоса я не знал:

– Ну, это и значит быть кормилицей великого. Если ты не хочешь заниматься такой работой, не стоило и браться за нее, сестрица. К подобным вещам следует относиться серьезнее. И уж конечно, не рассматривать как возможность возвыситься самой. Если ты устала от чести заботиться о нем, так и скажи. Уверена, другие женщины нашего клана с радостью тебя заменят. И возможно, не допустят больше, чтобы он так истощился. А если бы он умер? Подумай о позоре, который ты навлекла бы на наш клан! Такого никогда прежде не случалось ни с одним из наших великих.

– Джодоли однажды довел себя до такого же состояния. Я сама слышала, как ты на это жаловалась. Он часто рассказывает о том, как едва не умер, истратив слишком много магии.

Сестра Оликеи заостенела от ярости. Я сумел слегка приоткрыть глаза и узнал ее. О да. Сестры были очень похожи, но в этот миг их лица выражали совсем разные чувства. Фирада сердито прищурила карие глаза, скрестила руки на груди и с презрением воззрилась на Оликею.

Та сидела на корточках надо мной, держа в руках пустой мех для воды, и сжимала губы в едва сдерживаемой ярости. Ее глаза были зелеными, ото лба до кончика носа сбегала темная полоса, и пятна усеивали лицо куда гуще, чем у Фирады. На остальном теле они сливались в полоски на боках и ногах, словно узор на кошачьей шкуре. Такие же полоски украшали и волосы. Я считал ее примерно своей ровесницей, но сейчас она казалась гораздо моложе. Сегодня ее кожа горела вокруг пятен ярким румянцем. И я ни разу прежде не видел ее одетой, хотя ее костюм состоял всего лишь из свободного кожаного пояса на бедрах с привешенными к нему несколькими мешочками и петлями для незамысловатых инструментов. Несмотря на украшавшие его бусины, перья и маленькие подвески из обожженной глины и чеканной меди, он явно предназначался для ношения вещей, а вовсе не затем, чтобы прикрывать наготу.

Джодоли стоял в стороне от сестер. Мой товарищ, а некогда и соперник, он был далеко не таким крупным, как я, но и его размеры привлекли бы взгляды в любом гернийском поселении. Темные волосы он заплетал в косички. На темной маске лица ярко выделялись голубые глаза.

– Прекратите браниться. Он пришел в себя. Сейчас ему нужна еда, если его желудок ее примет.

– Ликари! Дай мне ту корзинку с ягодами и собери еще. Не стой, разинув рот. Займись делом.

Только сейчас я заметил маленького мальчика за спиной у Оликеи. У него были такие же, как у нее, зеленые глаза и такая же полоска вдоль носа. Наверное, их младший брат. В ответ на ее слова он подскочил как ужаленный, передал ей полную корзинку и тут же побежал прочь. Его голый покрасневший зад был покрыт пятнами, как на конском крупе; я чуть не улыбнулся, глядя ему вслед.

Оликея смерила меня хмурым, скучающим взглядом:

– Ну, мальчик-солдат, ты собираешься есть или так и будешь пялиться по сторонам, точно лягушка на листе кувшинки?

– Есть, – откликнулся я.

Ее предложение прогнало из моей головы все прочие мысли. Я не буду ее раздражать, чтобы она не передумала меня кормить.

Сквозь туман в моем сознании начало пробиваться осознание того, что я буду жить. Как ни странно, я почувствовал укол сожаления. Я не хотел умирать и не слишком-то обрадовался смерти, но она казалась соблазнительно легким выходом. Все мои тревоги закончились бы, и больше не было бы никаких сомнений, правильно ли я поступаю. А теперь я вернулся в мир, где все от меня чего-то ждали.

Я лежал под естественным навесом из лозы, опутавшей клонящуюся к земле ветку могучего дерева. Ее листва отбрасывала густую тень в и без того неярком свете леса. Мох подо мной был мягким и пышным. Я предположил, что Джодоли магией создал для меня эту удобную постель, но едва я собрался его поблагодарить, как Оликея поставила рядом со мной корзинку с ягодами, и мое внимание оказалось приковано к ним. Все мои силы ушли на то, чтобы поднять истощенную руку. Опустевшая кожа свисала с нее дряблым занавесом. Я зачерпнул из корзинки пригоршню спелых ягод, не обращая внимания на то, что раздавил часть, и запихнул в рот. На моем языке расцвел восхитительный вкус, дарящий жизнь, сладкий и чуть резковатый, благоухающий цветами. Я дважды прожевал ягоды, проглотил их, облизал с руки сок и затолкал в рот еще пригоршню, сколько поместилось. Я жевал, плотно сжав губы из опасения потерять хотя бы каплю сока.

А рядом со мной разразилась буря. Джодоли и Фирада бранили Оликею, а та сердито огрызалась. Я не обращал на них ни малейшего внимания, пока корзинка не опустела. Она была отнюдь не маленькой, и ее содержимое должно было бы насытить меня, но с каждой каплей восполненных сил мое тело лишь просило большего. Я уже собрался потребовать добавки, но некая природная хитрость подсказала мне, что, если я разозлю Оликею, она может отказаться мне помогать. Я заставил себя прислушаться к ее словам.

– ...на свету, там, где рухнуло дерево великого. И вот я обгорела. Даже Ликари обгорел, хотя маленький негодник не слишком-то мне помог. Пройдет много дней, прежде чем я смогу двигаться без боли или хотя бы спокойно спать!

Джодоли казался смущенным из-за меня. Фирада сидела, поджав губы – так спеки выражали отрицание, – и упрямо изображала справедливое негодование.

– А ты как думала, что значит быть кормилицей великого? Ты думала, тебе придется только приносить ему еду, а потом греться в лучах его могущества? Если бы так, он бы не нуждался в кормилице. Просто кормить его мог бы весь народ. Нет. Великому нужна кормилица именно потому, что он не может думать о делах повседневных. Он слишком занят, прислушиваясь к магии. А твоя задача – обустроить его жизнь. Ты должна находить для него подходящую пищу и заботиться о ее разнообразии, следить, чтобы в волосах у него не заводились вши, помогать мыться, чтобы кожа оставалась здоровой. Когда он странствует по снам, ты обязана

охранять его тело, пока в него не вернется душа. И еще ты должна позаботиться, чтобы его род продолжился. Вот что значит быть кормилицей великого. Ты взяла на себя эту заботу, как только встретила его. Не прикидывайся, что он тебя выбрал. Ты нашла его, а не он тебя искал. Если ты устала, так и скажи и оставь это. Он довольно симпатичный даже для гладкокожего. И все знают о подарках, которые ты от него получала! Многие женщины с радостью станут его кормилицами в единственной надежде завести от него ребенка. А тебе даже в этом не удалось добиться успеха, верно?

Я перевел взгляд на лицо Оликеи. Слова Фирады напоминали дождь, падающий на сухую землю. Они барабанили по моим чувствам и медленно сочились в мозг. Герниец во мне отчаянно пытался выбраться на поверхность, приказывая уделить внимание тому, что происходит вокруг. Оликея спасла меня. Я лежал там же, где рухнул, в лучах солнца. Когда ей пришлось выйти из леса, чтобы втащить меня под деревья, она сильно обгорела. Известно, что кожа спеков невероятно чувствительна к свету и жару. Она рисковала собой. Ради меня.

И она сомневалась, что я того стою. Герниец Невар был готов с этим смириться и отпустить ее без особых сожалений. Когда-то я верил, что Оликея искренне любит меня, и терзался виной, поскольку мои чувства не были столь глубоки. Обвинения Фирады в том, что та заботится обо мне лишь ради власти, представили происходящее совсем в ином свете. Я не призову бычок, чтобы холить меня и выставлять на всеобщее обозрение, словно чью-то собственность. У меня еще осталась гордость.

Однако живущий во мне спек видел все иначе: великий не только нуждается в кормилице, он имеет на нее право. Я великий спек, и клан Оликеи должен гордиться тем, что я решил поселиться с ним. Если Оликея решит, что не рада своим обязанностям, это будет не только угрозой моему благополучию, но и смертельным оскорблением. Во мне нарастал гнев, основанный на глубокой убежденности спека в том, что меня унизили. Разве я не великий? Разве я не отдал все, чем владел, чтобы стать сосудом для магии? Какое право она имеет скушаться на услуги, которые многие почли бы за честь?

Мое тело, от макушки до пяток, начало покалывать, как бывает с затекшей от неподвижности ногой или рукой. Откуда-то из глубин моего существа мальчик-солдат призвал силы и заставил меня сесть. Моя спекская часть, так долго подчинявшаяся гернийской, презрительно огляделась по сторонам. Затем, словно бы стягивая с себя пропотевшую рубашку, он освободился от меня. В этот миг, когда он нас разделил, я, герниец Невар, внезапно превратился в стороннего наблюдателя. Он посмотрел на свое истощенное тело, на пустые складки кожи там, где некогда хранились огромные запасы магии. Я чувствовал его недовольство мной. Невар растратил его богатства на временное решение, которое никого не спасет и ничего не изменит. Он приподнял сморщившуюся кожу у себя на животе и тут же со стоном отчаяния выпустил ее. Вся магия, украденная им у жителей равнин с Танцующего Веретена, и вся, которую он старательно копил с тех пор, пропала. Глупо растратилась в бесполезном выплеске силы. Целое состояние отдано за безделушки. Он снова приподнял складки кожи и отпустил их. Его глаза налились слезами ярости, следом пришел румянец стыда. Он был полон магии, на вершине могущества – и бездумно все растратил. Он скрипнул зубами от позора и унижения. Он выглядел как голодающий, слабак, не способный позаботиться о себе, не говоря уже о том, чтобы защитить свой клан. Этот бездельник Невар ничего не знает ни о великих, ни о магии. Он даже не сумел выбрать хорошую кормилицу, а просто принял первую же женщину, предложившую себя на эту роль. По крайней мере, это можно быстро исправить. Он поднял глаза и сурово смерил взглядом Оликею:

– Ты мне не кормилица.

Оликея, Джодоли и Фирада удивленно уставились на него – так они могли бы смотреть на заговоривший камень. Оликея потрясенно приоткрыла рот, на ее лице одно выражение быстро сменяло другое. Обида, потрясение, сожаление и гнев боролись за власть над его чертами.

Как Невар, я наблюдал за разворачивающейся перед моими глазами драмой, будучи скорее зрителем, чем участником. Я слышал и видел, но не мог говорить и управлять телом, в котором находился. Я был осведомлен о его мыслях. Мог ли я на них влиять? Я не находил в себе даже желания попробовать. Возмущение моего спекского «я» тем, как напрасно я растратил нашу силу, лишало меня воли. Пусть сам разбирается с непомерными требованиями магии – и посмотрим, справится ли он лучше!

С мрачным удовлетворением я наблюдал за тем, как Оликея пытается совладать с собственным лицом, придать ему озабоченное, а не оскорбленное выражение. Этот человек еще никогда не разговаривал с ней в подобном тоне. Она злилась, но старалась, чтобы ее голос звучал спокойно:

– Но, мальчик-солдат, ты еще очень слаб. Тебе нужно...

– Мне нужна еда! – отрезал он. – А не бесполезная болтовня и скулеж. Еда. Настоящая кормилица сначала позаботилась бы о моих нуждах, а упреки и жалобы приберегла на потом.

Внутри моего изможденного тела я двигался, точно тень позади мальчика-солдата. Спекская сущность захлестнула меня своим видением мира. Я сдался и замер. Оликея искоса взглянула на сестру и Джодоли. Ей не нравилось, что ее унизили в их присутствии.

Она расправила плечи и предприняла новую попытку – с по-матерински заботливой настойчивостью:

– Ты голоден и слаб. Посмотри, до чего ты довел себя. Сейчас не время капризничать, мальчик-солдат. Прекрати говорить глупости и позволь мне позаботиться о тебе. Ты сейчас не в себе.

Я улыбнулся в полном единодушии с мальчиком-солдатом. Она и не представляла, насколько она права.

Неожиданно я уловил в воздухе слабый аромат чего-то жизненно необходимого, а он повернулся на запах, напрочь забыв об Оликее. Маленький обгоревший на солнце мальчик вернулся с полной корзиной ягод. Он спешил так, что пухлые щечки забавно вздрагивали.

– Я принес тебе ягоды! – крикнул он, подбегая.

Он встретился со мной взглядом и, вероятно, сообразил, что я еще не должен был прийти в себя. В детских глазах вспыхнул ужас от того, насколько исхудало мое тело, но тут же сменился сочувствием. Мальчик бросился ко мне с корзинкой:

– Съешь их! Быстрее!

В спешке он наклонил ее, и несколько ягод просыпались на мох, словно драгоценные камни.

– Неуклюжий мальчишка! Дай мне! Они же для великого, – прикрикнула на ребенка Оликея.

Мальш весь съежился и протянул корзинку ей. Когда Оликея протянула за ней руку, Джодоли отвернулся, а Фирада нахмурилась.

– Нет, – твердо вмешался мальчик-солдат.

– Но ты должен съесть их, мальчик-солдат. – Оликея мгновенно сменила предназначавшуюся ребенку суровость на лстивую вкрадчивость. – Они помогут тебе восстановить силы. И тогда мы сможем приступить к восполнению твоей магии. Но сначала ты должен съесть эти ягоды.

Запах, острый и искушающий, коснулся его ноздрей, и он содрогнулся от вожделения, но сцепил руки, чтобы не выхватить корзинку.

– Нет. Я ничего у тебя не возьму. Мальчик принес мне дар. Пусть сам его и преподнесет. Честь служить великому принадлежит ему.

Невар залился бы румянцем, произнося эти слова. Он никогда не требовал к себе подобного почтения. Но это был не Невар, даже если бы я думал о нем как обо «мне». Это был кто-то другой, а я оставался лишь его безмолвной тенью.

Оликея задохнулась от возмущения, прищурилась, и я предположил, что она собирается спорить, но вместо этого она резко встала, отвернулась и двинулась прочь. Джодоли и Фирада смотрели ей вслед, но мальчик не сводил глаз с меня. Трепеща от оказанной ему чести, он упал на колени, прижимая к груди корзинку, и пополз ко мне. С его приближением запах пищи становился все соблазнительнее. Мальчик-солдат не стал забирать у него корзинку, а погрузил в нее обе руки, зачерпнул ягод и набил ими рот. Вскоре она опустела. Мальчик-солдат удовлетворенно вздохнул, и малыш просиял счастливой улыбкой. Он взлетел на ноги, но вспомнил о присутствии лесного мага и опять рухнул на колени. Не вставая, он попятился и, лишь отдалившись, вскочил снова.

– Я знаю, где найти желтые грибы! – воскликнул он и, прежде чем мальчик-солдат успел ответить, развернулся и умчался прочь.

Мое спекское «я» огляделось по сторонам. Я почти ожидал обнаружить вокруг деревню спеков, но нигде не заметил их укрытий, костров – ничего, что указывало бы на то, где мы находимся, точнее, чем «в глухой чаще горного леса».

– А где все? – услышал я вопрос мальчика-солдата и оценил, насколько глупо он прозвучал. Он перевел дыхание. – Джодоли, как я сюда попал?

– Ты истратил слишком много магии и рухнул за смертью в конце дороги захватчиков, – прямо ответил Джодоли, хотя и казался смущенным. – Один из старейшин устыдился смотреть на то, как великий погибает вот так, без заботы и дерева, которое могло бы его вобрать. Всеми остатками своей жизни он передал призыв. Лисана, твой покровитель, добавила сил, чтобы он прозвучал как приказ. Они позвали меня и Оликею. Фирада пришла со мной, чтобы заботиться обо мне. А Оликея привела с собой Ликари для мелких поручений – подай-принеси. Она вынуждена была перенести тебя в тень, поскольку упал ты на самом солнцепеке. Они с Ликари сильно обгорели, пока тащили тебя, поскольку даже истощенным ты оказался для них нелегкой ношей, а времени, чтобы сплести себе плащи, у них не было. Как только ты оказался в тени деревьев, Фирада смогла им помочь. Мы перенесли тебя сюда, подальше от света. А Оликея делала все, что могла, чтобы привести тебя в чувство. Я удивлен тем, что ты уже пришел в себя. Мне еще ни разу не доводилось видеть настолько истощенного великого.

– Пустая трата... – сердито пробормотал мальчик-солдат, откинулся на мох и уставился на клочки неба, просвечивающие сквозь густую листву. – Столько магии сгорело зря... То, что я сделал, задержит рубку деревьев, но не остановит. И хотя это напугает и удивит их, боюсь, они лишь задумаются о том, как справиться с трудностями, однако от своего замысла не откажутся. Я знаю, что моя задача – избавить наши земли от захватчиков, но мне неизвестно, как именно это сделать. Это по-прежнему ускользает от меня.

– Магия не ставит перед человеком неразрешимых задач, – успокаивающе проговорил Джодоли, и в словах его слышался ритм, похожий на движения старой пилы.

– Возможно. Но мне всегда твердили, что, когда ты встаешь на верный путь, магия освещает его и все делает ясным. Со мной такого не произошло, Джодоли. Я пребываю во тьме и пытаюсь на ощупь найти решение задачи, у которой его, похоже, вовсе нет.

Было странно слышать свой голос без сознательного намерения говорить. Крайне странно – и холодок страха пробежал по моей коже.

Джодоли было явно не по себе оттого, что мальчик-солдат признался ему в своей ущербности. Я знал, что великие редко становятся близкими друзьями; они бывают союзниками, а чаще – соперниками. Силу следует накапливать и направлять на благо собственного клана. Признание в том, что я истратил огромные запасы магии зря, смутило Джодоли, он устыдился за меня. Мальчик-солдат понимал, что нет смысла утаивать от него эти сведения. Возможно, Джодоли догадывается, как справиться с нашей бедой.

Впрочем, даже если так и было, он не стал делиться со мной своими предположениями.

– Я уверен, в свое время магия откроет тебе, что ты должен сделать, – ответил он.

Он бросил косой взгляд на Фираду, и лишь тогда я заметил, насколько она потрясена. Неожиданно я понял, что великие никогда не признаются в своем невежестве. То, что мальчик-солдат это сделал, испугало ее. Спеки обращались к своим великим за наставлениями и указаниями. Или в них нет магии леса, показывающей им, что они должны делать? Признание в том, что он не ощущает воли магии, испугало ее. Что, если даже магия не сможет остановить захватчиков? Что, если даже великие спеков не смогут их спасти? Мальчик-солдат пожалел о сказанном.

- Уверен, что так и будет. Просто я устал и обескуражен и потому сказал то, что сказал.
- Разумеется. Поешь и восстанови силы, и все будет хорошо.

Мальчик-солдат грустно кивнул:

– Пройдут дни, прежде чем я восстановлю хотя бы треть своего веса, и месяцы, прежде чем накоплю прежний запас магии. Это было ужасным расточительством.

- Зачем ты это сделал? – спросил Джодоли.

Мальчик-солдат молча покачал головой. То его признание уже было ошибкой. Если он скажет им с Фирадой, что виной всему невежественная гернийская часть его «я», это их только запутает. И возможно, восстановит против него. Он не мог такого допустить. Я начинал подозревать, что для выполнения поставленной перед ним задачи ему потребуется вся помощь, какая только возможна. И вся сила.

Его снова захлестнула волна голода, и он внезапно осознал, что его терзает страшная жажда.

- Вода еще осталась? – спросил он.

– Может, вон в том мехе, – сдержанно ответил Джодоли и указал рукой, но не сдвинулся с места, чтобы передать мне мех.

Я вдруг осознал еще один промах мальчика-солдата. Джодоли ему не кормилец, чтобы заботиться о его нуждах. Фирада неподвижно стояла поблизости, вполне осведомленная, что в ее обязанности не входит что-либо ему предлагать. Он с трудом сел и дотянулся до меха. Тот оказался неполным, но все же с водой.

- Где тот мальчик? – напившись, жалобно спросил он. – Как там его зовут?

- Ликари, – ответила Фирада. – Моего племянника зовут Ликари.

От воды ему стало полегче, но сосредоточиться на чем-то, кроме пищи, все еще оставалось непросто.

- Твой племянник. Я думал, скорее, младший брат.

- Нет, он мой племянник. Сын Оликеи.

Я постарался ничем не выразить смятения:

– Я не знал, что она... замужем. – Мне пришлось перейти на гернийский язык, чтобы найти нужное слово.

Фирада выглядела озадаченной. У спеков такого понятия не было. Чувство вины Невара, вызванное тем, что он прелюбодействовал с замужней женщиной, на мгновение просочилось и в мое спекское «я».

– А что такое «замужем»? – спросила Фирада, выговорив слово так, словно оно могло обозначать болезнь.

– Слово из другого времени и места, – небрежно отмахнулся мальчик-солдат, отчетливо встревоженный тем, с какой легкостью я способен влиять на его мысли и слова. – Оно означает, что она привязана к мужчине. Преданна настолько, что готова выносить его ребенка.

Фирада нахмурилась:

– Я не помню, кто зачал Ликари. Может, Оликея знает. Она только-только стала женщиной, когда решила его родить, и ей быстро надоело о нем заботиться. Она обращает на него внимание, только когда он может быть чем-то ей полезен.

Возмущение Невара таким положением вещей столкнулось с уверенностью мальчика-солдата, что это не имеет особого значения. Ребенок принадлежит к своему кровному клану. О нем позаботятся, даже если его собственная мать не примет на себя этой обязанности. Несколько мгновений ушло на то, чтобы буря у меня в душе утихла. Испытывал ли мальчик-солдат такое же разочарование, как я сейчас, когда я распоряжался собственной жизнью? Я подозревал, что да. Гернийская часть меня словно отстранилась, способная думать и оценивать ситуацию, но не действовать. Теперь я знал, что могу влиять на мысли мальчика-солдата, но не управлять его поступками. Все, что я мог сделать, – это побудить свое другое «я» к размышлению и вынудить его сопоставить два разных мира, создавшие эту раздвоенность.

Он молчал слишком долго. Фирада и Джодоли как-то странно на него посматривали.

– Пожалуй, я поторопился, отослав Оликею. Возможно, мальчик сумеет позаботиться обо мне, пока я не подберу кого-нибудь более подходящего.

Джодоли отвернулся и сжал губы в характерном для спеков отрицании.

– Должно быть, ты отважнее меня, – заметил он, по-прежнему не глядя на меня. – Выбрать такого юного и неумелого кормильца. Ликари знает некоторые виды еды, необходимой тебе, кроме того, он достаточно умен, чтобы быстро освоить свои обязанности. Но удобств определенного рода тебе будет недоставать. Если, конечно, ты не предпочитаешь удобства иного рода.

Он выразил свое предположение обиняками, но смысл я уловил. Невар был оскорблен. Мальчик-солдат ответил прямо и резко:

– Я отослал Оликею прочь. Если ей нет дела до этого ребенка, с чего бы мне давать ей другого? И, настолько истощившись, я вряд ли вскоре возжелаю женщину. Сейчас мне первым делом нужны еда, питье и отдых. Мальчику вполне по силам обеспечить меня первым и вторым, за последнее же я возьмусь сам.

– Но ты не можешь отдыхать! Не теперь, – настойчиво возразил Джодоли.

– Почему нет?

– Потому что нам пора уходить. Наш клан уже выступил к горам, когда я услышал призыв вернуться и спасти тебя. Время откочевки. Ты не можешь здесь задерживаться. Снег застанет тебя задолго до того, как ты доберешься до зимовья, если ты промедлишь.

– Ты жив лишь благодаря магии Джодоли, – прямо высказала Фирада то, о чем умолчал ее великий. – Он потратил немалую часть собственных запасов, чтобы как можно быстрее доставить нас сюда. Если бы не его вмешательство, ты бы так и жарился на солнце, а Оликея и Ликари еще шли бы в долину деревьев-предков.

– Я должен Джодоли еду и благодарность, – признал мальчик-солдат.

Фирада неодобрительно поджала губы:

– Не вижу, как ты собираешься возвращать долг с таким юным и неопытным кормильцем. Ликари будет очень трудно обеспечивать даже одного тебя. Он хороший мальчик, но маленький. Как он сумеет собрать достаточно еды, чтобы вернуть Джодоли потраченное ради тебя?

Сам Джодоли смотрел в сторону. Суетиться из-за таких пустяков – ниже достоинства великого. Потребуй он расплатиться с ним, могло бы показаться, что он недостаточно могуч, чтобы легко перенести подобный расход магии. Но его кормилица обязана следить за подобными вещами и заботиться о том, чтобы другие не только признавали свои долги, но и оплачивали их подходящей едой. Фирада твердо стояла на своем, хотя ей явно было неловко обращаться так к великому. Глупая растрата магии стоила мне не только могущества, но и уважения. Мои размеры были достаточной причиной для того, чтобы спеки почтительно ко мне относились. Потеряв вес и бессмысленно подвергнув опасности собственную жизнь, я уронил себя в глазах клана Оликеи. Неожиданно я осознал всю шаткость своего нынешнего положения. У клана уже имелся великий. Их уже обременяла обязанность заботиться о нем и соби-

рать пищу для его магии. Увидев, как глупо я поступил, они могли посчитать невыгодным содержание второго великого.

Мальчик-солдат глубоко вдохнул, вполне отдавая себе отчет, что полные легкие воздуха едва ли смогут заменить жир. Я, наверное, выглядел смешно – костлявый тип с обвисшей кожей, изображающий достоинство и мощь правильно откормленного великого. И тем не менее он не отступился:

– Все будет оплачено. Можете не сомневаться. Я не из тех, кто скупится, возвращая долги. Я все оплачу, а когда восстановлю прежний размер, Джодоли будет знать, что, если у него возникнет любая нужда, он сможет положиться на меня.

Мои слова заставили ее вскинуть брови. Великие обычно были соперниками, и зачастую непримиримыми. О предложениях помощи и возможного союза у спеков прежде не слышали. Я едва ли не видел, как она мысленно оценивает выгоды. Какое могущество обретет клан, поддерживающий союз двух великих? Случалось ли такое прежде?

Она повернулась к Джодоли, и их глаза словно бы что-то сказали друг другу. Он медленно кивнул мне:

– Ловлю тебя на слове. Сейчас тебе не нужно беспокоиться о том, чтобы вернуть мне потраченное. Пока что Ликари должен сделать все, что в его силах, чтобы ты смог как можно быстрее двинуться в путь. После того как ты доберешься до зимовья, ты вернешь нам свои долги.

Я отметил использованное им множественное число. Меня вдруг окатила волна усталости. Если мое тело не может немедленно получить еду, оно требует сна. Если оно не в состоянии восполнить плоть, оно должно отдыхать, пока такая возможность не появится. Где же мальчишка? Он говорил о желтых грибах. От одной мысли о них мой рот наполнился слюной. Мальчику-солдату было непросто заставить себя думать о чем-то другом.

– Долги? Значит, ты принимаешь мое предложение помощи?

Он рассудительно кивнул:

– Я не думал об этом раньше, но, возможно, ничто иное и не поможет. Союз великих может убедить Кинроува больше не действовать в одиночку. Он должен обсудить с нами свои планы и выслушать нас. Может, он и самый большой из нас, а его танец все эти годы удерживал захватчиков, но ему необходимо объяснить, что влияние этой магии слабеет, а цена, которую платит народ, высока – непереносима, как считают некоторые. Я говорил с ним об этом две зимы назад. Он посмеялся надо мной. Прошлой зимой я снова поделился с ним своим беспокойством. Он не пожелал меня слушать и сказал, что мне должно быть стыдно порицать его танец, пока сам я не сделал ничего, чтобы защитить деревья предков. Поскольку наш клан проводит лето ближе прочих к долине, твердил он, я обязан быть бдительнее. Но разве тут дело в бдительности? Сомневаюсь! И хотя мы живем летом ближе всех к долине, деревья хранят предков всех нас! А он вел себя так, будто взял на себя обязанность, которую следовало исполнять мне одному, будто я должен считать себя и свой клан в долгу перед ним! За танец, не прогнавший захватчиков и едва их задержавший!

Мальчик-солдат знал, что этот рассказ очень важен, однако от усталости у него слипались глаза. Он удерживался от сна, лишь думая об обещанных мальчиком грибах. С неожиданным сожалением он вспомнил полные корзины еды, которые приносила ему Оликея, и то, как умело она подготавливала и разнообразила его трапезы. Возможно, он чересчур поторопился, отказавшись от нее. Он внезапно пожалел, что не может позвать ее назад, но стиснул зубы, отгоняя эту мысль. Нет. Он и без того потерял лицо и никому не даст повода думать, будто не в состоянии принять решение.

С беспокойством мальчик-солдат огляделся по сторонам. Голод сводил его с ума, и он больше не мог сосредоточиться на словах Джодоли. К своему величайшему облегчению, он увидел сквозь деревья Ликари, спешащего с такой тяжелой корзиной, что он держал ее не за

ручку, а обхватив обеими руками. Мальчик-солдат сел и выпрямился, пытаясь увидеть, что он принес.

– Прости, что я так долго, великий! – закричал ребенок еще издали, глаза его сияли. – По дороге к месту, где растут грибы, я нашел заросли липучих плодов и принес и их тоже. Их было много, красных и желтых. И все грибы, с обеих сторон деревьев. Я знал, что ты голоден, и очень спешил. Я все сделал правильно?

Его обгоревшее лицо раскраснелось от напряжения, так что пятнышки почти слились с кожей. Мальчик-солдат улыбнулся, кивнул и нетерпеливо потянулся к корзинке. Голод вдруг обрушился на него с такой силой, что он не мог выговорить ни слова. Ликари опустился на колени, поставил корзинку и начал было доставать из нее еду, но мальчик-солдат ждать не мог. Он потянулся и зачерпнул пригоршню плодов. Прежде они мне не попадались, и меня поразило, что на ощупь они кажутся ледяными.

– Осторожнее с косточками! – предупредил Ликари, когда мальчик-солдат положил один в рот.

Он кивнул, уже полностью захваченный наслаждением сладким вкусом. Однако Фирада нахмурилась.

– Так-то ты говоришь с великим, Ликари! – одернула она мальчика. – Без надлежащего обращения, без поклона. Ты смеешь указывать ему, как он должен есть? Что же ты за кормилец? О, этот ребенок еще слишком мал! Он опозорит наш клан. Следует найти кого-то другого ему на замену.

Ликари подавленно съежился и взглянул на мальчика-солдата широко раскрытыми глазами, которые сейчас казались карими. Его пятнышки имели форму капель и почти равномерно усеивали кожу лица, только по носу сбегала темная полоска. Остальное тело было скорее полосатым, чем пятнистым. Тыльные стороны кистей и стоп были сплошь черными. Его раскраска напоминала мне отметины на лошадиной шкуре. Мальчик-солдат выплюнул твердую косточку, а затем взял из корзинки следующий плод. На глазах Ликари выступили слезы. Я не мог этого стерпеть и протиснулся в мысли мальчика-солдата.

– Он принес мне еду, и быстро. Сейчас мне от кормильца большего и не требуется. Я уверен, мы с Ликари неплохо поладим, а там, возможно, и куда лучше, когда немного узнаем друг друга.

Лицо мальчика просветлело, словно ему вручили пригоршню золотых монет. Сквозь ресницы он покосился на тетю, изо всех сил стараясь не ухмыльнуться. Он пытался держаться с ней уважительно. Хорошо. Мальчик-солдат придвинул корзинку поближе. Липучие плоды оказались превосходны на вкус, но ему вдруг захотелось грибов. Он опрокинул корзинку на чистый мох поблизости от себя. Еда образовала приличных размеров кучку. Он ухмыльнулся, глядя на нее, и поднял несколько грибов:

– Ты можешь найти мне еще еды, пока я ем эту?

Ликари бросил быстрый взгляд на Фираду и старательно поклонился:

– Конечно, великий. Как пожелаешь, великий. Я постараюсь что-нибудь найти.

Фирада выглядела недовольной тем, что я похвалил мальчика. Теперь же, когда он выказал ей свое уважение, смягчилась.

– Иди к изгибу ручья, где три больших камня, – отрывисто посоветовала она. – Выкопай ямку в песке. Может, найдешь синих моллюсков. Они прекрасно восстанавливают силы великого. На илистом берегу растет пышная трава. Она уже не сладкая – весна ведь давно прошла. Но корни у нее толстые и питательные. Их тоже принеси. Но сначала хорошенько прополощи. Когда великий настолько голоден, он иногда слишком торопится, когда ест. С него станется проглотить землю или кости, если еда не подготовлена надлежащим образом. А они могут засорить его внутренности или вызвать лихорадку.

– Да, тетя. – Мальчик уставился в землю. – Вот почему я испугался, что он проглотит косточку липучего плода. – Когда Фирада нахмурилась, рассерженная его дерзостью, он торопливо добавил: – Но мне следовало почтительнее высказывать свои опасения. Благодарю тебя за наставления и за то, что поделилась со мной местами для сбора еды. Мне известно, что их принято держать в тайне.

Фирада смягчилась.

– Надеюсь, Ликари, – с едва ли не материнской заботой ответила она, – ты справишься, раз уж тебе пришлось этим заниматься. – Но затем добавила уже резче: – Однако ты не должен задерживаться тут ради болтовни, в то время как твой великий голоден. Иди. И поспеши. Возвращайся прежде, чем он съест эти плоды и грибы.

Ликари торопливо кивнул и умчался прочь. Мальчик-солдат едва заметил его уход, поскольку почти все его внимание пока что занимала еда. Думаю, Джодоли прекрасно это понимал. Он выждал, пока не закончились грибы и большая часть липучих плодов, прежде чем снова заговорить:

– Хорошо, что твой кормилец нашел для тебя грибы. Они помогут, а еще лучше будет, если он сумеет отыскать синих моллюсков. Если мы собираемся путешествовать быстро, тебе понадобятся силы.

Мой рот был занят плодами. Мальчик-солдат не мог ничего произнести, поэтому лишь приподнял брови.

– Мы не можем задерживаться здесь. Надо отправиться в путь сегодня же. Я истратил магию, чтобы прийти сюда и взять с собой Фираду, Ликари и Оликею, и все в одну ночь. Сегодня мы должны выступить обратно. На этот раз торопиться мы не будем. Однако время уже слишком позднее, чтобы ты и твой кормилец путешествовали обычным образом. Тебе придется потратить магию на то, чтобы быстроходом доставить себя и Ликари на зимовье.

В голове моей теснились вопросы. Зачем мы отправляемся в горы, когда надвигается зима? Зимовать в предгорьях куда разумнее, чем перебираться туда, где морозы сильнее, а снега глубже. Я не был уверен, что мальчик-солдат умеет пользоваться быстроходом, не говоря уже о том, чтобы взять кого-то с собой. Быстроход – это магия спеков, способ за малое время преодолеть большое расстояние. Мальчик-солдат разделял со мной эти сомнения. Он торопливо затолкал в рот остатки плодов, прожевал их, и я неожиданно почувствовал себя спокойнее, как будто нашел собственное место в этом мире и этом дне. Он с удовольствием сглотнул, но, прежде чем успел задать Джодоли вопрос, вмешалась Фирада.

– А что насчет Оликеи? – веско напомнила она. – Ты доставишь ее обратно к народу?

Я заметил замешательство Джодоли.

– Жаль, что я не был полон магии, когда говорил с Кинроувом. Я уже истратил больше, чем намеревался, чтобы добраться сюда и привести вместе с собой всех вас. Невар собирается расплатиться с нами, но...

– Оликея пришла сюда ради меня, – перебил его мальчик-солдат, прежде чем он успел еще что-то сказать. – И подозреваю, что неохотно. Я перед ней в долгу – и сам верну ее назад.

Он не хотел увеличивать свой долг перед Джодоли.

– А тебе хватит сил перенести себя, Оликею и Ликари? – с сомнением спросил тот.

– Если не сегодня, то придется остаться здесь, отдыхать и есть, а потом попробовать снова.

Оликея далеко не ушла. Я подозревал, что она ждет где-то поблизости, слушая наш разговор и наблюдая, как я обращаюсь с ее сыном. Теперь же она появилась из-за одного из гигантских деревьев и словно бы невзначай направилась к нам, но взгляды, которые она бросала на меня, все еще были полны гнева и уязвленной гордости.

– Я бы предпочла, чтобы меня отвел к народу ты, – не глядя на меня, обратилась она к Джодоли. – Когда мы окажемся там, я принесу тебе еды в уплату. Или пойду поищу чего-нибудь сейчас, чтобы тебе хватило сил, когда мы сегодня отправимся в путь.

Ее слова зажгли в глазах Фирады сердитые искорки. Она встала так, чтобы загородить Джодоли от сестры, и прищурилась, а когда заговорила, ее голос звучал, словно ворчание разъяренной кошки.

– Я вижу, чего ты добиваешься. Не выйдет! Ты рассердила собственного великого, и он тебя отверг. Не надейся, что сумеешь подольститься к моему! Джодоли мой с тех пор, как прошел испытание! Я кормила его, ухаживала за ним и много раз спасала от его собственной глупости. А теперь, когда он готов бросить вызов Кинроуву, ты надеешься сладкими речами и лакомыми кусочками сманить его у меня? Нет. Отойди от него, сестра. У тебя была возможность, и ты ее упустила. Мою ты не отберешь.

Я в ужасе, смешанном с изумлением, смотрел, как она пригнулась в стойке, словно борец, готовящийся к поединку, – колени чуть согнуты, руки подняты, готовые вцепиться в противницу, если та решится напасть. Тряхнув головой, она откинула с лица полосатые пряди волос. Я сморгнул и вдруг увидел ее глазами мальчика-солдата. Мое гернийское воспитание не позволяло мне открыто уставиться на обнаженное тело. Теперь же я с восхищением отметил, что обильная плоть Фирады прячет под собой сильные мышцы. Она производила потрясающее впечатление. Ее младшая сестра была выше и притом ничуть не хрупкой, но, доведись мне заключать пари на победителя, я бы поставил на Фираду.

Я не уверен, что Оликея собиралась спорить с ней за Джодоли. Она казалась несколько удивленной и обескураженной тем, с какой яростью Фирада кинулась защищать свое. Ее губы дрогнули, а потом пренебрежительно надулись.

– Его я и не хочу. Хочу только, чтобы меня переправили обратно к народу. И все. Вечно ты подозреваешь, Фирада, что другие женщины завидуют принадлежащему тебе. Ты глупа и слишком высоко его ценишь. Он медленно растет, чересчур покладист и не слишком умен, раз позволяет тебе помыкать собой, словно он гернийская овца. Оставь его себе, и посмотрим, много ли пользы тебе от него будет.

Она отбросила волосы назад, с вызовом вскинула голову и повернулась к обоим спиной. Джодоли, как я отметил, не слишком интересовался их перебранкой. Возможно, Оликея права, и он действительно чрезмерно покладист – или же, будучи великим, выше того, чтобы оскорбляться подобным спором. Фирада оскалилась, глядя на сестру, – то ли развеселилась, то ли праздновала победу. Мне было некогда об этом размышлять, поскольку Оликея подошла и нависла надо мной с угрожающим видом. Никогда прежде мне не доводилось смотреть снизу вверх на обнаженную женщину, кипящую от ярости. Это одновременно пугало и странным образом возбуждало.

– Ты прав. Именно твоя глупость вынудила меня прийти сюда. И ты обязан доставить меня к народу.

Мальчик-солдат промолчал. Я, как и подобает воспитанному человеку, был склонен проследить, чтобы она благополучно вернулась к семье. Однако великий устал от ее требований и попыток использовать его в собственных интересах. Она все еще кипела от ярости, стоя передо мной.

– Если ты хочешь, чтобы я отвел тебя к народу, мне понадобятся силы, – твердо сообщил мальчик-солдат. – Я попробую, если сегодня ты pomoжешь Ликари искать для меня еду. Мне это представляется справедливым.

Последнее замечание он добавил зря – оно оказалось подобно искре, упавшей на пороховую бочку. Оликея взорвалась праведным негодованием:

– Справедливым? Ты говоришь – справедливым? Ты ничего не понимаешь в справедливости. Долгие месяцы я носила тебе еду и даже учила, что ты должен есть. Я ложилась с тобой,

чтобы ты мог расслабиться. Я убеждала тебя, и все без толку, чтобы ты позволил мне кормить тебя и заботиться о тебе как о великом. Я изо всех сил билась над тем, чтобы ты вел себя как подобает, и объясняла тебе твой долг перед народом. И какую благодарность я получила в ответ? Завоевала уважение своего народа? Нет! Может, ты совершил ради них великие дела? Нет! Вместо этого ты называл своим народом захватчиков и говорил, что их невозможно прогнать! Предательство и неблагодарность. Вот что я получила от тебя! Оскорбления и непослушание! Как быть кормилицей столь несносного великого? А теперь взгляни на себя! Все, что я для тебя сделала, пошло прахом. Ты тощий, словно умираешь от голода, словно тебя никто не уважает, словно тебя проклял лес, словно ты слишком глуп, чтобы найти себе пищу. Ты никогда не совершишь ничего великого. Пройдет несколько месяцев, может, даже год или больше, прежде чем ты наберешь прежний вес. А пока ты восстанавливаешь растроченные силы, Джодоли будет есть, копить могущество и расти. Ты никогда его не превзойдешь. А когда все кланы соберутся на зимовье, над тобой будут смеяться – как и над теми, кто тебя привел. Вся моя работа, все усилия, затраченные на то, чтобы собирать тебе еду и ухаживать за тобой, пропали зря. Ты их уничтожил. Что хорошего ты мне принес? Что хорошего сделал моему клану?

Я словно бы наблюдал извержение гейзера. Всякий раз, когда мне казалось, что она вот-вот остановится, она лишь делала глубокий вдох и снова принималась меня поносить. Джодоли и Фирада смотрели на нее молча с тем выражением ужаса на лице, какой бывает у людей, ставших свидетелями немыслимого события. Думаю, мальчик-солдат спокойно выслушал ее лишь потому, что мы с ним по-разному отнеслись к ее тираде. Герниец был готов признать, что она не получила ожидаемого. Великого возмутила ее брань.

Мальчик-солдат скрестил мои руки на груди – это лишь напомнило ему, что кожа свисает с предплечий и тела жалкими складками. Даже пальцы, утратившие пухлость, выглядели чуждыми. Я разделил с ним всплеск скорби об утрате всей накопленной магии. Оликея была права. Я выглядел бессильным, не заслуживающим уважения и тощим. Меня высмеют на собрании кланов. Разочарование затопило меня, но тут же обратилось в гнев. Он указал на нее пальцем.

– Оликея, – оборвал он поток ее обвинений.

Не думаю, чтобы он воспользовался магией, но она тут же осеклась.

– Если ты хочешь, чтобы я нынче же ночью перенес тебя назад к народу, пойдешь и принеси мне еды. Иначе я буду слишком слаб. Если ты не желаешь помогать меня кормить – прекрасно. Проси Джодоли, чтобы он тебя доставил. Другого выбора у тебя нет. Решай – и сделай это молча.

Она прищурилась, отчего ее зеленые глаза сделались похожи на кошачьи.

– Возможно, у меня есть выбор, о котором ты не знаешь, герниец!

Она развернулась на пятках и удалилась в лес. Я смотрел ей вслед, спрашивая себя, как я мог вообразить, будто она любит меня или хотя бы привязана ко мне. Это была обычная сделка. Ласки и еда уделялись мне в надежде, что я обрету высокое положение и власть и она разделит их со мной.

Фирада выдохнула сквозь поджатые губы, презрительно отмахнувшись от заявления Оликеи:

– У нее нет выбора. Она вернется со сладкой едой и нежными словами, чтобы вновь втереться к тебе в доверие. Моя сестрица всегда была такой. Отец испортил ее после того, как мать забрали.

Джодоли подошел и грузно опустился наземь рядом со мной. Мальчик-солдат с трудом подавил накатившую зависть. Джодоли выглядел прекрасно, с гладкой, умащенной маслом кожей, с животом круглым, как у объевшейся лесной кошки. Волосы, зализанные назад и связанные в толстый хвост, блестели. Я отвернулся, не в силах снести резкое несоответствие этого зрелища и своих торчащих костей и обвислой кожи.

– Невар, мы должны обсудить обвинения Оликеи. Я знаю, ты разрывался на части, не желая принять, что захватчиков следует убить или выдворить прочь. Но теперь, когда они изгнали тебя, возможно, ты передумаешь. Возможно, ты признаешь, что они здесь чужие.

Мальчик-солдат потер мои руки, глядя на пальцы. «Разрывался на части». Джодоли даже не представляет, насколько он прав.

– Откуда ты знаешь, что они меня изгнали? – спросил он Джодоли.

– Мне нашептала это магия. Ты бы не пришел в лес по собственной воле, поэтому ей пришлось обратиться твой народ против тебя. И они от тебя отrekliсь. Теперь, когда ты говоришь «мой народ», кого ты имеешь в виду?

Этот вопрос был обращен не только к мальчику-солдату, великому спеков, он предназначался и для Невара. Но мальчик-солдат ответил за нас обоих:

– Думаю, я еще не скоро вновь произнесу слова «мой народ».

Глава 6

Противостояния

Я – Невар оставшуюся часть дня почти бездействовал. Я отступил в глубины собственного сознания, наблюдая за своей жизнью, словно зритель. Мальчик-солдат съел то, что нашел для него Ликари, вдоволь напился чистой воды, а затем уснул. Разбудил его восхитительный аромат горячей пищи, принесенной Оликеей. В наспех сплетенной сетке лежали свертки из листьев размером с мой кулак и печеные клубни. В свертках таились куски рыбы, приготовленной с кислыми корешками. Листья тоже оказались съедобными и добавили блюду собственный пряный привкус. Он съел всю еду и отозвался о ней благосклонно. Ни о чем другом они не разговаривали. Никто не стал извиняться или обсуждать сложившееся положение. Столь простое окончание ссоры не пришло бы на ум ни одному гернийцу.

Когда Ликари принес еще еды, мальчик-солдат съел и ее. Не думаю, что это порадовало Оликею, но она промолчала, лишь достала из наплечной сумки гребешок и принялась бережно расчесывать мои волосы. Она потратила на это куда больше времени, чем было необходимо; я даже не представлял, какое удовольствие может доставить столь незамысловатое ощущение. Непохоже, чтобы Фирада одобряла то, насколько легко мальчик-солдат принял возвращение Оликеи. Она сообщила, что ответит Джодоли к ручью, чтобы помыть его, а затем он там и отдохнет. Она зашагала прочь, и ее великий невозмутимо последовал за ней, словно добродушный бычок.

Оликея не обратила на их уход внимания. Ликари отправился поискать еще грибов, она же продолжала водить гребнем по моим волосам. Их было не так уж и много. Я уже некоторое время назад перестал поддерживать короткую солдатскую стрижку, но заплетать в косу или как-нибудь укладывать все равно было пока нечего. И тем не менее ощущалось это приятно, и мальчик-солдат позволил нежным прикосновениям и полному животу себя убаюкать. Он заснул.

Как ни странно, я при этом не спал. Я остался бодрствовать и чувствовал все, что доступно человеку с закрытыми глазами. Возможно, так было и с моим спекским «я» в те дни, когда я сам распоряжался своей жизнью, точнее, считал, что распоряжаюсь. В своем роде это было приятно. Мне казалось, я выпустил поводья, и уже никто не мог вменить мне в вину хаос, в который превратилась моя жизнь. Ранний вечер оставался теплым, словно лето отняло у осени этот день, но здесь, глубоко в лесной тени, приятный холодок щекотал мою кожу. Пока я лежал неподвижно, тепло собственного тела окутывало меня, но даже легчайший ветерок прогонял его. Глубокий мох, на котором я покоился, уютно согрелся подо мной. Я запоздало понял, что полностью обнажен. Должно быть, Оликея раздела меня, когда спасла. Она никогда не одобряла того, как много одежды я ношу. Но выбросить ее представлялось мне глупостью, поскольку так стало куда заметнее, насколько я изможден. Какой бы странной ни казалась ей моя одежда, она, по крайней мере, могла бы защитить меня хоть от части насмешек и пренебрежения. У спеков мало к чему относились с такой жалостью и презрением, как к худобе. Что за дураком надо быть, чтобы не суметь позаботиться о себе и не заслужить доброе отношение сородичей, готовых помочь, если ты болен или ранен? Сейчас я выглядел именно таким дураком. Ну, теперь моим телом распоряжается мальчик-солдат, и разбираться с этим придется ему. Я позволил своим мыслям соскользнуть на более приятные вещи.

Я слышал птичье пение, шорох хвои и тихий шелест падающих листьев, когда их срывал внезапный порыв ветра. Я слышал, как они осыпались вниз, цепляясь за ветви, пока наконец не ложились наземь. Спеки оказались правы. Лето минуло, осень уже в разгаре, и вскоре ее сменит зима. Придут настоящие морозы, следом выпадет снег, и задуют суровые зимние ветра.

Прошлой зимой у меня была уютная хижина. Этой я встречу холода даже без одежды, чтобы прикрыть спину. Волна ужаса нарастала во мне, но я отмахнулся от нее на том же основании: это больше не мои затруднения. Спеки, судя по всему, вот уже многие века справляются с выживанием. К чему бы они ни прибегали, даже если они просто терпеливо сносят холод и лишения, мальчик-солдат научится этому и продержится зиму.

Снова закричала птица, громко, тревожно, а затем я услышал хлопанье крыльев, когда она поспешно взлетела. Мигом позже что-то тяжелое устроилось на ветвях над моей головой. Мне на лицо просыпался град обломанных прутиков, а следом, медленнее, – сброшенных листьев. Я с раздражением взглянул вверх. На дерево надо мной уселся огромный стервятник. Я с отвращением поморщился. Дряблая красно-оранжевая борода болталась под его клювом, напоминая то ли кусок мяса, то ли опухоль. Его перья громко шуршали, когда он их топорщил, и, казалось, до меня доносилась исходящая от них вонь падали. Длинные черные когти крепко сжали ветку, когда он наклонился, чтобы взглянуть на меня. Глаза его словно пылали.

– Невар! Ты задолжал мне смерть.

Прокарканные слова обдали холодом мою кожу. Я выгнулся, словно подбитый стрелой, и уставился на тварь, сидящую на дереве над моей головой. Она была уже не птицей. Но и человеком тоже не стала. Орандула, бог равновесия, покачивался на ветке, цепляясь за нее длинными черными ступнями с ороговевшими ногтями. Его нос был крючковатым клювом птицы-падальщика, с горла свисала красная птичья борода. Волосами ему служила шапка встопорченных перьев, и они же скрывали его тело и руки. Не изменился лишь пронзительно-яркий птичий взгляд. Он склонил голову набок и посмотрел на меня сверху вниз, улыбнулся, растянув клюв в жуткой гримасе. Пока я, замерев от ужаса, смотрел на него, он высунул маленький черный язык, облизнул края клюва и снова его спрятал.

Это все – не на самом деле. Это слишком ужасно, чтобы происходить на самом деле. Все обращенные к доброму богу молитвы, какие я только знал, вдруг всплыли из глубин моей памяти. Я пытался заговорить, но мальчик-солдат спал с закрытым ртом, не ведая о моем страхе. Я пробовал зажмуриться, чтобы избавиться от зрелища старого бога, превратить его в сон. Но не смог. Мои глаза не были открыты, и я не знаю, как я его видел. Я отчаянно попытался поднять руку и заслонить ею лицо, но мое тело не принадлежало Невару. Мальчик-солдат по-прежнему спал. А я не мог уклониться от пронзительного взгляда старого бога. Так жутко было одновременно испытывать невероятный ужас и ощущать медленное, ровное дыхание глубокого сна и спокойное биение сердца отдыхающего человека. Мальчик-солдат спал, а Невар был не в силах бежать от бога, сидевшего на дереве над головой. Всхлип готов был сорваться с моих губ, но не сорвался. Я мечтал отвернуться – но не мог.

– Почему они всегда так поступают? – риторически осведомился Орандула. – Почему люди думают, что, если они чего-то не видят, оно уйдет или перестанет существовать? Мне казалось, любое здравомыслящее существо, напротив, постарается не сводить глаз с кого-то настолько опасного, как я.

Он распахнул руки-крылья, угрожающе захлопал ими, и мой так и не вырвавшийся жалобный всхлип попытался перейти в вопль. Он ухмыльнулся еще шире:

– Однако каждый раз, без единого исключения, когда я наношу подобный визит, люди пытаются отвести взгляд. Это бесполезно, Невар. Посмотри на меня. Ты же знаешь, что ты мой. Ни твой добрый бог, ни лесная магия не оспорят моего права. Ты взял то, что предназначалось мне. И теперь живешь в долг. Ты должен мне смерть в уплату. Посмотри на меня, Невар Бурвиль!

Когда он велел мне это, произошло нечто странное. Холодное спокойствие пришло откуда-то из недр моего сознания, точно прохладный воздух встал над водой глубокого колодца. Я увидел что-то новое в нем – или, возможно, в собственном положении. Неизбежность. Я все еще боялся его до замирания сердца, но знал, что мне от него не уйти. Сопротив-

ляться бессмысленно. Меня заполнило спокойствие отчаяния. Я мог смотреть на обманутого мной бога. Я даже сумел заговорить с ним, хотя и без участия губ, языка и легких. Я встретил его взгляд, хотя он и ощущался как острое клинка, упирающееся в ладонь.

– Смерть? Ты требуешь смерти? Ты получил сотни смертей, более чем достаточно смертей. Скольких я похоронил в конце лета? Сильных солдат и маленьких детей. Незнакомцев. Врагов. Друзей. Бьюэла Хитча. Карсину. – Мой голос дрогнул, выговаривая имя бывшей невесты.

Орандула рассмеялся, и его смех был похож на карканье.

– Ты перечисляешь то, что я взял, а не то, что дал мне ты. Ты не дал мне ничего! Ты меня обокрал, Невар Бурвиль.

– Я всего лишь спас птицу, страдавшую на жертвеннике. Я снял ее с крюка и отпустил. Как этот грех может быть настолько ужасным, что я должен расплатиться за него своей жизнью? Или своей смертью.

– Ты обманул меня, человек. Птица принадлежала мне, как ее жизнь, так и смерть. Кто ты такой, чтобы заявлять, что она не должна страдать? Кто ты такой, чтобы снимать ее с крюка, вдыхать в нее жизнь и позволять улететь?

– Ты сказал, я вдохнул в нее жизнь?

– Ха! – хрипло каркнул он. – Как по-человечески! Сначала делать вид, будто не знаешь, насколько серьезное преступление совершил. Потом отрицать, что вообще это сделал. А после ты скажешь...

– Это нечестно!

– Конечно. Именно так. А потом, в конце концов, все и каждый заявляют, будто...

Если бы у меня были легкие, я бы глубоко вздохнул.

– Я верую в доброго бога, – произнес я, вложив в слова всю силу своего страха. – Я был посвящен ему как сын-солдат по рождению и воспитан в его учении. У тебя нет власти надо мной!

Последнюю фразу я выговорил с искренней убежденностью. По крайней мере, попытался. Мои слова утонули в хриплом смехе Орандулы.

– О да, именно это вы все и говорите. Я не могу быть твоим богом – у тебя уже есть бог. Ты таскаешь его за пазухой и достаешь в подобных случаях. Конечно, взывать к твоему богу лучше, чем, скажем, обделаться от страха. Или, по крайней мере, малость достойней.

Он встопорщил хвостовые перья и откинулся назад, так сильно раскачиваясь от хохота, что толстая ветка под ним задрожала. Я смотрел на него, не в силах отвести взгляд. Он все никак не мог перестать смеяться, но потом наконец успокоился и утер глаза пернатой рукой. Затем нагнулся вперед и склонил птичью голову набок, чтобы лучше меня видеть.

– Позови его, – предложил он мне. – Кричи, умоляй доброго бога явиться и спасти тебя. Я хочу посмотреть, что из этого выйдет. Давай. Зови на помощь, человек. Это единственное, чего ты еще не делал.

Я не мог, хотя и хотел. Я отчаянно жаждал призвать какую-нибудь благую сущность, чтобы она вмешалась и спасла меня. И дело было не в недостатке веры. Думаю, я боялся взывать к доброму богу, опасаясь, что он сочтет меня недостойным его участия. В глубине души я, как и большинство людей, знал, что никогда полностью не отдавался служению ему. Я имею в виду не то, как священники посвящают ему жизнь, а то, как обычные люди отбрасывают собственные суждения и желания и полагаются на судьбу, уготованную им добрым богом. Я на это не решился. Я вдруг осознал, что всегда верил, будто в старости смогу сделаться набожным человеком и искупить беспечность молодости. Тогда настанет подходящее время для покаяния, милосердия и терпения. Я буду щедро подавать милостыню и проводить часы в размышлениях, наблюдая, как сладкий дым моих ежедневных подношений поднимается к доброму

богу. Когда я состарюсь и моя кровь перестанет кипеть желаниями, страстью и любопытством, я смогу успокоиться и жить в мире с добрым богом.

Я был глупцом, полагая, что у меня всегда будет возможность сделаться лучше – когда-нибудь потом. Всем известно, что жизнь человека способна оборваться в любой момент. Падение с лестницы, простуда или лихорадка, шальная пуля – от подобных вещей молодость не защитит. Человек может погибнуть по чистой случайности когда угодно. Наверное, какой-то частью сознания я знал об этом всегда, но не мог поверить всем сердцем.

И разумеется, мне никогда не приходило в голову, что передо мной в любой миг может явиться старый бог и потребовать мою жизнь.

Я не заслуживал вмешательства доброго бога и, более того, боялся его суда. Я знал, что старые боги могли обречь человека на бесконечную муку или вечный труд – и часто так и делали исключительно собственного развлечения ради. Неожиданно такая судьба показалась мне предпочтительнее полного исчезновения.

Мой вопль о помощи умер, не сорвавшись с губ. Я посмотрел на Орандулу, старого бога равновесия, содрогнулся, покоряясь, и замер. Перья на его голове вздыбились от удивления.

– Что? Не будет воплей о помощи? Не будет мольбы о снисхождении? Хм. Никакого веселья. Ты плохой товар, Невар. Похоже, я могу заполучить от тебя лишь половину, причем наименее интересную. Хотя в этом есть нечто притягательное для меня – как для бога равновесия.

– Делай со мной что хочешь! – прошипел я, окончательно устав цепляться за соломинку.

Он встопорщил перья, увеличившись в размерах где-то на треть.

– О, я сделаю, – пробормотал он, когда они улеглись обратно. Он принялся лениво чистить крылья, протягивая перо через клюв, а затем укладывая на место. На мгновение мне показалось, что он забыл обо мне, но тут он снова пристально уставился на меня. – На досуге. Когда я решу забрать у тебя долг, я приду за ним, и ты расплатишься со мной.

– А что именно я тебе должен? – вдруг решился спросить я. – Мою жизнь? Или мою смерть?

Он зевнул, позволяя увидеть, как шевелится его острый язык.

– То, что мне будет угодно, разумеется. Ты же знаешь, я бог равновесия. Я могу выбрать любую чашу весов. – Он склонил голову набок. – Скажи мне, Невар, как ты думаешь, что может предпочесть старый бог вроде меня? Потребовать у тебя твою смерть? Или заставить тебя заплатить мне твоей жизнью?

Я не знал ответа и не хотел подавать ему никаких идей. Во мне бушевал страх. Чего я боюсь больше? Что он имел в виду? Что он убьет меня и я перестану существовать? Или заберет меня в посмертии и сделает своей игрушкой? Что, если он потребует мою жизнь и я стану марионеткой старого бога? Все возможные пути представлялись мрачными. В отчаянии я уставился на него.

Он вновь взерошил перья и вдруг расправил крылья. Взлетел с ветки – легко, словно вовсе ничего не весил. И исчез. В прямом смысле исчез. Я не видел, чтобы он улетал. И лишь покачивание освободившейся ветки свидетельствовало, что он вообще здесь был.

– Не буди его!

Шепот Оликеи сделал именно то, от чего она предостерегала Ликари. Мальчик-солдат с ворчанием заворочался и открыл глаза. Тяжело вздохнув, он растер лицо руками.

– Воды! – потребовал он, и оба его кормильца потянулись за мехом с водой, лежавшим рядом с ним.

Оликея оказалась чуть быстрее и сильнее. Она первая схватила мех и вырвала его из рук Ликари. Глаза мальчика широко распахнулись от разочарования и негодования.

– Но это же я ходил за водой! – возмутился он.

– Ему нужно помочь напиться. Ты не знаешь, как это сделать, и только прольешь воду на него.

Со стороны они больше походили на ссорящихся брата с сестрой, а не на мать и сына. Мальчик-солдат, не обращая на них внимания, забрал мех из рук Оликеи и почти осушил его, а затем передал Ликари с благодарным кивком. Он зевнул, осторожно потянулся, с неудовольствием отметив, как пустая кожа свисает с его рук, и вновь опустил их.

– Я чувствую себя лучше. Но мне нужно съесть больше, прежде чем мы отправимся в быстроход этим вечером. Я предпочел бы еду, приготовленную на огне, чтобы согреться. Ближе к ночи станет прохладнее.

Садясь, он застонал, но это был стон человека наевшегося, сладко выпавшегося и собирающегося все это повторить. Мог ли он не знать, что произошло со мной, пока он спал? Чувствовал ли он хотя бы, что я по-прежнему нахожусь внутри его? Неужели он мог беспечно не заметить явления Орандулы и того, как оно меня напугало? Похоже, все-таки мог. Интересно, что ощущал он большую часть прошедшего года, прячась внутри меня? Я помнил, как он пробивался наружу, так что я чувствовал его присутствие, и как он заставлял меня что-то делать. Чего ему стоило там, у Танцующего Веретена, удерживать меня в стороне, пока он крал и разрушал магию жителей равнин? Что тогда произошло? Он вырвался на свободу, поддавшись чувствам, а потом я опять взял над ним верх? Или он просто все остальное время копил силы и ждал? Если я хочу выжить и тем более вернуть себе власть над нашей общей жизнью, мне нужно понять, как он управлял мной и почему возобладал теперь. Я не был уверен, что хочу сам распоряжаться этой жизнью, но твердо знал, что не намерен уступать своему спекскому «я». Я отвергал саму мысль о том, что, возможно, никогда больше не смогу управлять собственным телом. Странность моего положения не позволяла мне его оценить. Испытанный мной ужас непризнанным висел в воздухе.

Ликари предвидел, что мальчик-солдат проснется голодным. В его корзинке лежало несколько толстых корней водяного растения и две ярко-желтые рыбы, хватавшие ртом воздух. Ребенок выжидательно предъявил добычу мальчику-солдату. Тот кивнул, довольный, но Оликея нахмурилась:

– Я приготовлю это для тебя. Мальчик не умеет.

Ликари открыл было рот, собираясь возразить, но смолчал. Видимо, его мать сказала правду. И тем не менее его нижняя губа и подбородок задрожали от обиды. Мальчик-солдат смотрел на него с безразличием, но мне стало жаль ребенка.

«Дай ему что-нибудь! – мысленно потребовал я. – Или хотя бы поблагодари за то, что он для тебя сделал».

Мальчик-солдат явно ощутил мое присутствие, как некогда я улавливал его скрытое влияние на мои мысли и действия. Он нахмурился и снова посмотрел на Ликари – тот, поникнув, отступил в сторону. Мальчик-солдат поднял мех:

– Пусть мой юный кормилец наполнит его снова. Холодная вода пришлось кстати, когда я проснулся.

Ликари замер. Мои слова словно преобразили его – он вскинул голову, расправил плечи, и в его глазах вспыхнули искорки, когда он улыбнулся мне.

– Служить тебе, великий, – честь для меня, – ответил он, забирая мех.

У спеков было принято обращаться так к великим, но он произнес это с подкупающей искренностью.

– Принеси еще хвороста, когда вернешься с водой, – поджав губы, резко добавила Оликея. – И проследи, чтобы он был сухим и хорошо горел. Тогда рыба быстрее приготовится.

Если она рассчитывала задеть Ликари, то ошиблась. Мальчик едва ли заметил, что это она отдала распоряжение. Он кивнул и умчался прочь.

Мальчик-солдат наблюдал за Оликеей, пока она собирала ветки и прутики, чтобы развести костер. Она сдвинула в сторону недавно опавшие листья, расчищая место, сняла слой мха, открыв сырую темную землю, и сложила на ней растопку. Затем она сняла с пояса один

из мешочков и достала все, что требовалось, чтобы разжечь огонь. Мою кожу тут же охватил зуд. Мальчик-солдат тревожно заерзал. Отстраненно я отметил, что огниво, которым она воспользовалась, чтобы высечь из кремня искры, гернийской работы. Рядом она положила горсть серных спичек. Несмотря на ее открытую ненависть к захватчикам, их достижениями она не гнушалась. Я язвительно улыбнулся, однако губы мальчика-солдата не дрогнули. Похоже, он думал о другом: спрашивал себя, многие ли спеки вот так, не задумываясь, носят с собой сталь, даже зная, что железо в ней губительно для магии. Он не обращал внимания на мои мысли. Казался ли я ему тихим голосом на краю сознания, смутным неприятным ощущением или вовсе ничем? Мне оставалось лишь гадать.

Оликея умело сложила костер. Я разглядывал ее, пока она бродила вокруг, собирая хворост, чтобы подкормить крохотное пламя, наклонялась раздуть огонь, а затем нарезала корни и чистила рыбу из корзинки Ликари. Неожиданно я осознал, что не могу сравнивать ее с гернийками. Она двигалась легко и уверенно, не замечая собственной наготы, как и сам мальчик-солдат. Как ни странно, он не испытывал к ней ни малейшего влечения. Возможно, я истратил слишком много его магии, и теперь он едва мог стоять, не говоря уже о том, чтобы заигрывать с женщиной. Я держался на краю потока его мыслей; он думал не о плотских утехах, а о еде, которую она готовила. Оценивал, насколько сумеет восстановить к ночи свои силы и как много магии ему придется сжечь, чтобы быстроходом перенести всех троих к народу.

Быстроход. Когда пользуешься им, кажется, будто идешь нормальным шагом, а на самом деле покрываешь куда бóльшие расстояния. Маг может взять с собой и других людей – одного, двоих или даже троих, если он достаточно толст и силен. Но чтобы прибегнуть к магии, понадобится усилие, а выносливость – чтобы поддержать ее. Ему и так придется нелегко, а он еще и не желал сжигать то немногое, что ему удалось восстановить. Тем не менее ему придется. Он сказал, что сделает это, при Джодоли. Великий не отказывается от магического действия, если обещал его совершить. Иначе он полностью лишится уважения народа.

Вернулся Ликари с охапкой хвороста. Оликея сдержанно поблагодарила его и отправила за водой. Я подозревал, что она старается держать его подальше от мальчика-солдата, в то время как сама выполняет более заметные обязанности кормилицы. Она словно почувствовала мой взгляд и повернулась ко мне. Когда наши глаза встретились, мне показалось, будто она все еще видит меня, гернийца, спрятанного внутри мальчика-солдата. Заметила ли она, что его поведение по отношению к ней изменилось? Она смерила меня взглядом, словно лошадь, которую подумывает купить. Затем покачала головой:

– Рыба и коренья лишними не будут, но, если мы хотим быстро восстановить твои силы, тебе нужен жир. В этой части леса и в это время года Ликари его не найдет. А даже если бы и смог, он еще слишком мал, чтобы кого-нибудь убить. Когда мы вернемся к народу, тебе придется исполнить для нас охотничий танец и призвать медведя прежде, чем он заляжет в спячку. Куски жирной медвежатины быстро тебя подкрепят. Я приготовлю их с грибами, луком-пореем и красной солью. На это уйдет время, Невар, но я восстановлю твое могущество.

Одно лишь описание еды наполнило мой рот слюной. Она была права. Тело требовало жира. Рыба и коренья неожиданно показались мне жалкой заменой настоящей пище. Мальчик-солдат сел и погладил пустые складки кожи на животе. Двигаясь медленно и осторожно, он поднялся на ноги. Тело ощущалось странно, чересчур легким. Я успел нарастить мышцы, чтобы носить исчезнувший ныне жир. Кожа свисала свободно, морщась в самых неожиданных местах. Он развел руки в стороны, осмотрел истощенное тело и с отвращением покачал головой. Ему придется начинать все заново.

– Я могу тебя восстановить, – пообещала Оликея, словно подслушав его мысли. – Я могу стать тебе превосходной кормилицей.

– Если я позволю, – напомнил он ей.

– А какой у тебя выбор? – здраво спросила она. – Ликари даже готовить для тебя не может. И безусловно, не подарит детей, чтобы они заботились о тебе в старости. Ты сейчас сердит на меня. Я сердилась на тебя прежде. Возможно, и все еще продолжаю, но мне хватает ума понимать: гнев не даст мне желаемого, а значит, я о нем забуду. Гнев не утолит и твоих нужд. Тебе наверняка хватит ума, чтобы тоже о нем забыть, и пусть все будет по-прежнему. У народа хватит причин, чтобы потешаться над тобой и усомниться в тебе. Не стоит давать лишний повод, взяв в кормилицы ребенка. Позволь мне быть рядом с тобой, когда мы вернемся. Я могу объяснить, что ты потратил всю магию на то, чтобы устроить в лесу бурелом, который защитит зимой деревья предков. Я заставлю их увидеть в тебе героя, не пожалевшего себя ради того, что для нас дороже всего, а не глупца, бессмысленно и бесславно растратившего запасы магии.

Я начинал воспринимать спеков с совершенно иной стороны. Меня все убеждали, что они по-детски наивный, примитивный и простодушный народ, – и я соответственно относился к Оликее. Я вообразил, что она страстно в меня влюблена, и изводил себя чувством вины, поскольку будто бы воспользовался слабостью юной девушки. Она же пыталась завоевать меня, приманивая едой и плотскими утехами, чтобы впоследствии наслаждаться тем, как приведет в клан человека моих размеров и силы. Она соперничала с сестрой куда яростнее, чем я когда-либо пытался превзойти кого-то из братьев. Совершенно не очарованная мной, она видела во мне орудие для исполнения собственных честолюбивых замыслов и соответственно меня использовала. Сейчас она говорила со мной не из любви или приязни, но объясняла мне, что гнев мешает нам обоим достичь желаемого. Даже наши возможные дети стали бы не плодом нежных чувств, а поддержкой мне в немощной старости. Она была черствой и жесткой, точно плеть, и мальчик-солдат всегда это про нее знал. Наконец он ей улыбнулся:

– Я могу забыть о своем гневе, Оликее. Но это не значит, что я забуду о том, за что гневался на тебя. Нам обоим ясно, какую выгоду может принести тебе моя сила. Куда менее мне понятно, зачем нужна мне ты и почему я должен выбрать для себя именно твой клан. Пока ты готовишь для меня еду, возможно, ты сумеешь объяснить мне, почему мне не найти лучшей кормилицы, чем ты, и почему твой клан, у которого уже есть один великий, станет для меня наилучшим домом среди народа. Найдутся и кланы, в которых нет великих, и там кормилице в ее заботах будет помогать каждый. Почему мне следует выбрать тебя?

Она прищурилась и поджала губы. Молча завернула рыбу и корни во влажные листья и пристроила их в пар над огнем. Мстительно потыкала в них палочкой – я был уверен, что она куда охотнее обошлась бы так же со мной. Мальчик-солдат холодно за ней наблюдал, и я чувствовал, как он взвешивает, что победит – ее гнев или ее же честолюбие. Она смотрела на готовящуюся еду и заговорила, обращаясь к огню:

– Ты знаешь, что я хорошо готовлю и собираю пищу. Знаешь, что мой сын Ликари – усердный сборщик. Назначь меня кормилицей, и он тоже будет тебе служить. Мы вместе станем носить тебе еду и следить за твоими нуждами. Я буду улаживать тебя и постараюсь понести от тебя. Ты же знаешь, насколько это непросто. Трудно поймать семя великого и еще труднее выносить его ребенка до конца. Мало у кого из великих есть свои дети. Но у меня уже подросток сын, и он будет служить тебе. Если ты хочешь, чтобы мы оба о тебе заботились, пока ты снова не станешь толстым и достойным, – это единственная возможность. Если ты предпочтешь мне Ликари, я больше не буду иметь дел ни с тобой, ни с ним. А если, когда мы окажемся на зимовье, ты решишь покинуть мой клан и найти кормилицу в другом, я постараюсь, чтобы все узнали, насколько ты ненадежен, как неуклюже обращаешься со своей магией и как бессмысленно растратил огромный ее запас. Не думаешь ли ты, что все женщины мечтают стать кормилицами? Полагаю, ты вскоре обнаружишь, что не столь уж многие из нас готовы отказаться от собственной жизни ради служения такому, как ты.

Мальчик-солдат не перебивал, позволив ей высказаться. Когда и после того, как она закончила, он продолжил молчать, Оликея взглянула на него с явственным раздражением. Он заставил ее подождать, но я отметил, что она не стала его понукать.

– Мне не нравятся твои угрозы, Оликея, – наконец проговорил он. – И да, я не сомневаюсь, что на зимовье найдется немало женщин, желающих стать мне кормилицами и разделить со мной славу и могущество, причем без всяких угроз и кислых взглядов. Ты так и не назвала мне значимой причины выбрать твой клан. Нравится ли Джодоли и Фираде мысль о том, что ваш клан будет поддерживать еще одного великого?

Она не ответила прямо, но то, как она нахмурилась и опустила голову, сказало мне многое. И в тот же миг мы услышали за деревьями их голоса, а вскоре они вышли к нам. Джодоли выглядел чистым и хорошо отдохнувшим. Его волосы были заплетены заново, тело умащено ароматным маслом.

«Точно призовой бычок», – язвительно подумала та часть меня, что была Неваром, но я ощутил и острую зависть мальчика-солдата, в сравнении с Джодоли казавшегося самому себе грязным, всклокоченным и тощим.

Он глянул на Оликею – она тоже пылала разочарованием.

– Мальчик расстарался и принес еды, которую я приготовлю для тебя, – сообщила она громче, чем требовалось. – Когда ты поешь, думаю, я помогу тебе выкупаться. А потом, наверное, тебе стоит еще поспать.

Джодоли широко и с удовлетворением зевнул:

– Хорошо звучит, Невар, если мы сегодня отправляемся в быстроход. О! Пахнет вкусно.

Поразительное дело, Фирада тут же расвирипела от похвалы Оликее.

– Я приготовила это для Невара, – резко ответила она, глянув на сестру. – Ему понадобятся силы. – И, покосившись на меня, добавила, обращаясь к Джодоли: – Но возможно, мы можем дать тебе попробовать чуть-чуть.

– Мы угостим Джодоли и Фираду, – неожиданно решил мальчик-солдат. – Я должен отблагодарить их за то, что они привели тебя сюда. Думаю, я обязан поделиться с Джодоли едой, чтобы возместить потраченную на меня магию.

Вот так легко он взял дело в свои руки и возглавил последовавшую трапезу. Меня порадовало, что он не забыл Ликари. Мальчик без конца бегал по поручениям Оликеи: носил хворост, воду для готовки, широкие плоские листья водяного растения, чтобы завернуть в них рыбу, и тому подобное. Он сел на почтительном расстоянии от взрослых и, хотя было заметно, что глаза у него уже слипаются, не отрывал взгляда от еды. Заявление мальчика-солдата о готовности поделиться пищей побудило Джодоли к ответной любезности, и он спросил у Фирады, какие припасы она взяла с собой. У нее нашлось мучное печенье, приправленное какой-то пряной травой, и маленькие шарики из нутряного сала, сушеных ягод и меда. Ликари трепетал от осознания того, что ему дали пищу, предназначенную для великих, и ел медленно, откусывая по чуть-чуть, чем напомнил мне дни, проведенные в запертой комнате под властью отца. Казалось, мальчик старается распробовать каждую крошку так же бережно и внимательно, как и я тогда.

Разговоров почти не было. Джодоли и мальчик-солдат сосредоточились на еде, как это умеют делать только великие, а Фирада и Оликея бросали друг на друга настороженные взгляды соперниц. Мальчик-солдат не просто ел – он наслаждался каждым кусочком, пока прожевывал его, получал удовольствие от вкуса и ощущения и одновременно подсчитывал, какую часть пищи его тело сможет запасти, чтобы потом истратить на магию, а сколько уйдет на простое поддержание жизни. Итог его не обрадовал. Почти все, что он сегодня съел, ему наверняка придется использовать вечером, чтобы перенести себя, Оликею и Ликари к народу. Он не сможет приступить к восстановлению запасов, пока не достигнет зимовья. Легкие, сыт-

ные дни лета минули. И он спрашивал себя, захотят ли спеки поделиться припасами с незнакомым великим вроде него.

После трапезы Джодоли объявил, что намерен навестить деревья предков в долине, пока не наступил прохладный вечер.

– Прибегать к магии легче, когда солнце не печет, – заметил он, и я знал, что он прав, хотя и не понимал, откуда пришло это знание. – Встретимся на зимовье? – спросил он меня.

Мальчик-солдат серьезно кивнул и снова поблагодарил его за помощь. Я смотрел им вслед: Джодоли шел неспешно, а Фирада мягко подгоняла его.

Оликея сдержала обещание. Она чуть напоказ помогла мальчику-солдату встать, а затем отвела его к берегу ручья. Ликари пошел с нами, и она тут же приставила его к делу, велел принести мелкого песка, чтобы отскрести мои ступни, и хвоща, чтобы вымыть спину. Невар был бы смущен, если бы маленький мальчик и красивая женщина мыли его, пока он праздно сидит на мелководье, позволяя им это делать. Мальчик-солдат принимал это как должное.

Оликея все прищелкивала языком над обвисшими складками моей кожи, но справилась просто прекрасно. Я и не знал, насколько приятно, когда кто-то чистит тебе пятки, а потом разминает их. Думаю, она понимала, что от удовольствия я едва мог шевельнуться, поскольку после мытья уложила меня на чистый мох у ручья и принялась растирать мне спину, плечи, руки и шею. Ощущения были столь восхитительными, что мальчик-солдат не хотел засыпать, чтобы ничего не пропустить, но, разумеется, уснул.

На этот раз я спал вместе с ним. Сносить телесную усталость выпало на его долю, но, думаю, возможна и усталость души, и я ее ощущал. Прошло меньше двух дней с тех пор, как моя жизнь полностью изменилась. Одной ночью я был приговоренным преступником, спасающимся от казни, а следующей превратился в мага, растратившего всю свою магию. Два огромных шага, отделившие меня от мальчика, второго сына, росшего, чтобы сделаться офицером каваллы. Думаю, мои чувства нуждались в отдыхе и обрели его.

Когда я очнулся, оказалось, что я смотрю моргающими глазами мальчика-солдата вверх на сплетающиеся у нас над головой ветви. Листья трепетали и так отчаянно бились друг о друга, что, ослабленные осенними холодами, отрывались от черенков и осыпались. Несколько падающих листиков замельтешили желто-оранжевым вихрем. Я смотрел на них, совершенно сбитый с толку. Шелест их показался мне каким-то странным, в их дрожи был ритм, похожий на шепот людей вдалеке, ритм, не имевший с ветром ничего общего.

Ветра вообще не было.

А голоса были, они шептали.

Дюжины голосов, еле слышных. Мальчик-солдат попытался выделить из шелеста единственный звук.

– Лисана говорит...

– Скажи ему, скажи, чтобы пришел сейчас же!

– Поспеши. Она обезумела от горя. Она угрожает...

– Огонь не боится магии. Торопись.

– Мальчик-солдат, Невар, скажи ему, разбуди его, скажи ему поспешить...

Воздух вокруг меня заполнили падающие листья и шепчущий шорох. Мальчик-солдат перекатился на живот и кое-как поднялся на ноги. Покачнулся, оперся о ствол ближайшего дерева. Его возня разбудила Оликею, которая спала, прижавшись к его спине.

– Я должен сейчас же пойти к Лисане, – сообщил он ей. – Она в опасности. Ей угрожает безумная гернийская женщина.

Глава 7

Ультиматум Эпини

Мальчик-солдат показывал дорогу. Оликея нехотя следовала за ним, а Ликари, нагруженный припасами, тащился позади.

– Что ей от тебя понадобилось? – сердито спросила она сразу же, как только села.

– Она в опасности, – пояснил мальчик-солдат. – Я должен ей помочь.

Не дожидаясь ответа, он двинулся вперед. Тело его затекло и казалось чужим после стольких месяцев, когда он был очень толстым. Хотя и с болью, он заставлял ноги сгибаться и спешить. Деревья шептали ему, подгоняя шелестом листвы и тихим шуршанием голосов:

– Он опоздает...

– Все мы, не только Лисана...

– ...она сама виновата, что разделила его...

– Почему страх не остановил ее? Как ей удалось зайти так далеко?

– Украденная магия. Она горит ею.

– Урони на нее сук. Вдруг это убьет ее.

Спина мальчика-солдата взмокла, и пот сочился ручейками по всему телу, находя все новые складки, где можно задержаться, и все новые места, чтобы стирать их в кровь. Он упрямо шагал вперед. Тело сделалось легче, а мышцы остались сильными, но сам себе он казался старым и измученным. Сердце отчаянно колотилось в груди. Не успевшая усвоиться пища неприятно хлопала в животе. И тем не менее он заставлял себя спешить.

Позади Оликея не смолкала ни на миг: о чем-то напоминала ему, предупреждала, мешая прислушиваться к шепоту. Сама она, судя по всему, его не различала или принимала за шелест ветра в листве.

– Ты делаешь глупость. Зачем тебе идти к Лисане? Что ей может быть от тебя нужно? Ты истратишь всю свою силу – и что мы будем делать ночью? Нам что, придется ждать здесь еще целый день, пока ты не отдохнешь и не поешь как следует, прежде чем мы сможем вернуться к народу? Большинство кланов уже прибыли в зимние поселения и вскоре отправятся на торговые побережья. Я хочу быть с ними, когда они соберутся на ярмарку. Когда все кланы сходятся на зимовье, всегда бывает много бесед, пиров, танцев, музыки и торговли. Если мы желаем всем этим насладиться, не стоит прибывать туда измотанными. И мне совсем не хочется впервые показывать тебя там тощим как скелет и полумертвым. Нам и так придется провести несколько дней в моей хижине, прежде чем мы отправимся на ярмарку. Я должна подготовить тебя, чтобы ты пользовался уважением. Невар! Ты меня совсем не слушаешь! Да сбавь же ты шаг.

Несмотря на всю его слабость, она поспевала за ним с большим трудом. Я понял, что он воспользовался быстроходом, чтобы сократить расстояние между собой и Лисаной. Он тратил не так уж и много магии, но деревья казались слегка размытыми, а почва под его ногами – не такой твердой. Оликею и Ликари влекло следом за ним. Почувяв дым, он вдруг удвоил усилия, поглощая магию, как если бы обладал безграничным ее запасом. В два огромных шага мы очутились перед пнем древесного стража.

Эпини сгребла в огромную грудку листьев, сухие и недавно опавшие. Кузина стояла, довольно ощерившись, и наблюдала за тем, как густой белый дым поднимается от крошечного костра, который она развела у основания пня Лисаны. Рядом ждал запас сухих веток, чтобы подкормить пламя, когда оно разгорится.

Сама Эпини выглядела пугающе. Пряди волос выбились из кос, заплетенных, судя по их виду, несколько дней назад. На ней было бесформенное зеленое платье, скроенное в расчете на беременность, а поверх округлившегося живота был протянут потрепанный кожаный ремень с

инструментами. Сбоку с него свисала фляга. Она за что-то зацепилась платьем, разорвав юбку, и подол, похоже, так и волочился за ней, пока она шла сюда по лесу. На него налипли сухие листья и мелкие прутики, словно шлейф из грязи. Эпини закатала рукава, обнажив предплечья. Ее лицо блестело, а ворот и спина платья вымокли от пота. Руки она перепачкала грязью и сажей, пока разводила костер. Когда я приблизился, она как раз утирала лоб тыльной стороной кисти, оставляя на нем темную полосу. Открытая кожаная сумка валялась на земле около нее. Несмотря на свой растрепанный вид, Эпини сочилась энергией.

– Гори! – выкрикнула она низким, безумным голосом, стиснула зубы, и я услышал, как они скрипнули. – Гори, мошенница, шлюха магии. Сгори – и умри навсегда. Навсегда, как Невар. Я сделала, как ты просила! Сделала все, что ты потребовала; ты обещала, что спасешь его тогда! Но ты соврала! Ты позволила Невару умереть! Лживая, мерзкая сука!

Слова лились из нее, точно густая кислота. Она неловко нагнулась, сгребла охапку веток и швырнула на тлеющие листья, осевшие под новым грузом. На миг я подумал, что огонь задохнулся, но тут дым стал гуще, и из груди хвороста вынырнул крошечный язычок пламени, принявшийся жадно лизать пень.

Все это время Лисана в облике толстой пожилой женщины с седыми прядями в волосах стояла спиной к пню, раскинув руки в тщетной попытке его защитить. Ее бестелесное присутствие ничем не могло помочь. Босые ноги Лисаны и подол ее платья из коры с мшистым кружевом охватило пламя. Не думаю, что она его чувствовала, но все же громко закричала, когда огонь коснулся ствола.

С последнего дождя прошло много недель, и лес стоял сухим. Неожиданно я понял, что означали прошептанные мне слова. Огонь не боится магии. Крошечные искорки плясали во вздымающихся потоках жара, на кусочках обуглившихся листьев. В опасности оказалась не только Лисана. Если этот огонь наберет силу, он может поглотить весь горный склон и долину деревьев предков.

Мальчик-солдат обладал всеми моими воспоминаниями, он знал ее имя и наш язык.

– Эпини! Остановись! Прекрати это! Ты убьешь нас всех!

Он кинулся вперед и принялся сбивать пламя босыми ногами. Он разбросал костер, открыв тлеющую листву воздуху, и огонь с громким треском, похожим на смех, взвился вверх. Ошеломленная Эпини даже не пыталась ему помешать. Она смотрела на него, широко разинув рот.

– Потуши его, потуши! – визжала Лисана.

Не думаю, что Оликея с Ликари слышали ее, но они тоже поняли, чем грозит пожар. Не тревожась об ожогах, мальчик-солдат затапывал огонь по краям. Оликея сорвала с пояса сумку с едой и принялась сбивать пламя ею. Но именно Ликари сбросил с плеча тяжелый мех с водой и, открыв и стиснув его, направил струю в самое сердце огня. С их появлением Эпини отступила в сторону. Теперь она стояла и ошеломленно смотрела, как они разбрасывают ее костер, заливают его водой, а потом затапывают уцелевшие языки пламени. Через несколько мгновений опасность пожара миновала. Оликея едва не всхлипывала от ужаса, а Ликари радостно пританцовывал. Мальчик-солдат осел на землю, заметил еще один тлеющий уголек, сгреб пригоршню сырых листьев и затушил его. Все трое перепачкались в саже и копоти.

– Я тебе говорила! – сердито крикнула Лисана, обращаясь к Эпини. – Говорила, что сдержала слово. А даже если бы я его не сдержала, это сделала бы магия. Магия не лжет и не обманывает. Вот, видишь его? Видишь? Невар жив. Ты получила то, о чем торговалась. Невар жив!

Мальчик-солдат повернулся к ней, и Эпини уставилась на него. Ее взгляд скользнул по его истощенному телу, но, думаю, не менее сильно ее потрясла его нагота. Со стороны он выглядел пятнистым существом с обветренными лицами и руками и бледной, обвисшей кожей в тех

местах, где тело не успело обгореть. Она вспыхнула румянцем и постаралась смотреть мне в лицо. Я сгорал со стыда, но мальчик-солдат едва ли обратил внимание на то, что она видит его без одежды.

– Невар? – с видимым сомнением спросила она. – Неужели это ты?

– Это я, – солгал он.

И впервые я полностью осознал, в каком положении оказался. Эта другая сущность управляла моим телом. Полностью. И использовала его как хотела, вовсе не принимая меня в расчет. Я бросился на выстроенные им стены, изо всех сил сражаясь за власть над собственной плотью. Я ощутил его презрение к Эпини и вспомнил, как она помогла мне победить его, когда мы сражались впервые. Он смотрел на нее и видел старого врага, вернувшегося, чтобы доставить ему очередные неприятности. Я же видел свою кузину, опустошенную горем, грязную, уставшую, измученную жаждой, зашедшую на многие мили от дома. Ее отягощала первая беременность, и я знал, что она нелегко ее переносит. Ей следовало оставаться дома, в безопасности, со Спинком, Эмзил и ее детьми. Я считал, что позаботился об этом. Когда я изменил воспоминания всех, кто был тогда в толпе, когда отправил Спинка и Эмзил домой относительно невредимыми, мне казалось, что я все это для нее устроил. Я знал, что, если я попытаюсь остаться, если хотя бы задумаюсь о том, чтобы вернуться к людям, которых знаю и люблю, магия найдет способ отнять их у меня.

Две ночи назад она едва не сделала это. Если бы я не уступил ей, если бы не воспользовался ею и не покорился, Эмзил изнасиловала бы толпа на улицах Геттиса. Спинк, конечно же, погиб бы, пытаясь спасти ее и защитить меня. Что бы тогда ждало Эпини с ее нерожденным ребенком и маленьких детей Эмзил? Неизбывная скорбь – первую, утраты и нищета – последних. Вот почему я пошел на эту жертву. Все, что я сделал, – я сделал ради того, чтобы их спасти.

Но вот Эпини здесь, во враждебном лесу в милях от дома, растрепанная и с диким взглядом. А человек, облаченный в мою плоть, притворяется мной. Она вытаращилась на меня, пытаясь осознать, что же видит.

– Ты голый, – вымученно заметила она. – И ты... больше не толстый. Что с тобой случилось? Как это могло произойти за ночь? Как ты сумел выжить? Спинк и Эмзил видели тебя мертвым. Спинк сказал, что тебя забили до смерти на улице его товарищи, солдаты из его полка. Знаешь, что с ним из-за этого случилось? Знаешь, как он теперь ненавидит все, чем прежде гордился? На глазах у Эмзил закончилось все, на что она только начинала надеяться. И вот ты здесь. Живой. Я не понимаю, Невар! Я ничего не понимаю!

Она сделала пару неуверенных шагов ко мне и, если бы я раскрыл ей объятия, бросилась бы мне на шею. Но мальчик-солдат этого не сделал. Он стоял перед ней, нагой и равнодушный, сложив руки на груди.

– Зачем ты пришла сюда? – сумрачно поинтересовался он. – Чего ты хочешь?

– Зачем я... что? Я пришла отомстить за тебя, болван! Заставить ее страдать за твою смерть так же, как страдаем все мы. Заставить ее пожалеть о своем предательстве, наказать магию за то, что она не сдержала слова. Чего я хочу? Я хочу обратно свою жизнь! Хочу, чтобы, когда муж поворачивается ко мне, он смотрел на меня, а не сквозь меня. Хочу, чтобы Эмзил не хмурилась и не кричала на детей. Чтобы она перестала плакать по ночам. А еще чтобы мой ребенок родился здоровым и счастливым, и не в доме, где изо дня в день мы претерпеваем приступы отчаяния или страха. Вот чего я хочу. Вот зачем я пришла сюда. Я знала, что ничего не добьюсь, но решила, по крайней мере, убить хоть кого-то из тех, кто все у меня отнял.

Мне казалось, что я умираю. Я бился о мысленные преграды мальчика-солдата, пытаясь вырваться на свободу. Мне хотелось обнять Эпини и утешить, хотелось хоть как-нибудь ей помочь. Как видно, все, что я пытался сделать для нее, отвернувшись от Геттиса, в свете дня оказалось пустым и корыстным. Я ничего не решил, уступив магии, лишь заставил их страдать от горя и чувства вины, которых ни один из них не заслуживал.

– Я не позволю тебе убить ее, – холодно сообщил он. – Тебе следует просто вернуться домой. Никому не говори, что видела меня. Смирись с тем, что я мертв. И уезжай из Геттиса. Возвращайся на запад, где самое место тебе и всему твоему племени.

Пока он говорил, он поднял взгляд на Лисану, но мне непонятным образом казалось, что он ее не видит. А самое странное заключалось в том, что, по моим ощущениям, Лисана определенно видела меня. Я смотрел на нее его глазами, умоляя о милосердии, о малой толике доброты к моей кузине. Что она сделала им, не считая того, что пыталась поддержать и защитить меня? Почему она должна страдать из-за магии?

– Как видишь, гернийка, – мягко заговорила с ней Лисана, – я сказала тебе правду. Магия держит слово. Невар не умер.

Эпини повернулась и посмотрела на меня. Она слегка покачнулась и приоткрыла рот, глаза ее побелели. Я видел однажды лошадь, загнанную почти до смерти. Эпини напомнила мне то несчастное животное, как если бы ее удерживала на ногах сила скорее воли, чем тела. Она долго разглядывала меня, затем повернулась к Лисане:

– Не пытайся обмануть меня. – Голос ее звучал тускло. – Это не Невар. Я знаю Невара, и это не он. Ты забыла, что магия коснулась и меня? Что я могу посмотреть на его ауру и увидеть, что с ней что-то не так? Тебе не удастся обмануть меня снова, древесный страж. Я намерена убить тебя или умереть, пытаясь это сделать.

Она наклонилась. Только теперь я заметил маленький топорик, которым она рубила хворост. Рядом с мощным пнем древесной женщины он казался забавной игрушкой. Но эту игрушку сделали из железа, и от ее близости мою кожу жгло. Когда Эпини подняла его над головой, оскалив зубы в гримасе ненависти, мальчик-солдат бросился между нею и пнем и перехватил ее за запястье. Он стиснул пальцы, и топорик выпал. Когда она попыталась выцарапать ему глаза, он поймал и вторую ее руку и, несмотря на свое изможденное состояние, легко ее удержал. Эпини нечленораздельно зарычала и начала брыкаться, но он терпел ее пинки.

– Она лишилась ума, – заключила Оликея с таким ужасом в голосе, словно недостойное поведение Эпини позорило и ее саму. – Убить ее будет только милосердно.

Она говорила по-спекски, обращаясь к мальчику-солдату. В ее голосе не прозвучало злости, и меня охватила дрожь. Она действительно считала, что ему следует прикончить Эпини, словно больную собаку. Она подошла ближе, собираясь подобрать топор, и я испугался, что она сейчас вонзит его лезвие Эпини в спину.

– Нет! – завопил я. – Лисана, помоги мне! Прошу тебя! Не позволяй им убить Эпини! Я этого не вынесу!

Я не издал ни единого звука, поскольку не владел ни губами, ни языком, ни легкими. Я обращался к ней не словами, но потоком мыслей, не требовавшим слов, точно так же как общались друг с другом Эпини и Лисана. Это говорило мое сердце, безголосое в этом мире. Я мог только умолять и угрожать, не в силах помешать происходящему. Мои руки удерживали кузину беспомощной в ожидании смерти.

Лисана смотрела на разыгрывающееся перед ней действие. Соппротивление Эпини постепенно слабело, широкая ладонь мальчика-солдата удерживала оба ее запястья, и она едва не висела в его хватке. За ее спиной Оликея подняла топор. Ликари смотрел на происходящее с напряженным вниманием ребенка, наблюдающего за непонятными поступками взрослых. Топор начал опускаться.

«Эпини!» – беззвучно закричал я.

Случайный лучик света скользнул по падающему лезвию.

Мои бессильные угрозы не тронули Лисану. Мальчик-солдат смотрел на ее пень, и мне опять показалось, что мы с ним видим ее по-разному.

«Если я помогу убить собственную кузину, я сойду с ума! Моей ненависти к нему не будет предела. Сможет ли мальчик-солдат послужить магии, если в глубине его души будет лопотать безумец?»

Когда древесная женщина медленно покачала головой мне в ответ, мое сердце замерло.

– Остановись, – вымолвила она.

Теперь, когда я знал цену такой магии, я увидел, чего стоило ей это усилие. Присутствие древесного стража ослабло, но она добилась того, чего я хотел. Оликея заколебалась и выронила топор, упавший наземь за спиной Эпини. Мальчик-солдат не отпустил мою кузину, но хотя бы поставил на ноги. Она высвободила из его хватки одну руку и прижала ее к животу в одновременно защитном и поддерживающем жесте. Когда он разжал пальцы на втором запястье, она с трудом отступила от него на несколько шагов и разрыдалась. Обеими руками она обняла живот, словно баюкая его. Смотрела она не на мальчика-солдата, а мимо, на пень древесного стража.

– Почему? – требовательно спросила она у Лисаны. – Почему ты сделала это с Неваром? Почему мой кузен, почему я? Мы не совершали преступлений против твоего народа. Почему ты дотянулась до него издалека, за столько долгих миль, чтобы сделать его заложником такой судьбы? Почему?

Лисана напряглась. Ее суть на миг дрогнула, а потом словно сгустилась, когда она собрала остатки сил.

– Вيني в этом кидона, а не меня! – резко возразила она. – Это он взял твоего кузена и попытался сделать из него воина, чтобы обратить против меня. А я – я проявила милосердие. Я могла вырвать его душу из тела, и он умер бы во всех мирах. Если бы я не подумала предложить его магии, он бы давно уже был мертв. Магия предпочла его сохранить. Не я. Я не знаю, почему она так решила. Но она его выбрала и теперь взяла себе. Тебе стоит с этим смириться, гернийка. Точно так же, как он должен принять свою судьбу и стать единым для магии. Ничто не может этого изменить. Магия всегда сохраняет то, что забрала себе.

Наверное, только я смог различить давнюю покорность в ее словах. Ее саму избрала и так и не отпустила магия. Она тоже прожила жизнь вовсе не так, как мечтала.

«Прошу тебя, – мысленно обратился я к Лисане, надеясь, что она все еще способна как-то влиять на мальчика-солдата. – Пожалуйста, дай мне поговорить с Эпини. Позволь мне отправить ее домой. Подари мне это маленькое утешение, прежде чем я должен буду уступить воле магии».

Мальчик-солдат пристально смотрел на пень.

– Лисана? – позвал он, и в голосе его прозвучала бесконечная тоска.

Он не обращал внимания на всхлипывающую женщину и на озадаченно хмурящуюся Оликею. Он подошел к пню и положил на него ладони.

– Лисана? – повторил он.

Он сердито оглянулся на Эпини. Я чувствовал его искреннее возмущение тем, что гернийка может видеть его возлюбленную и разговаривать с ней, в то время как он способен разглядеть лишь пень поваленного дерева.

Лисана тяжело вздохнула.

– Я глупа, – проговорила она. – И знаю, что еще пожалею об этом. Что ж, говори с ней. Я тебе помогу.

Я надеялся, что она что-то сделает с мальчиком-солдатом и я снова получу власть над собственным телом, но она либо не могла, либо не доверяла мне настолько. Меня пронзило странное холодное чувство, словно меня, как кожу, содрали с собственной жизни. В следующий миг я увидел Лисану гораздо четче и вспомнил, как она призвала меня из камеры. Тогда я должен был поговорить с Эпини. Теперь же я смотрел на кузину и не знал, что ей сказать. Я мог видеть мальчика-солдата так же, как видела его Эпини. Это поражало. Он носил мое

нагое, обожженное солнцем тело совсем иначе. Я бы никогда не принял такой позы, никогда бы не чувствовал такого безразличия, стоя без одежды перед кузиной. Но с другой стороны, лишившись жира, мое лицо стало почти таким же, как и тогда, когда я отправлялся в Академию. Несмотря на обвисшие складки кожи на щеках и подбородке, я выглядел куда моложе, чем когда-либо за прошедший год. Мои светлые волосы были неопрятно взъерошены, но с тоскливой болью я вспомнил, что некогда был привлекательным молодым человеком. Охватившая меня неожиданная скорбь по этой утрате поражала своей силой. Я никогда не полагал себя тщеславным, но мне нравилось, что мне улыбаются девушки. Моим глазам предстало искаженное воспоминание о высоком, статном кадете, каким я был прежде. Словно нож вонзился мне в сердце.

Эпини подняла глаза на Лисану и, когда ее взгляд коснулся моего призрачного образа, задохнулась. Она протянула руку, словно пытаясь дотронуться до меня.

– Невар? – спросила она.

Мальчик-солдат мрачно покосился на нее и наклонился ближе к пню.

– Лисана? – взмолился он, но никто из нас не обратил на него внимания.

Я понял, что должен сказать. Только правда могла ее успокоить, и я не стал ей врать:

– Эпини. Эпини, дорогая моя. Да, это я. Я здесь. Мне так жаль. Я сделал то, что должен был сделать. Я магией принудил Спинка и Эмзил поверить в мою смерть. Я заставил толпу считать, что они получили свое и забили меня до смерти. И тогда я ушел. Только так я мог бежать, только так мог отделить свою жизнь от ваших.

– Но...

Ее глаза широко распахнулись от удивления, она перевела взгляд на мальчика-солдата в моем теле, а потом снова на меня.

Я говорил торопливо, не позволяя ей себя перебить, поскольку хорошо знал Эпини. Стоит ей открыть рот, и мне уже не удастся вставить ни слова.

– Магия не позволит мне остаться. Неужели ты не понимаешь? Она загнала меня в угол и не дала выбора. Если бы я попробовал остаться, толпа забила бы меня. Эмзил, возможно, выжила бы после изнасилования, но я в этом сомневаюсь. И мы с тобой знаем, что Спинк вынудил бы их убить его, потому что не смог бы просто смотреть. Магия хотела сделать возвращение в Геттис невозможным для меня, хотела заставить меня бежать в лес и исполнить ее волю. Она победила.

Эпини дышала тяжело: день стоял жаркий, а она изрядно устала. Ее плечи поднимались и опускались, и, пока я говорил, новые слезы хлынули по ее грязным щекам. Я думал, она плачет из-за меня, но ошибся.

– Мы с тобой знаем, что Спинк не позволил бы им забить тебя до смерти без того, чтобы ввязаться в драку. Это против его природы. И все же, Невар, ты заставил его поверить, что он это допустил, а сам отделался несколькими синяками. Эмзил, должно быть, тоже так считает, она настаивает, что он пожертвовал тобой, чтобы спасти ее. Они оба несчастны. Прошлой ночью Спинк впервые решил, что ему нужен тоник Геттиса. Ром и опиум. Он сумел уснуть, но наутро ему лучше не стало. Поэтому он принял половинную дозу и отправился на службу. Он был не вполне в себе. Эмзил до беспамьяства напоила зельем детей и напилась сама; они все еще спали, когда я уходила. Я не знаю, что с ними станет. Спинк так долго справлялся с тоской и ужасом, насланными магией. Теперь, когда он дважды сдался, я боюсь, его защитные стены рухнут. Не думаю...

Эпини смолкла, словно ее собственные страхи были слишком ужасными, чтобы говорить о них вслух.

– Неужели ты не понимаешь, Невар? – всхлипнув, сердито спросила она прежде, чем я успел заговорить. – То, что ты для нас выбрал, никому не поможет! Магия все равно уничтожит нас, только это займет больше времени. – Она перевела взгляд на Лисану. – Так что я повторю:

«сделка», предложенная тобой, была обманом. Я сделала то, о чем просила ты, о чем просила магия, а взамен у меня забирают все.

– Я не управляю магией, – сдержанно ответила Лисана. – Она поступает так, как лучше для народа.

Ее слова прозвучали холодно, но мне показалось, что ее тронуло сказанное Эпини.

– Ты ее видишь? Можешь с ней говорить? – ожесточенно спросил мальчик-солдат.

– Она вон там, – хмуро посмотрела на него Эпини. – Ты ее не видишь?

– Как я уже сказала, я не могу повлиять на волю магии, – пояснила ей Лисана. – Мальчик-солдат не видит меня, а я могу говорить только с той его гранью, которая является Неваром. Возможно, таково наше наказание за провал. Или простое последствие разделения души. Одна половина часто обретает возможности за счет другой. – Она замешкалась, а потом добавила, понизив голос: – Я и не предполагала, что он так долго останется разделенным надвое. Думаю, целым он бы добился успеха.

– Я ее не вижу. Я ее не слышу. Я не могу к ней прикоснуться... – В голосе мальчика-солдата звучала нескрываемая тоска, и Оликея, стоявшая за его спиной, выглядела оскорбленной.

Я знал, в чем дело, хотя и не вполне понимал.

– Я сохранил эту часть. Сохранил ту часть себя, которая позволяет мне видеть и разговаривать с древесной женщиной в этом мире. Потому что... – Я замешкался в поисках объяснения и предположил: – Потому что эта часть всегда принадлежала в основном мне. Когда мальчик-солдат был с тобой, он находился в твоём мире. И мне приходилось тянуться туда, чтобы говорить с тобой из своего.

– Ты думаешь? – переспросила меня Лисана с неподдельным интересом.

Эпини обессиленно опустила на мох и убрала пряди волос со взмокшего лица.

– Какая разница? Все пошло прахом. В этой жизни ни для кого из нас больше ничего не осталось. Не важно, кого ты любишь и в каком мире, Невар. Ни ты, ни тот, кто сейчас владеет твоим телом, не обретете радости и покоя. А я должна вернуться домой, где медленно рушится мое счастье.

– Эпини, – проговорил я быстро, прежде чем успею передумать, прежде чем Лисана успеет меня перебить, – иди домой к Спинку. Расскажи ему правду. Я применил к нему магию. Он не совершил ничего трусливого. Я использовал его, чтобы Эмзил оказалась в безопасности.

– И он, разумеется, мне поверит, – ответила Эпини, и сквозь печаль в ее голосе явственно пробилась ирония. – И не решит, что я сошла с ума...

– Он поверит тебе, если ты предоставишь ему доказательства. – Я на миг задумался. – Попроси его отправиться на кладбище и поговорить с Кеси. Пусть спросит, не приснился ли тому странный сон утром после моей смерти. И не валялась ли моя сабля на полу, когда он проснулся. Если он не солжет, Спинк получит свои доказательства. – Я замешкался, но добавил: – Если потребуется, попроси его поговорить с разведчиком Тайбером. Он видел меня тем утром, когда я бежал. Я бы предпочел, чтобы ему не напоминали о нашей встрече, но, если у Спинка останутся сомнения, пусть спросит Тайбера.

Эпини по-прежнему тяжело дышала, так что ее плечи вздымались и опускались.

– А Эмзил? – потребовала она ответа. – Как насчет Эмзил?

– Думаю, ей лучше считать, что я мертв.

– Почему это? – возмутилась Эпини.

Я замешкался. Даже мне самому эта причина казалась порожденной тщеславием.

– Потому что она упряма. Я думаю, она может отправиться меня спасать, если вдруг решит, что я от всего отказался ради ее безопасности. Если она узнает, как сильно я люблю ее, она может рискнуть собой.

Эпини потеряла глаза ладонями. Сажа и слезы смешались, покрыв ее лицо грязной маской.

– Возможно, я знаю ее в чем-то лучше, чем ты. Кроме всего прочего, она здравомыслящая женщина и ценит детей превыше всего остального в своей жизни.

Она смолкла, и я понурился. Она сказала вполне достаточно, чтобы я понял.

– Но я считаю, – добавила Эпини, – ей будет очень важно узнать, что ее любили так сильно – хотя бы единожды в жизни.

Я обдумал ее слова. Мне вспомнилось, как много значило для меня то, что прошептала мне Эмзил в ночь, когда я бежал из Геттиса. Эпини была права. О таком стоит знать, даже если ему не суждено осуществиться.

– Тогда можешь сказать и ей тоже, – уступил я. – И можешь ей сказать, что я любил ее. И все еще люблю, хотя и вынужден покинуть.

Эпини сдавленно фыркнула:

– Не только могу, но и скажу, Невар. Я не забыла, как глупо и неловко себя чувствовала, когда выяснила, сколько времени вы со Спинком скрывали от меня то, что ты в Геттисе. С Эмзил я так не поступлю!

– Я сожалею, – от всей души признал я.

Она повернулась к мальчику-солдату. Тот смотрел на нее пристально, пугающе пустым взглядом. Ему хотелось обвинить кого-нибудь в собственной неспособности увидеть древесную женщину, но он никак не мог решить, кого именно. Меня потрясло то, насколько неприятным может казаться мое собственное лицо. Злость глубже прорезала его морщины, заставив меня задуматься, не часто ли я выглядел так, сам того не подозревая. Эпини перевела глаза с него на Лисану:

– Он знает, что происходит? Что ты позволила мне поговорить с настоящим Неваром?

– Он никогда не был глуп, – пояснила Лисана с некоторой гордостью в голосе, – но, как и Невар, страдает от незавершенности. Это возможно, когда душа разделена; одна часть ее становится вспыльчивой, а другая – нерешительной. Одна часть склонна к театральным сценам, в то время как другая не показывает почти никаких чувств. Одна действует не задумываясь, другая думает, бездействуя.

Эпини переводила взгляд с меня на мальчика-солдата.

– Звучит разумно, – спокойно заметила она.

– Я знаю, что здесь происходит, – вмешался мальчик-солдат. – Только не понимаю, почему она это допустила. Постарайся извлечь из этого все, что сможешь, гернийка. Больше такого не повторится.

Он скрестил на груди руки.

– Чего ты ждешь? – встряла Оликея. – Мы потушили огонь. Тебе стоит убить эту женщину и уйти. Посмотри на нее. Она хилая. Она похожа на веревку с завязанным узлом. Как может настолько тощая женщина быть в тягости? Сделай это, и покончим с ней, мальчик-солдат. Ты попусту тратишь силы, необходимые тебе, чтобы быстроходом перенести нас этой ночью к народу.

Говорила она по-спекски. Не думаю, что Эпини поняла смысл слов, но презрение в ее голосе было невозможно ни с чем спутать. Кузина пригладила волосы и отвернулась от нее, ничего не ответив и даже словно бы не замечая ее. Не знаю только, уловила ли Оликея это гернийское оскорбление.

– Он прав, – подтвердила Лисана. – У тебя мало времени. Невар, ты попросил меня об этом. Ты обещал, что сможешь отослать ее домой. Договаривай, что ты там хотел ей сказать. Тебе давно пора отправляться.

– Отослать меня домой! – повторила Эпини, и в ее запавших глазах вспыхнули искорки гнева. – Отослать меня домой? Я что, собака, которой достаточно рывкнуть: «Домой!» – и она послушно потрусит куда велено?

– Нет! – поспешно проговорил я. – Нет. Все совсем не так. Эпини, ты должна меня выслушать. Здесь ты ничем не можешь помочь. Возвращайся домой к Спинку, Эмзил и ее детям. Сделай для них все, что сможешь, успокой их. Расскажи им правду, если считаешь, что правда их утешит. А главное, позаботься о себе и собственном ребенке. И, если получится, помоги моей сестре. Мне уже ничего не сделать для Ярил.

– Что? Что ты собираешься делать? И почему ты разговариваешь со мной таким странным образом вместо того, чтобы... Почему в твоём теле – он?

– Честно говоря, не знаю. Думаю, эта часть меня сейчас сильнее, и поэтому он поступает так, как считает нужным. А я нахожусь там, где был он после того, как я одержал над ним верх.

Лисана молча кивнула.

– Невар, ты должен постараться стать сильнее! Ты должен сразиться с ним и вновь овладеть собственным телом. Возвращайся в Геттис. Посмотри на себя. Ты похудел. Теперь ты можешь стать настоящим солдатом.

– Эпини, подумай! С тем же успехом я могу стать висельником – стоит им понять, что им не удалось убить меня в тот раз. В Геттисе мне больше нечего делать.

– Он не в силах превозмочь мальчика-солдата, – тихо добавила Лисана. – Его время прошло. У него была возможность, но он потерпел неудачу. Его решения ни на что не повлияли. Теперь он должен уступить, стать частью мальчика-солдата, и пусть тот попробует сделать по-своему. Им нужно объединить усилия.

Лицо Эпини изменилось, став жестче, и в ее глазах вспыхнуло нечто крайне похожее на ненависть.

– Я не позволю вам его уничтожить, – отрезала она. – Он будет с тобой сражаться, и я тоже. Мы сильнее, чем тебе кажется. Он заберет обратно собственное тело и вернется к нам. Я знаю, что так и будет.

– Нет, – покачав головой, спокойно и терпеливо возразила Лисана. – Не будет. С твоей стороны мудрее будет послушаться его. Возвращайся домой. Позаботься о тех, о ком можешь. Когда родится твое дитя, уезжай отсюда и вернись на земли, принадлежащие твоему народу.

Эпини спокойно посмотрела на Лисану:

– Я не откажусь от Невара. Если хочешь, чтобы я уехала, тебе придется вернуть мне кузена.

Лисана не улыбнулась и не нахмурилась, ее лицо ничего не выражало.

– Я уверена, что, объединившись, они преуспеют там, где прежде оба потерпели поражение. Я уверена, что тогда он примет задачу, поставленную перед ним магией, и, когда справится с ней, захватчики покинут наши земли. Я предлагаю тебе возможность уберечь себя и собственное дитя. Уходи сейчас, прежде чем тебя прогонят. Я не знаю, как магия избавит наши земли от чужаков, но не думаю, что это пройдет мирно. Мягкость и убеждение уже были испробованы и не дали результата. Их время прошло.

– Я не откажусь от Невара, – повторила Эпини, будто сомневалась, что Лисана слышала ее или обратила на ее слова внимание. – И не верю, что он сдастся. Он будет бороться, а когда накопит достаточно сил, отберет собственную жизнь у мальчика-солдата и вернется к нам.

Я попытался придумать какой-нибудь ответ.

– А если он не справится, – добавила она, улыбнувшись мне, – тогда следующим летом, когда дни станут длинными и жаркими, а лес сухим, я сожгу ваши деревья. Все.

Она словно бы вдруг успокоилась и сложила руки перед собой. На меня она не смотрела вовсе. Ее лицо и ладони были в грязи, платье испачкано и порвано, волосы выбились из причёски и спадали на лицо. Но печаль и боль как будто покинули ее, не оставив ничего, кроме решимости. Она напоминала сверкающий клинок, вытасченный из потертых ножен.

– Вот она, благодарность гернийцев, – холодно заметила Лисана. – Магия сдержала слово. Я показала тебе твоего кузена, живого, как и было обещано, и даже помогла вам попрощаться.

Я предложила тебе бежать на запад вместе с твоим ребенком. А в ответ ты грозишься нас уничтожить.

Мальчик-солдат не мог слышать Лисану, но мне на миг показалось, что он ей ответил.

– Сейчас я ее убью, – сообщил он, и Оликея сурово кивнула.

Едва ли Эпини поняла смысл слов, произнесенных им по-спекски, но угрозу в них слышала. Впрочем, ее это не поколебало.

– Ты можешь меня убить, – подтвердила она. – Не думаю, что это окажется слишком трудно для тебя.

Она вздернула подбородок – словно подставляя удару горло. Взгляд она не отрывала от глаз Лисаны и больше ничего не произнесла. Однако угроза повисла в воздухе, невысказанная и оттого лишь более тревожная.

– Убей ее, – тихо согласилась Оликея, и в ее голосе звенели страх и жажда. – Этим.

Она достала из поясных ножен кинжал и протянула ему. Лезвие оказалось черным и блестящим – обсидиан. Память шевельнулась во мне. Он был остр, точно бритва, – нож, подобающий магу, который не должен касаться железа.

Мальчик-солдат взял кинжал из рук Оликеи и беспомощно заозирался по сторонам, словно в поисках указаний. Он не мог слышать Лисану. Не мог спросить у нее совета, а бесстрашная готовность Эпини принять то, что ее постигнет, явно его беспокоила. Я видел, как он пришел к выводу, что чего-то не учитывает. Я не знал, так ли это, или же Эпини просто блефует. Мне хотелось спросить ее, но высказывать эти сомнения не стоило. Я попытался слабо улыбнуться в ответ на ее улыбку, но, кажется, потерпел неудачу.

Мальчик-солдат принял решение и ударил.

Я ощутил его намерение за миг до того, как он его осуществил. Сразу после этого произошли одновременно две вещи. Я ему помешал. Не знаю как, но мне удалось остановить его руку на полпути к цели. Это ошеломило его и вдобавок сожгло часть и без того скудного запаса магии. Видимо, я использовал его магию против него, чтобы не позволить ему ранить Эпини. Удивился я не меньше его самого.

А Эпини, несмотря на неуклюжесть, вызванную беременностью, резко пригнулась и бросилась к топорiku, который выронила Оликея. Она ударилась о землю сильнее, чем намеревалась, всхлипнула от боли, но тут же выпрямилась, сжимая в руке оружие и сверкая зубами в победоносной улыбке.

– Давай проверим, что будет, если тебя ударить холодным железом! – угрожающе предложила она и изо всех сил швырнула топориком ему в голову.

Обух с неприятно глухим звуком ударил ему в лоб, и мальчик-солдат упал. Не знаю, что послужило тому причиной – сила ее броска или воздействие железа на его тело, но он содрогнулся, и глаза его закатились. Ликари потрясенно разинул рот. Оликея взвизгнула, точно ошпаренная кошка, и набросилась на Эпини.

А я беспомощно наблюдал. Я оказался хуже чем просто бесплотным – то тело, на которое я мог надеяться повлиять, валялось без сознания. Оликея была выше Эпини, мощная, более привычная к физическому труду, не скованная одеждой или беременностью. Она кинулась на мою кухню, как кошка на добычу. Эпини метнулась в сторону, но все равно опрокинулась под натиском Оликеи. Обе визжали – столь жуткого звука мне прежде слышать не доводилось. Эпини выкрикивала слова, которых, по моим представлениям, не могла знать, и сражалась с поразительной силой и яростью. Она защищала нерожденного ребенка в не меньшей мере, чем себя. Оликея оказалась сверху, но Эпини извивалась в ее хватке, пока не дотянулась до ее лица и не пролила первую кровь, пробороздив ногтями лицо и грудь врага. Одежда не только стесняла ее, но и защищала от мелких повреждений, а когда моя кухня перекадилась в сторону, подтянула ногу вверх и ухитрилась лягнуть Оликею в живот, обувь тоже показала себя несомненным преимуществом.

Пока ее противница пыталась отдышаться, Эпини торопливо отползла подальше. Я решил было, что она пытается сбежать, но, когда Оликея наконец пришла в себя и бросилась за ней, моя кузина уже снова подобрала валявшийся на земле топорик. Оликея, полагая, что угрожают ей, вырвала кинжал из безвольной руки мальчика-солдата. Однако Эпини не бросилась на нее, а вместо этого прижала лезвие своего оружия к горлу моего бессознательного тела.

– Назад! – прорычала она. – Назад, или ни одна из нас его не получит! Он будет мертв.

Они говорили на разных языках, но угроза была так же очевидна, как лезвие у горла мальчика-солдата.

Именно в этот миг я вдруг осознал, что они сражаются за меня. Эта мысль меня потрясла.

Оликея застыла на месте. Эпини замерла, склонившись над мальчиком-солдатом с холодным железом, едва не касающимся его горла. В ее позе сквозило что-то дикое и хищное. Затем она вдруг задохнулась, тихонько застонала от боли и, положив руку на живот, принялась бережно его гладить, словно утешая.

– Ты его не убьешь, – мигом позже заявила Оликея. – Он твой двоюродный брат.

Эпини пристально глянула на нее, затем покосилась на меня.

– Она говорит, что ты не убьешь меня, потому что я твой двоюродный брат, – перевел я.

– Нет, – резко возразила Эпини. – Сейчас это не он. Мой двоюродный брат вон там. – Свободной рукой она указала на мою бестелесную сущность, парящую возле Лисаны. – А это, это существо в его теле, сотворено древесным стражем и магией. Когда-то оно, возможно, и было его частью, но она превратила его в нечто глубоко чуждое Невару. И я лучше убью его, чем буду смотреть, как оно притворяется моим кузенком. Без малейшего сожаления. Я не позволю этому чудовищу изображать из себя Невара Бурвиля.

Я смотрел, как Оликея выслушивает поток незнакомых слов. Нужды в них не было: она понимала все необходимое по лезвию, нависшему над моим горлом.

– Мальчик-солдат настолько же брат тебе, как и Невар Бурвиль, – вмешалась Лисана. – Когда он пришел ко мне, посланный старым кидона, чтобы убить меня, я захватила его и разделала его душу. Отрицай это, если хочешь, но мальчик-солдат неотделим от твоего двоюродного брата. Чтобы составить целое, нужны обе половины. Ты не сможешь изгнать его из тела. Убей его – и ты убьешь и знакомого тебе Невара. Хочешь ли ты уничтожить его, только чтобы помешать мальчику-солдату воспользоваться его телом?

Оликея не слышала Лисану, она встала и начала медленно обходить Эпини, держа кинжал наготове.

– И что же ты станешь делать теперь, тощая гернийская пигалица? Убей его, и я тебя прикончу. Я больше тебя и сильнее. Ты знаешь, что победа будет моей. Как долго ты сможешь просидеть над ним, угрожая ему топором? И что станешь делать, когда он очнется?

– Я не знаю, – ответила Эпини, обращаясь к Лисане, а не к Оликее. – Похоже, мы зашли в тупик. – Мигом позже она добавила: – Если Невару все равно не суждено вернуть себе тело и жизнь, а меня в любом случае прикончат, значит ни один из нас ничего не потеряет, если я его сейчас убью. Ты согласен?

Я молчал, обдумывая ее вопрос. Я не знал, что со мной станет, если Эпини убьет мое тело. Заботило ли меня это? Немедленного ответа я не нашел. Большую часть жизни у меня были цели, к которым я и шел. Что у меня осталось теперь? Похоже, как и Эпини, я оказался в тупике. На краткий миг я встретился взглядом с кузиной и увидел в ее глазах любовь – но еще и решимость, и смирение.

Моему телу это не сулило ничего хорошего. Я медленно кивнул ей, и она перевела взгляд на Лисану:

– Видишь?

– Чего ты хочешь, гернийка? – резко спросила Лисана после долгого молчания. – Что нужно сделать, чтобы ты оставила это место и никогда больше сюда не возвращалась?

Эпини на миг задумалась, и я заметил, что ее рука дрожит. Должно быть, она уже устала держать топор.

– Ты хотела сказать – чтобы я ушла, не убив его, – уточнила она наконец.

– Да, – отрезала Лисана.

– Говори со мной! – возмущенно потребовала Оликея. – Я здесь. И я могу тебя убить!

Она угрожающе взмахнула кинжалом.

– Заткнись! – рявкнула Эпини и коснулась лезвием топора горла мальчика-солдата.

В глотке у того что-то булькнуло, и Оликея отшатнулась, продолжая сверлить Эпини яростным взглядом.

– Она опасна, Эпини. Будь осторожна. Она убьет тебя, если сможет.

– Знаю, – хрипло признала Эпини. – Возможно, мне придется убить твое тело. – Ее глаза и щеки были мокры от слез, но лицо выражало лишь гнев. – Что может быть хуже, Невар? Неужели я должна сдаться, скуля и умоляя о милосердии? Сомневаюсь, что она его проявит. Раз уж я должна потерять все, то, по крайней мере, они за это заплатят. Они заметят, что я здесь есть; на меня не наступишь, словно на муравья.

Отчаянная отвага ее слов глубоко тронула меня.

– Тебе следовало родиться сыном-солдатом своего отца, – тихо заметил я.

– Он очнулся! – громко крикнул Ликари.

Я едва не успел забыть, что он тоже здесь. Мальчик держался в стороне, наблюдая, но почти ничего не говоря и не предпринимая. Теперь же он показывал пальцем на мое тело. Мои веки дрогнули, а руки проскребли по мшистой земле.

Эпини могла не понять, что сказал Ликари, но его тон остерег ее. Она опустила топор ниже, так что его лезвие прижалось к горлу мальчика-солдата. Он издал невнятный протестующий возглас. Я не знал, что его вызвало – порез от острого лезвия или обжигающее прикосновение холодного железа. Эпини склонилась к нему так низко, что он не мог видеть ничего, кроме ее лица. Он озадаченно моргнул, а потом уставился на нее.

– Не шевелись. Слушай меня, – тихо прорычала она. – Вели женщине с ножом и мальчику с мехом для воды уйти. Скажи, что ты не хочешь, чтобы они мне повредили. отошли их к ручью, пусть ждут там, пока ты к ним не придешь. Больше ничего не говори. Я узнаю, что ты скажешь. Если ты что-то добавишь или опустишь, я тебя убью. Ты меня понял?

Он облизнул губы и закатил глаза, чтобы увидеть Оликею. Эпини без колебаний сильнее прижала лезвие к его горлу. Я смутно ощутил, как оно прорезало мою кожу, и гораздо острее – не то горячий, не то ледяной поцелуй железа. От него сочилась кровью моя магия, и это было куда больше, чем крохотная ранка на шее.

– Пожалуйста, не надо! – прохрипел мальчик-солдат.

Эпини ослабила нажим, но топорик не убрала.

– Говори, – спокойно велела она ему.

– Оликея. Ликари. Спускайтесь к ручью. Ждите меня там. Ничего пока не делайте, просто ждите.

Эпини покосилась на меня, и я подтвердил, что он подчинился ее приказу:

– Он сделал, как ты сказала. Приказал им спуститься к ручью и ждать там.

Оликея готова была взбунтоваться. Ликари, изнывающий от любопытства, тем не менее послушно повернулся и направился прочь.

– Неужели я должна оставить тебя на ее милость? – возмутилась было Оликея.

– Иди, – перебил ее мальчик-солдат. – Просто уходи, иначе она меня убьет. Оликея, я лучше разберусь с этим, если тебя здесь не будет. Спускайся к ручью. Жди меня там.

– О да, ты запросто справишься! – прорычала Оликея и, уставившись на Эпини, попятилась, держа наготове обсидиановый клинок. – Однажды, гернийка, мы еще встретимся. Только

ты и я. – Затем она гневно набросилась на Ликари: – Почему ты еще здесь? Он велел нам ждать у ручья. Вот это мы и должны делать.

– Они с мальчиком уходят, – поспешно растолковал я происходящее, прежде чем Эпини глянула на меня; я не хотел, чтобы она отвлекалась от Оликеи. – Но она пригрозила, что еще с тобой расквитается.

– Прекрасно, – рассеянно ответила Эпини, и в голосе ее звучало напряжение.

Она не сводила глаз с Оликеи и Ликари, пока они не скрылись из виду. Ей было неудобно склоняться надо мной, прижимая к шее топорик, – мешал живот. Было заметно, что ей трудно оставаться неподвижной, легко касаясь лезвием моего горла, со всем весом ее тела, давящим на согнутые колени.

– И что теперь? – негромко спросила Лисана. – Что ты будешь делать теперь? Думаешь, все закончилось? Думаешь, мальчик-солдат позволит тебе просто взять и уйти после того, как ты угрожала лесу?

Эпини сдула с лица волосы и взглянула на нее:

– А ты полагаешь разумным спрашивать меня об этом? Проще всего мне будет перерезать ему горло и уйти. К тому времени, как они поймут, что он не придет, я буду далеко.

– Думаешь, лес так легко тебя отпустит? – возразила Лисана.

– Нет, – вздохнула Эпини, – я не думаю, что лес или магия отпустит хоть кого-то из нас. Она хочет невозможного. Хочет повернуть время вспять, хочет вернуться в те годы, когда гернийцы приходили сюда лишь затем, чтобы покупать меха, а потом возвращались назад. Этого не случится. Не может случиться. И до тех пор пока магия будет требовать именно этого, решения не будет. Ни для кого из нас.

Я перевел взгляд со склоненной головы Эпини на капли пота, катящиеся по моему собственному лицу, а затем на Лисану. Эпини была права. Стоило мне об этом подумать, как я ощутил, что словно бы начал таять. Магия слабела. Лисана устала, а в моем теле сил осталось слишком мало, чтобы ими воспользоваться.

– Эпини! Я таю. Прости. Я делал то, что считал разумным, но это никому не помогло. Даже мне самому. Прощай. Я любил вас всех так сильно, как только мог. Уезжай, если получится. Все уезжайте.

Неожиданно я оказался в собственном теле, глядящем на Эпини снизу вверх. Должно быть, она различила меня в глазах мальчика-солдата, поскольку мягко проговорила:

– Ты не дал ему убить меня. Помни, что ты смог это сделать. Верь, что в конце концов ты снова найдешь в себе эту силу и одержишь над ним верх. А пока – мне очень жаль, Невар. Я уверена, на моем месте ты сделал бы то же самое. А еще, знаешь, ты это действительно заслужил.

Она подняла топор, но, прежде чем я успел пошевелиться, перехватила его. Обух обрушился на мой лоб прямо между глазами – и больше я ничего не запомнил.

Глава 8

Быстроход

Когда я пришел в себя, Эпини рядом уже не было. Осознал я это не сразу. Вместе с мальчиком-солдатом я страдал от головокружения, был совершенно сбит с толку и не мог сосредоточить ни на чем взгляд. В кишках ворочалась тошнота. Удар по голове, достаточно сильный, чтобы потерять сознание, – всегда штука серьезная, а мое тело вынесло два таких почти что подряд. Я с трудом дышал и не мог шевельнуть ни рукой ни ногой. Мальчика-солдата заметно раздражало то, что ему приходится тратить и без того быстро тающий запас магии на лечение. Но даже и так мы еще час лежали неподвижно, прежде чем он пришел в себя достаточно, чтобы сесть.

Тут-то он и обнаружил, что Эпини прибегла к ряду предосторожностей, прежде чем нас покинуть. Кожаным ремнем от своей сумки она заткнула мне рот, как кляпом, а полосами, оторванными от подола юбки, связала запястья и щиколотки. Мальчик-солдат перекатился на бок и начал высвобождаться из пут.

– Твоя кузина оказалась более находчивой, чем я полагала, – заметила между тем древесная женщина, обращаясь ко мне. – По правде сказать, она могла бы куда лучше послужить магии.

Как бы мало я ни хотел служить магии, это сравнение все же меня задело.

– Возможно, если бы моя сущность не была разделена, я стал бы лучшим орудием для магии. Или лучшим солдатом.

– Весьма возможно, – легко согласилась она.

Мальчик-солдат ее не слышал. Он не смотрел на ее пень, и поэтому я не видел Лисану, но мог представить себе ее мягкую, печальную улыбку. Я ненавидел то, что она сделала со мной, то, как магия извратила мою жизнь вопреки моим ребяческим мечтам о славной карьере офицера кавалеры, о милой, любезной жене и собственном доме. Я потерял все это, когда сразился с Лисаной и проиграл. Она добила крушения всей моей жизни. Но все же я испытывал нежность к Лисане, моей древесной женщине, и уже не только из-за любви к ней мальчика-солдата. Я нашел в ней родственную душу, кого-то, кто уступил магии вопреки собственному желанию, но, как и я, увидев в этом необходимость.

– Итак, что будет теперь?

Она вздохнула – легко, словно ветерок в листве.

– Рано или поздно Оликея или Ликари придет и поможет тебе. Или ты сам сумеешь высвободиться. А потом тебе надо как следует поесть и быстроходом перенестись на зимовье к народу.

– Я не это имел в виду. Я хотел узнать про Эпини и Спинка. Что станет с ними?

Она снова вздохнула:

– Выкини из головы ту жизнь, Невар. Прими ту, которая настала теперь. Соедини половины своей души и стань целым.

Я спрашивал ее совершенно не об этом.

– Ты попытаешься повредить Эпини? – прямо уточнил я.

– Хм. Пыталась ли она повредить мне? Еще несколько минут того пламени, и мы бы с тобой сейчас не разговаривали. Я уже говорила тебе, что не могу управлять магией и ее делами. – Она помолчала немного, а затем добавила уже мягче: – Но если тебе так будет спокойнее, знай: я не собираюсь ей мстить. – Она издала странный звук, почти напоминающий смешок. – Думаю, чем меньше у меня будет дел с твоей кузиной, тем лучше для нас обеих.

– Благодарю тебя.

Оликея за мной не пришла. Зато явился Джодоли, перебравшийся через гряду вместе с брюзжащей Фирадой. Он тоже услышал призывный шепот листьев, но находился дальше, а Фирада не хотела, чтобы он отправлялся к Лисане быстроходом. Она сочла, что мальчику-солдату следует самому разбираться с трудностями, вызванными безумной герниейкой. Фирада была недовольна, что Джодоли снова пришлось потратить силы на мое спасение. Все время, пока он меня развязывал, она сердито ворчала себе под нос.

– Что здесь произошло? – спросил Джодоли, едва вытащил кляп из моего рта.

– Кузина Невара, Эпини, напала на Лисану. Но тебе не стоит об этом тревожиться. Все уже хорошо, бояться нечего. Мне жаль, что тебе пришлось снова потратить на меня время.

– Это называется «все хорошо»? – едко поинтересовалась Фирада. – Мы нашли тебя связанным, с кляпом во рту, а твоих кормильцев вообще нет поблизости!

– Я отослал их, чтобы защитить. Все уже закончилось. Оставим это.

Мальчик-солдат произнес это повелительным тоном, который, как мне казалось, должен был прозвучать оскорбительно для нее. Но она лишь надула щеки и замолчала. Мальчик-солдат повернулся к Джодоли и продолжал смотреть осуждающе, но я подозревал, что это он утихомирил Фираду каким-то жестом.

– Джодоли, благодарю тебя за то, что ты снова пришел мне на помощь. Прошу тебя, не откладывай больше свое возвращение к народу. Мне потребуется еще один день, чтобы набраться сил, прежде чем я смогу прибегнуть к магии. Но ты не задерживайся здесь из-за меня.

– Мы и не собирались, – быстро отозвалась Фирада.

Ответ Джодоли оказался более взвешенным:

– Мы действительно должны уйти этой ночью. Но я хотел бы, чтобы ты знал: я ходил посмотреть на то, что ты сделал с дорогой захватчиков. Думаю, ты выиграл нам целый сезон передышки, а то и больше. Это лишь временное решение, но тем не менее я не считаю, что ты зря потратил свою магию. Фирада права, я должен вернуться в наш клан сегодня же. Не стоит оставлять их без защиты. Надеюсь, вскоре ты к нам присоединишься.

Он огляделся по сторонам, задержавшись на обожженном пне древесной женщины.

Мальчик-солдат медленно поднялся на ноги. Голова его по-прежнему гудела от боли, да еще голод вновь вгрызся в кишки. Всю накопленную магию он потратил на то, чтобы исцелить худшие из своих ран. Он вздохнул:

– Схожу-ка я за моими кормильцами. Вскоре увидимся с вами на зимовье. Доброго пути.

– До зимовья, – подтвердил Джодоли.

Он взял Фираду за руку, и они ушли. Я не заметил магии быстрохода, но они исчезли, не успев я дважды моргнуть. Когда они скрылись из виду, мальчик-солдат повернулся к пню Лисаны.

Он подошел к нему, опустился на колени в мягкий мох и тщательно изучил повреждения. Они не были серьезны – огонь лишь облизал кору, но прожечь не успел. Он удовлетворенно кивнул и взялся за рукоять ржавой кавалерийской сабли, по-прежнему глубоко воткнутой в пень. Не обращая внимания на неприятный зуд в руках из-за близости металлического клинка, он попытался вытащить ее. Безуспешно. А в моих мыслях зашевелилось неуютное осознание. Будучи магом, теперь я знал, насколько неприятно прикосновение железа. Однако Лисана ни разу не упрекнула меня за клинок, которым я срубил ее, а потом оставил в пне. Меня терзал стыд.

Мальчик-солдат не оставлял своих попыток, не замечая моих мыслей и чувств. Отчаявшись, он продрался сквозь густой подлесок к молодому побегу, выросшему из ствола Лисаны, положил руки на гладкую кору и запрокинул голову, с улыбкой разглядывая его ветви.

– Мы должны благодарить нашу удачу за то, что она не знала, где ты наиболее уязвима. Эта кроха не пережила бы такого ожога. Посмотри, как она тянется к солнцу и как прямо

стоит. – Он подался вперед и на миг прижался лбом к коре дерева. – Мне так не хватает твоих наставлений, – нежно шепнул он.

– Я тоже скучаю по тебе, мальчик-солдат, – проговорила у нас за спиной Лисана.

Я знал, что он ее не слышит, и она это знала, и в ее голосе я уловил тоску.

– Она тоже по тебе скучает, – повторил я ее слова скорее ради нее, чем ради него.

Мальчик-солдат задохнулся:

– Скажи ей, что я все еще ее люблю. Скажи, что мне страшно ее не хватает. Что не проходит и мига, чтобы я не вспоминал всего, чему она меня учила. Я буду верен ее наставлениям, когда приду на зимовье. Я обещаю. Скажи ей. Пожалуйста, скажи ей это ради меня.

Он смотрел на побег. Я хотел, чтобы он повернулся к срубленному стволу, где я отчетливее видел Лисану. Но мне было трудно добиться того, чтобы он меня услышал, а я не хотел тратить силы напрасно.

– Она слышит твои слова. Она не может сделать так, чтобы ты услышал ее, но то, что ты производишь вслух, она слышит.

Он снова замер на месте, поворачивая голову, словно собака, услышавшая отдаленный свист, медленно протянул руку и провел пальцем по тонкому стволу.

– Я рад, что ты меня слышишь, – ласково проговорил он. – Рад, что у нас есть хотя бы это.

Лисана всхлипнула. Я пожалел, что не могу встретиться с ней взглядом.

– Она около ствола, – сообщил я ему, но силы мои быстро иссякали.

– Прошу, скажи ему, пусть пройдет вдоль моего упавшего ствола, – снова обратилась ко мне Лисана. – У его верхушки пробился еще один побег. Скажи, что он ждет, когда придет его время. Я готовлю для него дерево. Пожалуйста, скажи ему это.

– Поищи еще один побег у верхушки ее упавшего ствола, – выпалил я, собравшись с остатками сил, но он меня не услышал.

– Я устал, Лисана, – помолчав, пробормотал он. – Устал, и голоден, и лишен магии. Мне нужно набраться сил. И как только я буду в состоянии, я должен отправиться на зимовье. Поверь мне, я не забыл, что ты мне говорила. Чему меня учила. Я выполню это.

Он замер, словно прислушиваясь ко мне или к Лисане, но вскоре закрыл глаза, надул щеки и отвернулся от маленького дерева.

Он двинулся по едва заметной тропинке, сбегавшей вниз по склону в долину, где тек небольшой ручеек. На ходу он что-то бормотал – спустя какое-то время я понял, что он обращается ко мне, и прислушался к его сбивчивой речи.

– Ты истратил все. Ты так сильно нас ненавидишь или просто глуп? Я копил магию, берег ее, полагая, что найду возможность ее использовать. А теперь ее больше нет. Нет. Ты постоянно жаловался каждому, кто соглашался тебя слушать, что я украл у тебя твое прекрасное, замечательное будущее. Ты поэтому разрушил мое? Это месть? Или просто глупость?

Я не мог ему ответить. Я был немногим больше крошечной искры внутри его и отчаянно цеплялся за остатки самосознания. Мысль оставить эти попытки искушала меня, но я с ней совладал. Что станет со мной, если я это сделаю? Перестану ли я существовать вовсе, или мои мысли, идеи и знания сольются с мальчиком-солдатом? Поглотит ли он меня, как некогда пытался поглотить его я? Если он включит меня в собственную сущность, пойму ли я, что происходит? Или останусь жить лишь в странных обрывках сновидений, беспокоящих мага спеков?

Мысль о том, чтобы слиться сознанием с мальчиком-солдатом и стать не более чем его частью, не показалась мне привлекательной. Напротив, она пробудила во мне отвращение и желание бороться.

«Я – Невар Бурвиль, – напомнил я себе. – Сын-солдат лорда из новой знати. Мне суждено было стать офицером каваллы, доблестно служить моему королю и отличиться на поле брани. Я одержу победу. Я не подведу Эпини и справлюсь с ним».

Я не стану разрозненными ошметками воспоминаний внутри жирного лесного мага. Ни за что.

И я из последних сил уцепился за собственную личность и в следующие два дня почти ничего больше и не сделал. Я оставался лишь наблюдателем, пока мальчик-солдат устало брел к ручью. Он застал Ликари дремлющим на тенистом берегу, в то время как Оликея охотилась на мелководье на каких-то серо-коричневых голенастых тварей, больше похожих на насекомых, чем на рыб. Она ловила их, ловко отщелкивала им голову ногтем большого пальца, а затем складывала в кучку на лист кувшинки. Твари были некрупными – на ее ладони легко уместилась бы пара таких. Она уже успела развести огонь.

– Хорошо, что ты уже начала собирать для меня еду, – приветствовал ее мальчик-солдат, подойдя ближе.

Она даже не подняла на него взгляда:

– Я уже знаю, что ты собираешься сказать. Ты истратил всю магию, и нам придется остаться здесь еще на ночь. Ты убил ее?

– Нет. Я ее отпустил. Она нам не опасна. И ты права – нам придется здесь задержаться, но не на одну ночь, а на три. Я решил, прежде чем отправиться в путь, восстановить хотя бы часть своих запасов. К тому времени, как мы присоединимся к народу, я не успею стать тем великим, каким был прежде, но и настолько тощим уже не буду. Я намерен есть три дня. А потом мы быстроходом отправимся к народу.

– К этому времени уже почти все вернутся на зимовье! Все лучшие товары разойдутся, останется лишь старье и всякий негодный хлам.

– В грядущие годы будут и другие торговые дни. Эти тебе придется пропустить.

Оликея надула щеки и с шумом выдохнула. Она поймала еще пару тварей и с такой силой швырнула в накопившуюся кучку, что я услышал треск крохотных панцирей. Она была недовольна, а я слабо поразился, с какой легкостью мальчик-солдат отгнул ее чувства по этому поводу.

Она наконец взглянула на него, и удивление едва не вытеснило мрачность с ее лица.

– Что случилось с твоим лбом?

– Не важно, – бесцеремонно отмахнулся он. – Нам нужна еда. Займись делом. – Ногой он слегка потормошил спящего Ликари. – Вставай, мальчик. Собирай еду. Много еды. Мне нужно себя наполнить.

Ликари сел, заморгал и потер глаза кулачками:

– Какую еду, великий?

– Любую, какую сможешь найти, и побольше. Иди.

Мальчик умчался.

– Не вини его, если он не сумеет найти много хорошей еды, – заметила Оликея из-за моей спины. – Время щедрого сбора прошло. Поэтому мы и уходим на зимовье.

– Я знаю.

Мальчик-солдат отвернулся и двинулся к берегу ручья, вверх по течению от Оликеи. Тяжело вздохнув, он опустился на землю, потянулся, сорвал горсть прибрежной травы, ополоснул в воде грязь с корней и счистил с них скользкую шкурку. Затем он скусил их со стеблей и принялся жевать, одновременно выдергивая новую порцию. На вкус эта еда отдаленно напоминала лук.

К тому времени, как Ликари вернулся с полной охапкой сморщенных слив, мальчик-солдат успел очистить от травы немалую часть берега. Он ел методично, как пасущаяся корова. Оликея занималась своим делом: она ошпарила свою добычу в слое листьев и теперь отрывала им ноги и счищала панцири. Кусочки мяса, обнаруживающиеся внутри, размером не превосходили мой мизинец, но пахли чудесно.

Они поели вместе, но львиная доля досталась мальчику-солдату. Сливы успели высохнуть на жарком солнце, их мякоть оказалась плотной, вязкой и сладкой, приятно сочетаясь с мясом тварей. Когда еда закончилась, мальчик-солдат велел обоим своим кормильцам найти еще, а сам улегся спать. К его пробуждению они успели запечь груды желтых корней совершенно крахмального вкуса, а на огне готовился дикобраз. Ликари убили его дубинкой. Под шкурой и иголками зверя обнаружился толстый слой жира.

– Сам видишь, какая скоро настанет погода! – предупредила Оликея.

– Оставь эти заботы мне, – отмахнулся от нее мальчик-солдат.

Уже спустилась ночь, когда трапеза была окончена. Они улеглись спать вместе: Оликея – у его живота, Ликари – прижавшись к спине. Мальчик-солдат потратил чуточку магии, чтобы превратить мох вокруг них в уютное гнездышко, пока Ликари собирал палую листву, чтобы ею накрыться. Поверх листьев он накинул теплое одеяло, прихваченное из хижины на кладбище, хотя и Оликея, и Ликари жаловались на странный запах. Он выяснил, что они выбросили его одежду, сразу как нашли его. Оликея срезала блестящие латунные пуговицы с его формы и приберегла их, но остальное бросила где-то в лесу по дороге. Итак, от моей прежней жизни он сохранил теплое одеяло и пригоршню пуговиц. В этом было что-то закономерное.

Когда они устроились на ложе и Оликея прислонилась теплой спиной к его груди, а крепкими ягодицами – к бедрам, в мальчике-солдате шевельнулось явственное плотское желание, но он решительно его отбросил. Позже, когда он восстановит хотя бы часть своего веса, он насладится ею. А пока ему стоит тратить усилия только на то, чтобы собирать и поглощать пищу. Что же до Оликеи, она не выказывала к нему подобного интереса, а Ликари, по счастью, кажется, не замечал никакого напряжения между взрослыми.

Следующие два дня были как две капли воды похожи на первый. Пока света хватало на то, чтобы видеть, Оликея и Ликари находили еду, а мальчик-солдат ее поглощал. Они дважды сменили место стоянки, двигаясь вниз по течению ручья, и он последовательно собирал и съел все, что только мог найти.

На третью ночь пришли заморозки. До этого тоже, случалось, примораживало так, что жухли листья, но той ночью холод пробрался под кроны деревьев. Несмотря на моховое ложе и толстое листовое одеяло, они втроем дрожали до самого утра. После пробуждения у мальчика-солдата ныло все тело, а Оликея и Ликари встали мрачными и раздражительными.

– Мы отправимся в путь этой ночью, – пообещал мальчик-солдат в ответ на нытье Оликеи. – Я восстановил достаточно сил, чтобы путешествовать быстро. Пока что займитесь сбором пищи. Я скоро вернусь.

– Куда ты собрался?

– К концу дороги. Я не задержусь там надолго, приготовьте еду к моему возвращению.

– Это глупо и опасно. Там будут рабочие, они могут на тебя напасть.

– Они меня не увидят, – отрезал мальчик-солдат на прощание и ушел.

По мере того как он восстанавливал свои запасы, то же происходило и со мной. Он так и не стал таким огромным, как прежде, но набрал вес и силы. Сейчас он целеустремленно шагал через лес. Палая листва ковром устилала мох и шуршала под его ногами. Приблизившись к концу дороги, мальчик-солдат замедлил шаг и пошел осторожнее. Для такого крупного человека он двигался очень тихо и часто останавливался, прислушиваясь.

Слышал он лишь птичьи голоса и, один раз, топоток спугнутого им кролика. Приободрившись, он приблизился к тому месту, где совсем недавно пролегалa дорога. Здесь царилa тишина.

К этому часу рабочие уже должны были прибыть, но их нигде не было видно. Он осторожно прошел вдоль обочины дороги. Растения, которые я послал на нее, пожухли, а вот лоза и колючий кустарник выжили и выглядели непо потревоженными. Там, где я запрудил зеленью дренажные канавы, образовались болотца, и над ними с жужжанием вились насекомые.

Он подошел к навесу, где в ту ночь укрывались сторожа. Там оказалось пусто. Внутри, на столе, валялись забытые игральные кости. С той ночи сюда никто не возвращался.

– Возможно, магия потрачена не совсем зря, – неохотно признал он. – Похоже, захватчики перепугались. Не думаю, что они вернуться раньше весны.

Он уже повернул обратно к лесу, когда я сообразил, что он обращался ко мне.

– Мне казалось, я делаю то, чего от меня хотела магия.

Я никак не мог решить, хочу ли я извиниться перед ним или нет. Казалось странным извиняться перед самим собой, а уж за действия, к которым меня так подталкивали, – и того удивительнее. Я даже не был уверен, слышит ли он то, что я пытался ему сказать. Я вспомнил те разы, когда я словно бы ощущал внутри шевеление мальчика-солдата, те мгновения, когда мои мысли казались скорее спекскими, чем гернийскими. Я всегда полагал, что он сознательно от меня прячется. Теперь же я задумался, не пытался ли он поделиться со мной своими взглядами – для того лишь, чтобы я задавил его точно так же, как сейчас задыхаюсь сам.

Он снова заговорил, нехотя, словно не желая признавать само мое существование:

– Это моя магия, и не тебе ее тратить. Она говорит со мной, а не с тобой. Тебе не стоило встречать.

Похоже, он презирал меня не меньше, чем я его. Мне это казалось несправедливым. Это ведь он вторгся в мою жизнь. Но я сдержал возмущение, чтобы задать ему самый насущный вопрос:

– Ты знаешь, чего хочет от тебя магия?

Он ухмыльнулся. Я ощущал, как он сомневается, стоит ли отвечать на мой вопрос. Когда он решился, я знал, что он не устоял перед желанием похвастаться.

– Я уже несколько раз выполнял ее желания.

– Когда? Что ты сделал?

– Ты не помнишь Танцующее Веретено?

– Разумеется, помню.

Мои действия у Веретена навсегда остановили его танец и рассеяли магию народа равнин. Теперь я знал, что мальчик-солдат впитал тогда столько их магии, сколько смог в себе удержать.

– Но что еще? Когда еще ты следовал воле магии?

Он ухмыльнулся шире:

– Ты не знаешь, верно? Так забавно. Потому что тогда мне казалось, что ты пытаешься мне помешать. И даже сейчас я полагаю неразумным рассказывать тебе о том, к чему меня побудила магия. Это были крохотные поступки, не имевшие для меня смысла. Но я их совершил. И сохранил в тайне от тебя, чтобы ты не попытался все переделать. Тебе казалось, что ты подавил меня, поглотил и сделал собственной частью. Но тогда я победил. И сейчас снова взял над тобой верх, герниец. И так будет всегда.

Я едва не предупредил его, чтобы он не был в этом чересчур уверен, но сдержался – мне ни к чему, чтобы он оставался настороже. Он больше со мной не разговаривал, а направился вдоль ручья к Оликее и Ликари. Она сидела у костра, обхватив руками свое обнаженное тело. Днем потеплело, но не слишком.

– Поиски еды помогут тебе согреться, – бросил он ей. – Это последний день, который мы здесь проведем. Мы поедем, а потом будем спать до заката.

– Здесь уже почти нечего собирать! – возразила Оликее, но Ликари тут же опроверг ее заявление.

Он подбежал ко мне и с гордостью предъявил шесть серебристых рыбин, подвешенные за жабры на ивовом пруте.

– Я их сам поймал! – крикнул он, его руки до локтя покраснелись от ледяной воды.

– Замечательно! – похвалил мальчик-солдат и взъерошил ему волосы.

Ребенок завертелся под его ладонью, точно счастливый щенок. Оликея с кислым видом взяла рыбу и пошла ее чистить. Мальчик-солдат вернулся к ручью и поеданию травяных корней. Он бы предпочел еду, более насыщенную магией, но в ее отсутствие набивал мой живот всем, что казалось съедобным.

Оликея вернулась с наспех сплетенным мешком, наполненным крупными грибами и колючими шишками. Шишки она отдала Ликари, и тот принялся бить их о камень у ручья, вытряхивая крупные семена. Грибы оказались плотными и крепкими, с рядами трубочек вместо пластинок под оранжевыми шляпками. Оликея нарезала их крупными кусками, чтобы поджарить над огнем вместе с рыбой.

Поев, все трое устроились в гнезде из мха и листьев, чтобы проспать остаток дня. Я в отдыхе не нуждался. Вместо этого в кромешной тьме за закрытыми веками мальчика-солдата мои мысли гонялись за собственными хвостами по замкнутому кругу. Что он сделал по воле магии такого, о чем я даже не узнал, и когда это произошло? В ужасе я вспоминал те случаи, когда приходил в себя вне дома после того, как бродил во сне. Случилось ли это тогда? Или дома, в Широкой Долине, или даже пока я еще учился в Академии? Я вспомнил, как танцоры-спеки пришли с балаганом в Старый Тарес. Когда я увидел их, я поднял руку и подал знак обрушить на столицу смертоносную чуму. Да, теперь я понимал, что это сделал мальчик-солдат. Но что еще он натворил, о чем я не имею ни малейшего понятия? Повлиял на мои мысли об отце? Ускорил нашу ссору с Карсиной?

Когда я счел эти рассуждения бессмысленными, мои мысли вернулись к Эпини, Спинку и Эмзил. Я гадал, удалось ли Эпини благополучно добраться до дома, сумела ли она убедить Спинку и Эмзил, что я жив и они меня не подвели. И об остальном Геттисе я тоже думал. Очевидно, что моя смерть никого особенно не беспокоит. Я даже сомневался, что будет предпринято серьезное расследование. В Геттисе в основном жили солдаты, каторжники, освобожденные заключенные и их семьи. Магия спеков наполняла город чередующимися волнами ужаса и отчаяния. Здесь насилие и преступления сделались столь же привычными, как пыль на улицах. То, что человека растерзала толпа, вызовет у жителей лишь краткое потрясение, но за пределы форта эта новость не выйдет. А в официальном рапорте, если таковой вообще составят, полагаю, будет значиться, что осужденный Невар Бурвиль был застрелен при попытке к бегству.

Правду о том, что на самом деле я сын лорда Бурвиля с востока, полковник Гарен унес с собой в могилу. Я был убежден, что он никому об этом не говорил. Значит, отец официального извещения не получит. Я раздумывал, как Спинк и Эпини сообщат о моей смерти Ярил и поделится ли та этой новостью с отцом и сержантом Дюрилом, моим старым наставником. Я надеялся, что сестре хватит силы воли промолчать. Отец отрекся от меня, и известие о том, что я погиб при попытке сбежать от казни, только подкрепит его дурное мнение обо мне. Что же до сержанта Дюрила, он знает, как легко солдаты теряют связь с семьями и друзьями. Я бы предпочел просто исчезнуть из его воспоминаний и жизни, чтобы он никогда не узнал о моем позоре. Не хотел бы, чтобы старый солдат думал, что его воспитание каким-то образом испортило меня или что я пренебрег всем, чему от него научился. Пусть лучше они оба меня забудут.

А на что я надеюсь для себя? Надежда. Теперь это слово казалось пропитанным горечью. На что я могу надеяться, став пленником в собственной плоти и зная, что меня вскоре перенесут на спекское зимовье? Я не имел ни малейшего представления о том, где оно находится, и не подозревал даже, что намерен предпринять мальчик-солдат. Вне всякого сомнения, он предан магии и сделает все, что считает необходимым, чтобы прогнать гернийцев обратно на запад. Как далеко он готов зайти?

До меня доходили слухи о другом великом спеков, могущественнейшем из всех. Я напряг память и вспомнил, как его зовут. Кинроув. Оликея упоминала его в надежде, что я его превзойду. Видимо, она рассчитывала, что мальчик-солдат вытеснит его с места величайшего из

великих. Лисана, как и Джодоли, упоминала его в другой связи. Кинроув порождает танец, чем бы тот ни являлся. Годами он поддерживал с его помощью магию, которая должна была остановиться, а то и вовсе прогнать захватчиков. Но он не преуспел, и теперь молодежь забеспокоилась, заговорив о настоящей войне с гернийцами, такой, какой, по их разумению, должна стать война. Нет, поправил я себя – по «нашему» разумению. Я ведь все еще герниец, разве нет?

Было непросто определить, кто я теперь. Я даже не мог решить, как о себе думать – «я» или «он».

Мое другое «я» казалось мне пугающе загадочным. Я не знал, что он уже сделал по приказу магии и на что способен. Неожиданно я понял, что это не совсем так. Он отдал столицу Гернии спекской чуме, он сознательно заразил моих товарищей-кадетов в Академии каваллы, наполовину сократив целое поколение будущих офицеров. Если он способен на это, то перед чем же остановится? Неужели это безжалостное существо – на самом деле часть меня, которую древесный страж отделила и наделила магией? Если бы он остался во мне, неужели и я был бы способен на такие ужасные, предательские поступки? Или та часть меня, которую я считаю собой, смогла бы сделать его лучше, уравновесить его воинственную природу философскими и этическими принципами? Может, он лучший солдат, чем я, потому что его обременяет только верность «его» народу и делу?

Может быть, он именно такой солдат, каким хотел бы видеть меня отец?

Подобные мысли совсем не ободрили меня, особенно теперь, когда я был заключен в спящее тело своего врага. Я попытался представить, что у меня есть свобода выбора. Ведь я помешал ему убить Эпини! Значит, какая-то власть над ним у меня есть. А еще я успешно заставил его услышать мои мысли. Значит ли это, что я могу на него влиять? Или даже, как верит Эпини, однажды снова над ним возобладаю?

Я попытался почувствовать свое тело, как прежде: щекотку листьев на коже, волосы Оликеи, падающие мне на лицо, теплый комочек свернувшегося за спиной Ликари. Все это я ощущал, но, когда попытался пошевелить рукой или поднять ногу, ничего не вышло. Единственное, чего мне удалось добиться за этот вечер, пока они спали, – это сосредоточиться на прикосновении волос Оликеи к моему лицу. Мне было щекотно. Лицо зудело. Хотелось отстраниться. Это раздражало. Я ныл и донимал этими мыслями спящего мальчика-солдата, пока наконец он не поднял с тихим ворчанием руку, чтобы отбросить ее волосы с лица. Мне удалось!

Или же он просто сам, по собственной воле, убрал то, что ему мешало? Кто знает.

Когда стемнело, они заворочались, сначала Ликари, потом мальчик-солдат и Оликея. Им не нужно было много времени на сборы. Оликея и Ликари покинули перебирающийся на зимовье народ в спешке, торопясь ко мне на помощь. У нее на бедрах висел ремень с инструментами и кармашками. Мальчик наполнил водой мех. У нас было теплое одеяло, прихваченное мною из хижины. Оликея приберегла немного жареной рыбы и корней в плетеной сумке. Мальчик-солдат зевнул, потянулся и потер лицо, потом раздраженно поскреб небритые щеки.

– Пора в путь, – сообщил он им. – Идите со мной.

Ребенка он взял за руку, но, похоже, решил, что Оликея сможет последовать за ним сама. Я недоумевал, каким образом он определяет, кто отправится быстроходом с ним. Как распространяет действие магии, чтобы она включила и их? Как он вообще прибегает к магии? Я ничего не чувствовал, только его желание переместиться как можно быстрее. Возможно, большего и не требуется?.. Некоторое время они шли, как мне показалось, обычным образом, тихо пробираясь сквозь сумрачный лес. Вскоре они вышли на едва различимую тропу среди деревьев, и мальчик-солдат что-то проворчал, а потом кивнул, как будто обрадованный какой-то находкой.

После этого мы двигались быстрее. Он не ускорял шага. Мне казалось, он идет так же, как и раньше, и ощущения мои немногим отличались от обычной ходьбы. Время от времени

я чувствовал головокружение, как будто от качки, или спотыкался, словно тропа неожиданно поднималась у меня под ногами. Это сбивало с толку. Деревья и кусты не проносились мимо нас, однако на крутой склон мы взобрались всего за три шага, еще полдюжины потребовалось, чтобы пройти по длинной гряде, и еще несколькими мы спустились в долину, переправились через реку и поднялись по противоположному склону. Несмотря на сгустившуюся ночь, нас окружал лишь легкий серый полумрак.

Мы взобрались на гору, преодолев крутой подъем, прошли по перевалу, а затем пересекли еще один склон, при этом поднимаясь все выше и выше.

По мере того как мы продвигались вверх, ночь вокруг становилась все холоднее. Оликея и Ликари обхватили себя руками, и их дыхание в лунном свете казалось белыми облачками. Деревья так высоко уже не росли. Земля у нас под ногами была холодной и жесткой. Я внутренне содрогался, сознавая, по какой местности иду босиком, но мальчик-солдат не уделял этому внимания.

Вскоре мы подошли ко входу в ущелье. По обе стороны от него высились горы, не оставляя нам выбора. У входа было обустроено место для стоянки со множеством небольших кострищ. Все указывало на то, что здесь совсем недавно прошла большая группа людей – или даже несколько групп.

– Мы остановимся здесь до завтра? – спросила Оликея.

Мальчик-солдат лишь продолжил идти. Мы прошли через ущелье, вьющееся между двумя крутыми горными склонами. Воздух был сухим и холодным, и вскоре мы порадовались тому, что Ликари наполнил мех. Постепенно я начал ощущать, как мальчик-солдат использует магию, текущую ровным потоком. Оликея и Ликари не отставали от него, но я чувствовал их усталость. Магия помогла им преодолеть огромное расстояние за краткий срок, но часы ходьбы по холоду быстрым и ровным шагом начали на них сказываться.

– Сколько мы еще собираемся пройти сегодня? – наконец почти проскулила Оликея.

– Мы остановимся на отдых на рассвете, – снизошел до ответа мальчик-солдат.

– Но мы же прошли лучшую стоянку, – пожаловалась она. – Я не готова к каменному проходу. Я думала, у меня будет возможность набрать хвороста и еды, прежде чем мы войдем туда.

– Где бы мы ни оказались на рассвете, отдыхать будем там, – положил он конец обсуждению.

Мальчик-солдат шагал и шагал вперед. Оликея, хмурясь, принялась подбирать вещи, брошенные теми, кто прошел перед ними. Она металась из стороны в сторону за остатками факелов и не до конца прогоревшими дровами. Мальчик-солдат ничем не показал, что заметил это, но слегка замедлил шаг. Когда Ликари начал приотстаивать, он сердито велел малышу пошевеливаться. Мне было жаль ребенка: ему не могло быть больше лет шести или семи, и заставлять его идти быстрым шагом так долго, да еще в такую холодную ночь, казалось жестоким. Если мальчик-солдат вообще что-то об этом думал, я его мыслей не уловил. Ущелье становилось все уже и уже, а склоны по сторонам все отвеснее. Мне казалось, что этот путь запросто может завести нас в тупик, но они продолжали идти так, будто хорошо знали дорогу.

К тому времени, как заря окрасила небо в серые тона, оно превратилось в тонкую полоску у нас над головой. Казалось, будто мы идем по пещере с узкой трещиной в потолке, а не по горному ущелью. Я даже представить себе не мог подобного места. В рассеянном свете я видел, что совсем недавно здесь прошло множество людей. По обе стороны от нашей тропы валялся мусор, обычный для дорожных обочин, – обрывки ткани, потрепанная корзина, объедки и прочий хлам. Оликея на ходу подхватила корзину и сложила в нее собранные по дороге дрова. Свет стал ярче, но мальчик-солдат продолжал идти вперед. Джодоли был прав, когда говорил, что магию при свете дня призвать труднее, чем ночью. Он начал уставать, у него кружилась

голова от того, как кренился и подпрыгивал окружающий пейзаж, пока он шел мимо. Он резко остановился.

– Здесь мы отдохнем, – объявил он.

– Здесь? – удивленно спросил Ликари. – Но здесь же нет стоянки.

– Теперь будет, – мрачно ответил мальчик-солдат.

Оликея промолчала. По жесту мальчика-солдата мех с водой передали по кругу. Оликея кучей высыпала свою горючую добычу наземь и многозначительно покосилась на него. Он надул щеки в отрицании:

– На разжигание огня уходит слишком много магии. Сама справишься.

На миг она сердито оскалилась, но тут же повернулась к нему спиной, достала гернийское огниво с кремнем и занялась делом. Мальчик-солдат скрипнул зубами из-за неприятной близости железа. Оликея использовала кусок корзинки вместо трута, чтобы подхватить искры, и обугленное дерево быстро занялось. Костер вышел небольшой, но он разогнал тени и даже дал немного тепла. Они разделили еду, прихваченную Оликеей. На каменной тропе не росло мха, чтобы мальчик-солдат мог сделать для них удобную постель, и листьев, чтобы укрыться, тоже не нашлось. Он выбрал место у края тропы и лег. Земля была жесткой и холодной. Оликея с несчастным видом обошла его по кругу и в конце концов улеглась рядом. Ликари вытянулся вдоль его спины. Одного одеяла на троих не хватало, а умирающий огонь почти не грел.

– Мне холодно, – тихонько хныкнул Ликари.

Мальчик-солдат ему не ответил, но я почувствовал, как он высвободил часть запасенной магии, и мое тело согрелось. Оликея и Ликари придвинулись теснее к нему. Вскоре я услышал, как мальчик громко вздохнул и расслабился.

Оликея касалась спиной моего живота. Она прижалась к нему плотнее и зевнула. Наступила тишина, и я решил было, что она заснула, когда она вдруг спросила:

– Ты что-то задумал? На то время, когда мы доберемся до зимовья?

Мальчик-солдат довольно долго молчал, но я знал, что он не спит. Я вместе с ним устало смотрел на каменные стены ущелья. Когда он моргал, я чувствовал резь в глазах. Магия горела в нем, словно крохотный костер, поглощая собранные им запасы. Когда он заговорил, обращаясь к темноте, я задумался, не успела ли Оликея уже уснуть.

– Мне придется подождать, пока мы не прибудем. Ты же знаешь, я там прежде не бывал.

– Но ты знаешь дорогу. Откуда? – неуверенно спросила Оликея.

– От Лисаны. Она поделилась со мной многими воспоминаниями. Она проходила здесь десятки раз, сперва обычной девушкой, потом великой. Я полагаюсь на ее память.

Они снова замолчали, и я почувствовал, как Оликея расслабилась в тепле его тела. Он обнимал ее, прижимая ко мне. Мне было ее жаль. Мальчик-солдат лежал с закрытыми глазами и думал о Лисане. А мои мысли устремились к Эмзил. Если бы только я обнимал сейчас ее. Оликея оборвала мои мечтания.

– Ты не один из нас, – тихо заметила она. – Некоторым это не понравится. Они даже могут рассердиться, когда ты явишься туда.

– Я знаю. Это не облегчит мою задачу.

– Тебе придется как-то проявить себя, прежде чем они примут тебя как часть клана, не говоря уже о том, чтобы признать в тебе великого.

– Я об этом думал.

Она глубоко вдохнула и медленно выдохнула, собираясь спать.

– Когда мы доберемся до зимовья?

– Мы могли бы прибыть уже завтра. Но я не хочу двигаться слишком быстро и явиться перед ними обессиленным. Мы пойдем медленнее и остановимся раньше.

– Звучит разумно, – признала она и добавила: – А теперь мне нужно поспать.

– Да, – подтвердил мальчик-солдат.

Но прошло еще некоторое время, прежде чем он закрыл глаза. Я чувствовал, что он взвешивает открытые ему возможности и обдумывает стратегию. Но я не мог пробиться в эти мысли и предположил, что он сознательно скрывает их от меня.

Глава 9

Путь во тьме

Мальчик-солдат проснулся первым. Я не спал уже несколько часов, один в его замутненной сном голове, чувствуя себя неприятно беспомощным. Я знал, что он что-то задумал, что-то такое, что навсегда повлияет на нас обоих, но не имел представления, что именно и как я могу это изменить. Я снова пытался сдвинуть собственное тело, «бродить во сне», пока он был не в сознании, но не преуспел в этом. Мне оставалось только ждать.

Он медленно потянулся, помня о спящих по бокам, потом неловко высвободился из-под их тел. Оба тут же сползли на нагретое им место, устроившись под одеялом с куда большим удобством. Он отошел в сторонку облежаться. Над головой зияла узкая полоска голубого неба. Я попытался понять, действительно ли горы наклонены друг к другу, или так кажется из-за расстояния.

Вернувшись к Оликее и Ликари, он нашел их тесно прижавшимися друг к дружке. Оликее обняла сына, и их лица в полумраке казались удивительно умиротворенными. Я задумался, кто приходится отцом ребенку и где он сейчас. Мальчик-солдат гораздо лучше меня понимал обычаи спеков. Я нашел ответ в его памяти. Сбеки редко выбирали пару, чтобы быть вместе до конца дней. Их семьей был клан, и именно он растил детей, рожденных его женщинами. Обычно отцы детей не входили в тот же клан, и молодые женщины завязывали с ними краткие отношения во время путешествия на зимовье или ярмарку. Мальчику не обязательно было знать, кто его зачал, хотя обычно они знали. Чаще всего отцы не уделяли внимания сыновьям, пока те не становились достаточно взрослыми, чтобы учиться охотничьим обрядам. Тогда мальчик мог решить, покинет ли он клан ради отцовского или останется с родичами матери. Женщины почти никогда не покидали клан. У спеков это было не в обычае.

– Пора выдвигаться, – сообщил мальчик-солдат, голос его прозвучал как-то странно.

Оликее заворочалась, Ликари заворчал, потянулся и снова свернулся в тугой клубочек. Он хмурился во сне. Оликее открыла глаза и вздохнула:

– Ночь еще не настала.

– Нет. Но я хочу выйти сейчас. Ночи становятся холоднее. Я не хочу, чтобы морозы застали меня здесь.

– Теперь его это забеспокоило, – пробормотала себе под нос Оликее и потрясла Ликари за плечо. – Просыпайся. Пора в дорогу.

К быстроходу мы не прибегли. Сверху на нас лился свет дня. Прежде я никогда не встречал столь диковинного естественного образования. То, что казалось ущельем между двумя горами, сузилось до трещины. Мы шли по ней, поглядывая на небо, которое с каждым нашим шагом все отдалялось и отдалялось. Стены расщелины были слоистыми, причем пласты камня лежали под углом к дну. Внизу ее устилали каменные осколки, нападшие сюда за многие годы, однако по ним вела утоптанная дорожка. В щелях рос мох и какие-то крохотные растения.

Ближе к вечеру трещина, сквозь которую виднелось небо, сузилась до далекой ленточки темно-синего цвета. Мы подошли к месту, где по скальным стенам сочилась вода. Она собиралась в каменном углублении, переливалась через край и еще некоторое время бежала ручейком вдоль нашей тропы, пока не исчезала в трещине. Мы наполнили мех и напились сладкой ледяной воды. Вдоль ручейка пробивалась какая-то зелень, но не слишком пышная. Эти растения, судя по всему, совсем недавно ошипали до самых корней. Оликее сердито проворчала, что нам ничего не оставили; обычай требовал, чтобы несколько листьев всегда приберегали

для тех, кто пойдет следом. Мальчик-солдат, у которого громко бурчало в животе, опустился на колени и, окунув руки в ледяную воду, легко коснулся переплетения корней.

Я почувствовал, как в нем вспыхнула и тут же отступила магия. Он вынул руки и медленно встал, стряхивая ледяные капли с ладоней. Примерно на шесть футов вокруг растения выбросили свежие листочки. Оликея радостно вскрикнула и торопливо принялась собирать урожай.

– Не забудь часть оставить, – напомнил ей мальчик-солдат.

– Разумеется.

Они грызли листья на ходу. Скучная пища не могла утолить голод мальчика-солдата, но помогала о нем не думать. Они почти не разговаривали. Светлая полоска у нас над головой продолжала сужаться. Холод не отступал и, думаю, мучил всех, но никто не жаловался. Это обстоятельство приходилось просто терпеть.

Мои глаза привыкли к сумраку. Как и днем ранее, Оликея принялась собирать остатки факелов и кусочки дерева. Мальчик-солдат ничего не сказал, но замедлил шаг, чтобы она не отстала. Вскоре мы вышли еще к одному сбегаящему по стене ручью. На сей раз чаша оказалась явно рукотворной. Она была размером с ванну, и края ее заросли бледным мхом. Вода, выливавшаяся из нее, исчезала в темном желобе, некогда, вероятно, прорубленном людьми, но давно сглаженном потоком. Ликари снова наполнил мех, и мы все напились.

– Нам стоило взять с собой факелы, – с беспокойством заметила Оликея, когда мы ушли от ручья.

Вскоре я понял, о чем она говорила. Щель над головой, сквозь которую сочился рассеянный свет, исчезла. Я посмотрел вверх, но так и не разглядел, заросла ли она листвой, или скалы действительно сомкнулись. Неожиданно мне стало очень не по себе. Я не хотел глубже заходить в эту расщелину, превратившуюся теперь в пещеру. Однако даже если мальчик-солдат или его спутники и разделяли мою неуверенность, виду они не показали. Я ощутил, как мальчик-солдат обратился к своей магии, и нас окружило озерцо тусклого света. Мы двинулись дальше, Оликея и Ликари старались держаться поближе к нему.

Сперва я предположил, что мрак вскоре рассеется. Я все еще надеялся, что щель вверху вот-вот появится снова. Но я ошибся. Ручеек, бегущий вдоль нашей тропы, давал о себе знать журчанием и влагой в воздухе. Холод сделался промозглым, с узнаваемым запахом воды и растительности. Наше свечение на краткий миг выхватывало из мрака белый мох и облепивший стены лишайник. Когда Оликея заметила семейку бледно-желтых грибов, свесившихся из мшистой трещины, она радостно вскрикнула и бросилась поспешно их собирать. Она разделила свою добычу между нами, и мы съели ее на ходу. После этого, как мне показалось, мальчик-солдат начал яснее воспринимать пещеру. У него словно бы прибавилось сил, и свечение, которое он испускал, сделалось ярче. Оликею и Ликари грибы тоже явно подкрепили, и еще некоторое время мы шли быстрее.

Изредка я слышал всплески, как будто наше свечение спугивало маленьких рыбок или лягушек. Блеск скальной стены в этой части пещеры подсказывал, что еще больше воды стекает по ней, питая ручеек. Он весело журчал вдоль тропы, и это куда в большей степени, чем ощущение уклона под ногами, убеждало меня, что наш путь постепенно уводит нас вниз.

Когда мальчик-солдат наконец решил сделать привал, остальные уже успели сбить ноги, замерзнуть и вымотаться. Оликея явно обрадовалась тому, что он выбрал обычную стоянку. Здесь пещера заметно расширилась, а посередине виднелся большой почерневший круг. Оликее удалось собрать немало обгорелого дерева, и, пока она разводила костер, Ликари отправился проведать странное сооружение, возведенное в ручье. Он вернулся с тремя бледными рыбами:

– Верша была почти пустой. Это все, что удалось в ней найти.

– Обычно она кишит рыбой, и то не вся помещается. – Оликея многозначительно покосилась на мальчика-солдата.

– Скорее всего, в этом году мы проходим последними. Когда идешь по пятам стольких людей, неудивительно, что все, что можно, уже поймано и собрано до нас. Трех рыб нам на сегодня будет достаточно.

– Достаточно? – потрясенно переспросила она.

– Никто из нас не умрет от голода, – пояснил он.

– Но когда мы прибудем на зимовье, ты не будешь выглядеть великим.

– Это моя забота, а не твоя, – укорил ее он.

– Значит, меня не должно заботить, если все вокруг начнут высмеивать меня – мол, я забочусь о своем великом так плохо, что он похож на мешок с костями? Не должно заботить, что на зимовье тебе может не хватить магии, чтобы разжечь себе костер? Я буду унижена, а тебя станут высмеивать и презирать. Это тебя не волнует?

– Меня больше волнует другое, – сообщил он ей и отвернулся, показывая, что разговор окончен.

Бормоча что-то себе под нос, она занялась рыбой. Ликари бродил на границе освещенного круга, изучая забытый хлам. Вскоре он подошел к костру с куском изорванной ткани.

– Мы можем сделать из этого обувь? – спросил он ее, и они вместе занялись делом.

Мальчик-солдат оставил их и двинулся в сторону, и с ним вместе – его собственное свечение. Он направлялся к стене пещеры. Потолок там нависал низко, но он наклонился и еще некоторое время шел пригнувшись. В тусклом свете я видел лишь каменный пол под его ногами. Его спина заныла, а я гадал, куда и зачем он идет. Когда потолок снова стал выше, он выпрямился в полный рост, закрыл глаза, с силой выдохнул, и вокруг вдруг вспыхнуло яркое сияние. Это было уже не его собственное свечение. Мы оказались в другой пещере, отделенной от длинного прохода, по которому шли, огромной, точно бальный зал, и на ее стенах, куда бы я ни взглянул, сверкали кристаллы. Мальчик-солдат каким-то образом пробудил в них свет, и они озаряли пещеру.

Когда он к ним приблизился, они вспыхнули ярче. Они были влажными, блестящими и словно росли прямо из стен пещеры – большие, с хорошо различимыми гранями, и совсем крошечные, яркие искорки на темных стенах. Мальчик-солдат довольно долго их разглядывал, затем выбрал выступающий кристалл и отломил его от стены. Удивительно, как легко он отделился от основания и насколько острым оказался. С пальцев мальчика-солдата капала кровь, пока он нес свою добычу на середину пещеры.

Там обнаружился прудик, настолько же темный, насколько ярко сияли кристаллы. Мальчик-солдат тяжело опустился наземь рядом с ним. Затем он окунул туда пальцы, а когда вытащил, их покрывала чернильно-черная густая слизь. Он кивнул каким-то собственным мыслям. В следующее мгновение он начал прокалывать себе кожу острием кристалла и наносить поверх вонючую слизь. Ранки саднили, но сама слизь не усиливала боль, наоборот, казалось, она запечатывает порезы.

Мальчик-солдат трудился последовательно, начав с плеч и постепенно спустившись до тыльных сторон кистей. Он занимался левой ногой, прокалывая кожу и замазывая ранки слизью, когда я заметил, что в пещере появился новый источник света, желтого и мерцающего. Оликея заклинила один обгоревший факел в другом, получив целый, но едва достаточной длины, чтобы держать его, не обжигаясь. Подойдя ближе, она вскрикнула от боли и выронила факел. Впрочем, нужды в нем уже не было. Вокруг нас по-прежнему сияли кристаллы.

– Я не знала, куда ты ушел, и забеспокоилась. А потом заметила здесь свет. Что ты делаешь? – сердито спросила она.

– Что ты предлагала. Становлюсь спеком, чтобы народ меня принял, – ответил он.

– Это делают только с младенцами, – заметила она, – во время их первого перехода.

– Я не ребенок, но это мой первый переход. Так что я решил, что это будет со мной сделано, даже если заниматься этим придется мне самому.

Его слова заставили ее замолчать. Некоторое время она наблюдала за тем, как он прокалывает мою кожу осколком, а потом смазывает ранки черной слизью. Оликея обернула ноги грубыми обмотками из тряпки, найденной Ликари. Гаснущий факел добавлял свое желтое мерцание к сиянию вокруг нас и отражался в кристаллах на стенах.

– Хочешь, я помогу тебе со спиной? – тихо спросила Оликея, когда он почти совсем догорел.

– Да.

– А ты... какой рисунок ты хочешь? Как у кошки? Или у оленя? Или рябь, как у рыбы?

– На твой выбор, – ответил он и наклонился вперед, подставляя ей спину.

Оликея взяла у него из рук осколок и занялась его спиной. Работа спорилась, как будто ей уже приходилось делать такое раньше. Она быстро нанесла ряд уколов, а потом замазала ранки пригоршней густой, мягкой грязи. Когда этим занимался кто-то другой, боль казалась сильнее.

Я услышал за спиной какой-то шум и понял, что к нам подошел Ликари.

– Рыба готова. Я снял ее с огня, – сообщил он, и голос его был переполнен неуверенностью.

– Мы скоро. Можешь пока съесть свою долю, – отозвалась Оликея.

Но мальчик не ушел, а осторожно присел на каменистый пол и принялся наблюдать за нами.

Закончив со спиной мальчика-солдата, Оликея попросила его встать и занялась ягодичками и ногами сзади. Затем она обошла его кругом, критически оглядывая:

– Ты еще не сделал лицо.

– Оставь как есть, – тихо велел он.

– Но...

– Оставь. Я принадлежу к народу, но не хочу, чтобы они когда-нибудь забыли, что я пришел к ним извне. Оставь мое лицо таким, какое есть.

Оликея надула щеки, не скрывая неодобрения, затем вернула ему кристалл.

– Еда остывает, а костер вот-вот погаснет, – заметила она, повернулась и ушла.

Он остался стоять у заполненного черной слизью пруда, медленно поворачивая в руках кристалл. И вдруг вспомнил кое-что из моего прошлого. Когда я был ребенком и сержант Дюрил учил меня быть солдатом, он всегда носил с собой пращу и мелкие камешки. Всякий раз, когда он заставлял меня врасплох, он метал их мне в спину, ребра или даже в голову.

– И ты мертв, – всегда говорил он мне после этого, – потому что отвлекся.

Вскоре я начал подбирать камешки, которыми он меня «убил», и до отъезда из дома у меня набралась целая коробка.

Он показал кристалл Ликари:

– Я хочу его сохранить. У тебя найдется для него место в сумке?

– Я могу положить его вместе с твоей пращой.

– Моя праща у тебя? – удивился мальчик-солдат.

– Я нашел ее в твоей старой одежде и подумал, что она может тебе еще понадобиться.

– И ты был прав. Молодец. Положи кристалл вместе с ней.

Мальчик кивнул, обрадованный похвалой, и потянулся за осколком.

– Осторожней, он острый, – предупредил его мальчик-солдат.

Ликари бережно принял кристалл у него из рук и убрал в один из поясных карманов, а потом поднял на великого недоумевающий взгляд.

– Пойдем есть, – предупреждая вопросы, распорядился тот и направился обратно к костру и ужину.

Рыба оказалась очень вкусной, но ее было слишком мало. Мальчик-солдат явно потратил слишком много магии на свет и тепло. Он выдохся. На этой стоянке в нижней части стен были вырублены ниши, он выбрал ту, что побольше, забрался в нее и не удивился, когда к нему присоединились Оликея и Ликари. Влажный воздух делал холод заметнее, словно он выпадал на нас росой. Тепло наших тел согрело нишу, но одного одеяла не хватало, чтобы его удержать. Оно сочилось наружу, а на его место вползал холод. А поскольку мальчик-солдат решил, что больше не может позволить себе тратить магию этой ночью, нам пришлось с этим смириться.

Он уснул, а я нет. Я парил внутри его, в темноте, и обдумывал то, чему стал свидетелем. Я не настолько глуп, чтобы не связать множество нанесенных им себе мелких ран и втертую в них черную грязь с пятнами на коже спеков. Может быть, это что-то вроде татуировки, которую они наносят даже на младенцев? Пятна Оликеи никогда не напоминали мне татуировку. Мне даже казалось, что они несколько отличаются на ощупь от остальной кожи. Я всегда считал, что все дети спеков – пятнистого народа – рождаются, ну... с пятнами. Возможно ли, что спеки появляются на свет вовсе не спеками?

Думаю, из-за того, что бодрствовал, я острее ощутил, как у мальчика-солдата начался жар. Его кожа пылала, а крошечные ранки начали зудеть. Он что-то пробормотал во сне и заворочался. Не просыпаясь, поскреб одну руку, затем вторую. Снова заворочался, отчего Оликея с Ликари недовольно заворчали, а потом провалился в более глубокий сон. Почти сразу же его жар еще усилился.

Он был болен. Серьезно болен. Он заразил чем-то мое тело, а я оказался заперт внутри его, безголосый и бессильный. Каждое место, где кристалл пронзил кожу, теперь отвратительно зудело, гораздо сильнее, чем укусы насекомых или любые ожоги, какие когда-либо случались со мной. Когда он во сне расчесывал ранки, я чувствовал, как они вздулись и набухли. Потом что-то лопалось, и по коже текли кровь или гной. Я отчаянно жаждал встать и подойти к воде, чтобы промыть раны, но мне никак не удавалось его разбудить.

Он спал, и, по мере того как нарастал жар, его сны делались ярче и живее, и становилось все труднее не обращать на них внимания. Ему снился лес невероятно зеленого цвета и ветер, который раскачивал его, точно волны в океане, и по этим волнам плыли корабли с разноцветными парусами, лавирующие между кронами. Это был причудливый сон, полный ярких красок и изменчивых форм, и он меня совершенно заворочил. Я даже испугался, что мой здравый рассудок поддается его лихорадке.

А потом я почувствовал, как он покинул свое тело.

Это ощущалось очень странно. На миг мне показалось, что я остался один в терзаемой лихорадкой оболочке. Я отчаянно попытался снова захватить власть над собственной плотью, но тут же, словно подхваченный течением реки, был выдернут из тела. Это напоминало падение в глубокую шахту. Я ощущал себя бесформенным и изменчивым, но потом заметил ту часть себя, которая была мальчиком-солдатом, и ухватился за нее, точно за гриву скачущей лошади.

Он странствовал по снам. Я понял это сразу же, хотя мои путешествия по снам даже отдаленно не напоминали это – так стремительная река отличается от тихого пруда. Это было странствие по бреду, подстегнутое мучающим его тело жаром. Он метался от одного сознания к другому, без цели и остановок, точно пойманная рыба в ведре с водой. Мы слегка задели сны Оликеи, воспоминание о совместных утехх плоти, и тут же ринулись к Лисане. Он яростно бился вокруг нее, словно птица, пытающаяся прорваться сквозь стекло, но не чувствовал, как я, что и она в ответ потянулась к нему, пытаюсь поймать и удержать связь между ними, а потом жалобно вскрикнула, когда он умчался прочь.

Меня ошеломило то, что следующим спящим, кого я увидел, оказался мой отец. Я недоумевал, почему мальчик-солдат нашел его, но потом сообразил – он ведь был и его отцом тоже. Спал он неглубоким сном пожилого человека. Чума спеков и удар состарили его прежде срока. Ему снилось, что он снова облачен в ладную зеленую форму и командует фланговой

атакой, препятствуя отступлению врага. Во сне он сражался с жителями равнин, что размахивали боевыми топорами, сидя верхом на голенастых белых лошадках, но я увидел его больным и усталым, и его испещренные старческими пятнами руки чуть подергивались на одеяле. Мы ворвались в его сон, и я скакал рядом с ним, такой же отважный, как и он сам, вновь верхом на Гордеце. Отец оглянулся на меня, и единственный безумный миг он радовался и гордился собственным сыном. Я знал, что ворвался в нежно любимый им сон, в котором я ответил всем его ожиданиям. Но едва мое сердце потянулось к нему и смягчилось, я начал распухать так, что пуговицы на моей рубашке не выдержали и посыпались на землю, непристойно обнажая бледную трясущуюся плоть.

– Почему, Невар? Почему? Я ждал, что ты повторишь мой путь с начала и до конца! Почему ты не смог стать хорошим солдатом ради меня? Если мне суждено было оставить после себя единственного сына, почему ты не сумел выполнить свою задачу? Почему? Почему?

Его разбудили собственные приглушенные стоны, и он вырвался из нашего общего сна. На миг я увидел его комнату в Широкой Долине, заметил краем глаза камин, его постель и стоящий подле нее поднос со множеством бутылочек с лекарствами.

– Ярил? Ярил, где ты? Неужели и ты меня оставила? Ярил? – Он звал мою сестру, точно испуганный ребенок – няньку.

Мы оставили его там, сидящим на кровати и повторяющим имя Ярил. Сердце мое разрывалось, и это меня потрясло. Я мог злиться на отца, даже ненавидеть его – пока видел в нем равного мне мужчину. Теперь же, когда он превратился в жалкого испуганного старика, весь гнев испарился из моей души. Мне вдруг стало невыносимо стыдно, что я причинил ему столько боли и бросил одного. В тот миг не имело ровно никакого значения, что он сам от меня отрекся и выгнал из дома. Ребенком я всегда чувствовал себя под защитой его суровости. Сейчас же он жалобно призывал единственное дитя, оставленное ему судьбой, одинокий и заброшенный, лишившийся сына в мире, где ценились только сыновья.

Хотя сам я потянулся к нему, желая защитить от судьбы, которую он на себя навлек, мальчик-солдат рванулся дальше, увлекая меня прочь. Я мельком видел сны других людей, всплески цвета, нарушающие прихотливый узор его спящего сознания. Мне никак не удавалось сосредоточиться на одном ощущении, будто я пытался прочитать книгу, страницы которой листают ветер. Я выхватывал слово тут, абзац там. Собственных воспоминаний у него не было, притягивавшие его связи принадлежали мне. Тристу снилась девушка в желтом бархатном платье. Горд не спал.

– Невар? – пораженно спросил он, подняв голову от толстой книги.

Сержант Дюрил был погружен в тяжелое забытие уставшего до изнеможения человека, без сновидений. В его сознании не мелькало образов, лишь благодарность за то, что его измученное тело хоть ненадолго может остаться неподвижным, а ноющая спина – распрямиться в постели. Мое появление в его сознании напоминало каплю масла, падающую на поверхность неподвижного пруда.

– Береги спину, парень, – пробормотал он и тяжело вздохнул.

Мальчик-солдат умчался прочь.

Вряд ли он следил за своим пылающим лихорадочкой телом, но я его ощущал. Кто-то смочил ему губы прохладной водой. Он только вяло шевельнул ими. Его кожа казалась горячей и туго натянутой, а расстояние и жар исказили голос Оликеи. Он казался пронзительным, но слова я едва различал.

– Он в лихорадочном странствии, – вроде бы произнесла она, и высокий голосок Ликари задал ей вопрос, который, кажется, заканчивался словом «имя».

Ответ Оликеи я разобрал не вполне.

– Не младенец, – пренебрежительно проговорила она, но я не был уверен, что расслышал правильно.

Моим вниманием завладел поразительный пейзаж, я никогда прежде не видел столь ярких красок. В поле моего зрения возникли какие-то предметы, настолько гигантские, что я даже не мог их опознать, пока мы не промчались мимо. Тогда я задался вопросом, увидел ли я бабочку такой огромной из-за близкого расстояния, или она действительно заслоняла собой полнеба, а крохотной просто показалась мне, когда мы от нее удалились.

«Лихорадочный бред», – напомнил я самому себе, но было трудно поверить, что это всего лишь сон и я не перенесся в какой-то другой мир.

А потом, мучительнее всего, мы вломились в сон Эпини. Он был простым и милым – она сидела у камина в гостиной отчего дома в Старом Таресе. Рядом с ней стояла затейливо украшенная резьбой колыбель на подставке-качалке. Тонкое кружево с узором из розовых бутончиков занавешивало ее. Эпини читала книгу и бережно покачивала колыбель. Когда я ворвался в комнату, она подняла голову:

– Невар? Что ты с собой сделал?

Я посмотрел вниз. Я снова стал невероятно толстым, а мою кожу испещряли пятнышки. Одет я был в нечто напоминающее широкий пояс, с которого свисали кармашки. Мою шею и запястья украшали бусины из полированного камня, нанизанные на кожаные шнуры. Мальчик-солдат открыл было рот, собравшись заговорить. С отчаянной силой я боролся с ним за власть над собственной речью. Здесь, как выяснилось, мы с ним стали почти равными соперниками. Я не мог выговорить ни слова, но и он тоже. Мы стояли перед Эпини, два сражающихся духа в общем теле, шевеля губами, но издавая лишь нечленораздельные звуки.

Образ Эпини неожиданно стал ярче и отчетливее, словно она, не стронувшись с места, подошла ко мне.

– Невар, ты здесь, так ведь? Это «странствие по снам», о котором ты писал в дневнике! Зачем ты пришел ко мне? Я должна узнать что-то важное? Ты в опасности? Ранен? Где ты, Невар? Что мне нужно сделать?

Эпини наяву могла подавлять. Эпини во сне превзошла саму себя. Сосредоточиваясь на мне, она словно бы росла. Комната исчезла, рядом с ней осталась лишь колыбель, и, несмотря на взволнованные расспросы, она продолжала ее успокаивающе покачивать. Кажется, я наконец понял, что такое «аура», о которой она мне говорила. Эпини излучала собственное «я», как пламя излучает тепло. Здесь, в этом месте, ничего не утаивалось. Ее сила, ее любопытство, ее обжигающее чувство справедливости и столь же жаркое возмущение несправедливостью – все это струилось из нее ослепительным ореолом. Я чувствовал себя ничтожным, стоя перед ней и ощущая, как меня захлестывают волны ее любви.

Мне отчаянно хотелось остаться и поговорить с ней, но не менее сильным было и стремление мальчика-солдата молчать и бежать. Захваченные этой борьбой, мы лишь безмолвно и напряженно присутствовали.

– Если ты не можешь говорить со мной здесь, хотя бы выслушай мои новости. Думаю, тебя обрадует известие, что и Спинк, и Эмзил поверили мне, когда я сказала им, что ты жив. Это стало для них таким облегчением. Ни один не хотел признаться другому, что их воспоминания о той ночи были противоречивыми и неполными. Однако трудности все равно остались. Спинк, зная, что он тебя не подвел, смог вернуться к своим обязанностям, но заметно переменялся к тем людям, с которыми ездил той ночью. Он и смотреть на них не может теперь, когда узнал, на какое зло они способны. Капитана Тайера, мужа Карсины, он избегает, но тот все равно понял, что Спинк его презирает, и, боюсь, затаил обиду.

Мне так страшно за него, Невар. Он не может скрыть того, что знает об этих людях, это отражается у него на лице и в глазах всякий раз, когда мы встречаем кого-то из них. А они – думаю, они считают, что должны от него избавиться. Возможно, для них это единственный способ забыть о той ночи. Они верят, что забили тебя до смерти или, по крайней мере, видели, как это сделали их товарищи. Но четких воспоминаний о том, как именно все произошло, у

них не осталось. Так что, когда Спинк смотрит на них с отвращением, они, как мне кажется, сами не знают, что про себя подумать.

И Эмзил не облегчает нашу жизнь. Не знаю, что ты ей сказал той ночью, но это сделало ее бесстрашной. А когда я передала ей, что ты ее любишь, но вынужден оставить, в ней словно что-то ожесточилось. Теперь она даже хуже чем просто бесстрашная. Всякий раз, как она встречает кого-нибудь из тех людей, она мучает их. Увидев одного из них на улице или в лавке, она не отводит глаз и не избегает встречи. Нет, она преследует его, точно кошка, ловит взгляд, подходит и вглядывается в лицо. Они шарахаются от нее, Невар. Они отворачиваются, пытаются ее избегать, но она заставляет их себя ненавидеть. Один попытался ей противостоять – да кто бы не сбежал из лавки, когда она на него уставилась? Он ответил ей презрительным взглядом, но она не отвела глаз и сказала громко, так что ее услышали остальные посетители: «Наверное, он забыл, что случилось в ту ночь, когда толпа растерзала могильщика. А я помню. Думаешь, ты знаешь, кто я такая, – я слышала, как ты называл меня шлюхой из мертвого города. Но я-то знаю, кто такой ты. Я помню все, каждую подробность. И я лучше буду шлюхой, чем хнычущим трусом». Он бежал от нее, убежденный, что остальные помнят о нем то же самое.

Скоро нагрянет зима, Невар, а зима здесь, в Геттисе, не лучшее время года. Зимой гноятся раны, а холод и тьма обещают скрыть любой мерзкий поступок. Я боюсь. На ночь я задвигаю засов, а Спинк спит с заряженным пистолетом на прикроватном столике. Он поговаривает об отставке, потому что больше не хочет служить вместе с этими людьми. Думаю, если бы не приближающаяся зима, он бы так и поступил, и мы сбежали бы отсюда ради ребенка. Подобная трусость навсегда оставит в его душе шрам. Но если весна придет, а здесь ничего не переменится к лучшему, что еще он сможет сделать? Лучше уж ему увезти нас отсюда, чем погибнуть от выстрела в спину и бросить меня на милость этих волков. Так он сам сказал.

Ее слова полосовали мое сердце, словно бритвы. Я считал, что спасаю их, когда вырывал себя из их жизни. А вместо этого я не только подверг их опасности и мучениям, но и бросил наедине с трудностями. Я не обманывал себя, полагая, что мог бы им чем-то помочь, но не быть с ними рядом казалось трусостью. Больше всего меня беспокоил гнев Эмзил и вызванное им поведение. Я не мог ее винить. Каково ей смотреть, как по улицам разгуливают мужчины, которые собирались ее изнасиловать, возможно, до смерти? Я хотел бы, чтобы она могла уехать в более безопасное место, если только при этом ей не придется оставить беременную Эпини одну. Думать об этом было слишком страшно. Я попытался протянуть к Эпини руки, но власть над ними не принадлежала мне даже во сне. Я сосредоточил всю свою волю, пытаюсь сказать ей хотя бы одно слово.

Это оказалось ошибкой. Пока я собирался с силами, мальчик-солдат вырвал нас из сна Эпини и умчался вместе со мной прочь. Я оглянулся и увидел, что Эпини смотрит нам вслед. Я еще некоторое время смотрел на нее, пока она не растаяла вдали.

– Они просто должны уйти. – Мальчик-солдат обращался ко мне, но слова его отдавались гулким эхом.

Я понял, что там, в другом мире, он бредит в лихорадке. Сосредоточиваясь, я мог ощутить наше тело, пылающее изнутри и все же дрожащее от холода в промозглой пещере. Я слышал чей-то шепот. Возможно, Оликеи и Ликари. Их голоса казались колеблющимися и пугающими.

– Смерть. Или жизнь. Что ты должен мне, Невар? Что ты отдашь мне, Невар?

Огромный стервятник вылетел нам навстречу, черно-белый, с ярко-алой бородкой под клювом – пухлой, отвратительной и одновременно угрожающей. Он открыл клюв, и я увидел, как странно прикреплен там язык и насколько острым он кажется.

– Я не Невар! Я мальчик-солдат из народа. Я ничего тебе не должен.

Птица изумленно разинула клюв, встопорщила перья на крыльях, уложила их обратно, и до меня донеслась мерзкая вонь падали.

– Ни от имени, ни от долгов так легко не избавляются, Невар. Ты тот, кто ты есть, и должен мне то, что должен. Отрицание этого не изменит.

– Меня зовут не Невар.

Умеют ли птицы ухмыляться?

– Невар – мальчик-солдат, сын солдата. Имя, которым ты пользуешься, дано тебе лишь потому, что ты Невар и солдатский сын. И сын-солдат. И это так же верно, как и то, что ты задолжал мне смерть. Или жизнь. Как бы ты ни пожелал это назвать, это ты мне и должен.

– Я ничего тебе не должен! – заорал на него мальчик-солдат, и его слова эхом отразились в далекой пещере.

Он оказался смелее меня. Его руки метнулись вперед, сгребли две полные пригоршни перьев и принялись трясти стервятника.

– Я ничего тебе не должен! Ни жизнь, ни смерть! Ничего не должен!

Где-то вдали кто-то закричал, и стервятник с безумным хохотом взлетел.

В лицо мальчику-солдату плеснула холодная вода; вздрогнув, он открыл глаза, заморгал, пытаясь сосредоточить взгляд, потом поднял трясущуюся руку утереться. Оликея сердито выпутывала свои волосы из его пальцев. Из меха, лежащего поблизости на земле, с журчанием вытекала вода. Ему понадобилось несколько мгновений, чтобы понять, что произошло, и обидеться.

– Ты плеснула в меня водой, – жалобно, точно хнычущий ребенок, простонал он дрожащим от слабости голосом.

– Ты дернул меня за волосы, когда я пыталась тебя напоить! И если ты думаешь, что ничего мне не должен, учти, что я должна тебе меньше, чем ничего!

Я едва различал черты ее лица, поскольку огонь прогорел, оставив лишь тусклое красное сияние углей. Мое тело замерзло и ныло. Оликея выглядела измученной и осунувшейся. Я заметил пряди ее волос, все еще запутавшиеся в моих пальцах. Видимо, я их вырвал.

– Прости, – ужаснувшись, выговорил я и поразился тому, что действительно произнес это вслух. – Оликея! – начал было я, но внезапно вновь лишился дара речи.

Я чувствовал, как ярость гудит в теле мальчика-солдата. Он был слаб, болен и устал, ему едва хватало сил сдерживать меня. Я перестал с ним бороться и прислушался к словам Оликеи.

– У нас закончилась еда, и вряд ли удастся найти еще дров для костра. Мы должны отправиться на зимовье. Ты можешь идти?

Ему было трудно даже думать об этом, так сильно у него болела голова.

– Я не смогу идти быстроходом. Дай мне воды.

Она подняла с земли обмякший мех и поднесла к его губам. Он напился, удивляясь собственной жажде. Вода смыла налет с его рта и горла, и он немного пришел в себя.

– Ты права, – решил он, когда она убрала воду. – Нам нужно отсюда уходить. Даже если я не смогу воспользоваться быстроходом, нам стоит хотя бы просто идти.

Она мрачно кивнула.

Неожиданно из сумрака у нее за спиной проявился Ликари с охалкой собранной древесины.

– В темноте трудно что-то найти... Он уже очнулся? Тебе лучше? – Он наклонился неприятно близко, так что мальчик-солдат невольно отшатнулся и закрыл глаза. – Ты нашел имя? Когда малыши уходят в это странствие, они часто получают имя. Ты нашел свое имя?

– Невар, – прохрипел он.

Затем сердито покачал головой. Один раз – и даже от этого мир вокруг отчаянно завертелся. Он поднес руки к лицу. Его кожа оказалась сухой, горячей и тугой на ощупь. Он потер глаза – они запеклись коркой.

– Невар – это твое прежнее имя, – язвительно заметила Оликея. – И не думаю, что ты поступил мудро. Мы не готовы к тому, чтобы задержаться здесь до тех пор, пока ты не поправишься.

– Меня не волнует, считаешь ли ты меня мудрым.

Он оперся ладонями о пол пещеры, перевернулся на живот, подтянул колени и наконец неуверенно поднялся на ноги. Он пытался скрыть от нее, каких усилий это ему стоило, но, когда она взяла его руку и положила себе на плечи, ему не хватило духу отвергнуть помощь.

– Ликари, принеси наши вещи и все находки, какие могут оказаться полезными.

Судя по ее голосу, Оликея весьма сомневалась, что нам удастся далеко уйти, но страстно желала хотя бы попытаться. Она явно мечтала поскорее покинуть сырую пещеру. Они с Ликари наверняка проголодались в не меньшей степени, чем мальчик-солдат, но не жаловались.

– Мне не хватит сил, чтобы зажечь для вас свет, – неохотно признался мальчик-солдат. – Придется идти в темноте.

– Как только мы отойдем от костра, нам хватит света, чтобы видеть тропу, – ответила Оликея.

Меня ее заявление озадачило, но мальчик-солдат, похоже, принял его на веру. Ликари отправился наполнить водой мех и забрать одеяло и вскоре вернулся, перекинув его через плечо. Кроме того, он связал дрова, которые ему удалось раздобыть, кожаным ремнем, чтобы их было удобнее нести. Он подошел к мальчику-солдату с другой стороны и взял его за руку. Он решительно положил мою ладонь себе на плечо, словно не сомневался в своей способности выдержать часть моего веса. И без лишней суеты мы двинулись в путь.

Тускло-багряное мерцание костра быстро осталось позади, и мы зашагали вперед в темноте. Мальчик-солдат позволил Оликее вести себя, и она явно хорошо знала дорогу. За долгие годы здесь прошло столько людей, что тропа стала гладкой и ровной. Мальчик-солдат о таких вещах не думал. Он сосредоточился просто на необходимости перемещать свое тело. Лихорадка лизала его кожу, словно языки пламени, места, где он проткнул кожу кристаллом, зудели. Он скovyрнул струпья, и теперь вздувшиеся ранки сочились влагой. Он осознавал всю глупость этой затеи, но одновременно упрямо твердил себе, что и она сама, и боль, и последующий жар были необходимы. У него ломило суставы, а голова гудела. Желание лечь и уснуть скоро стало невыносимым, даже сильнее мучительного голода. Но на него приходилось не обращать внимания и шаг за шагом продвигаться вперед. Все его мысли сосредоточились на ходьбе. Вскоре на краю его замутненного жаром поля зрения забрезжило призрачное свечение. Он крепко зажмурился, открыл глаза, снова моргнул, но бледные мерцающие точки прогнать не удалось. Тогда он побрел дальше.

Я постепенно осознал, что призрачное свечение вовсе мне не мерещится. Оно появлялось пятнами и крохотными пляшущими точками, бледное, зеленоватое, а порой голубовато-белое – такими были движущиеся огоньки. Когда один из них подлетел к нам, завис у самого моего лица и упорхнул прочь, я понял, что это какой-то подземный светлячок. Эта догадка позволила мне разобраться в том, что я видел. Зеленоватые пятна превратились в островки слизи или мха на стенах пещеры. Голубоватые жучки собирались около них, ели или, возможно, пили, сливаясь с их мерцанием, а затем, насытившись, улетали прочь. Мягкое зеленое свечение появлялось примерно через равные промежутки. Я решил, что, чем бы это ни было: растением, мхом или слизью, – спеки сознательно разметили им тропу, чтобы подсветить путникам дорогу. Я восхитился их находчивостью в использовании природных средств в не меньшей степени, чем удивлялся их непредусмотрительности в прочих вопросах. Я подумал о близкой моему сердцу кавалле и решил, что на часто используемой тропе непременно были бы обустроены тайники с запасом дров и еды. Либо спеки совсем не заботились друг о друге, либо им просто не приходило это в голову.

Неожиданно я осознал нечто куда более важное для себя. Усталый и больной, мальчик-солдат сосредоточил все усилия на том, чтобы держаться на ногах и идти вперед.

Он перестал от меня защищаться.

Моим первым порывом было восстать против него и захватить власть над телом. К счастью, я быстро сообразил, что таким образом сам окажусь в его нынешнем положении: в лихорадке, страдающим от боли и голода. Но если я пока что затаюсь, возможно, он утратит остатки бдительности, и, когда уснет, я смогу хотя бы сам отправиться странствовать по снам. Так что я тесно сжался в темнице собственного тела и принялся ждать.

Глава 10

Странствие по снам

Мальчик-солдат продержался недолго. Не знаю, сколько мы успели пройти в темноте, прежде чем он, неожиданно застонав, осел наземь. Оликея и Ликари сделали все возможное, чтобы мягко опустить его на каменистый пол пещеры. Он тут же свернулся в огромный несчастный клубок. Казалось, единственное, на что он способен, – это дышать. Его глаза были плотно закрыты.

Только разговоры Оликеи с Ликари и тихие звуки, которые они издавали, позволяли мне понять, что происходит. Ребенок сложил маленький костер, а Оликея разожгла его. Скучное тепло больше дразнило, чем согревало. Они обернули мальчика-солдата одеялом.

– пей. Открой рот. Твое тело горит в лихорадке. Ты должен пить.

Мальчик-солдат послушался ее. Вода во рту и горле приносила облегчение, но та, что пролилась, казалась невыносимо холодной. Оликея смочила руки и протерла ему глаза, осторожно очистив запекшиеся веки. Мальчик-солдат отвернулся, уклоняясь от ее помощи, но тем не менее она его несколько подбодрила. Он вздохнул и провалился в глубокий сон.

Я беспокоился, насколько пострадало от лихорадки мое тело. Жар ослабил и отвлек мальчика-солдата, что сыграло мне на руку, но я не хотел вернуть себе власть над безнадежно изувеченным или умирающим остовом. Я подумывал попросить у Оликеи еще воды, сознавая, что мне это пойдет на пользу, но решил, что такой дерзкий поступок может привлечь внимание мальчика-солдата. Сперва я попробую пройтись по снам.

Я чувствовал себя вором, поступая так. Его силы были на исходе, и тратить остатки его магии казалось жестоким. Тем не менее я собрался с силами и отправился наружу.

Описать этот опыт довольно трудно. Я и раньше путешествовал по снам, но неосознанно и чаще по чужому зову. Сейчас же я впервые попытался использовать магию таким образом и вскоре обнаружил, что столкнулся с непредвиденным затруднением. Пока Оликея и мальчик-солдат были в пути, успело взойти солнце и настал день. Все люди, которых я надеялся навестить во сне, уже встали. Мне не составляло труда их отыскать, поскольку расстояния преодолевать не приходилось. Сама мысль о друзьях приводила меня к ним, но их бодрствующие разумы были поглощены другими вещами и отказывались меня видеть.

Точно так же, как накануне мне не удалось установить настоящую связь с Гордом, сегодня вышло со Спинком, Эпини и Эмзил. Словно маленькая жужжащая муха, я кружил около их мыслей, но не мог в них проникнуть. Их восприятие мира яви было слишком отчетливым, чтобы позволить мне ворваться в него. Отчаявшись связаться с ними троими, я задумался, кого я могу застать спящим. Мне вспомнилась Ярил, и, не успев решить, насколько это разумно с моей стороны, я очутился в ее спальне в Широкой Долине. Она ненадолго прикорнула после полного тревог утра. Я пробрался в ее сон, совершенно не умиротворяющий, загроможденный делами, которыми ей предстояло заняться. Мерцающие складки бледно-голубой ткани боролись с надзором за дневной уборкой. Ее беспокоило что-то насчет скотины, но самым назойливым оказался образ Колдера Стита, уставившегося на нее с такой же надеждой, с какой беспризорник разглядывает витрину со сладостями.

– Откажи ему, – тут же предложил я. – Скажи, чтобы он убирался.

– Он не так плох, – устало ответила она. – Да, он бывает капризным, как ребенок. Но ему так отчаянно хочется, чтобы кто-нибудь увидел его мужественным и знающим, – я могу направлять его, всего лишь заметив мимоходом, что нужные мне поступки покажут его именно в этом свете. Устала я в основном от его дяди. Камни, камни, камни. Вот и все, о чем он способен думать. Он докучает прислуге и задает по тысяче вопросов в день, но старательно скрывает

от всех, что именно ищет. И он совершенно бесцеремонен. Вчера я обнаружила, что он отозвал работников, ремонтировавших подъездную дорогу, и заставил их копать ямы вдоль берега реки и таскать ему полные ведра камней оттуда. Как будто он имеет право распоряжаться на наших землях только потому, что я помолвлена с его племянником! Как же он меня бесит!

Я промолчал, хотя и очень ей сопереживал. Я почти чувствовал тяжесть ее слов и отчаянной потребности поговорить с кем-нибудь о своих тревогах.

– Дюрил рассказал об этом мне, поскольку, по его словам, работы на дороге нужно закончить до зимы, иначе подъездной путь совсем размоет. Так что я пошла к отцу, а он заявил мне, что женщины, волнующиеся по таким поводам, обычно куда старше и уродливее меня и не имеют никаких видов на будущее. И мне пришлось пойти к Колдеру, и трясти его, и ныть, мол, дорога в ужасном состоянии и мою карету трясет на ухабах, – пока он не пошел к дяде и не сказал ему, что, по его мнению, им не следует забирать у Дюрила людей, пока они не закончат с ремонтом. А тот ответил, что рабочие ему нужны еще всего лишь на несколько дней, а потом они смогут вернуться к прежнему занятию. Словно он имеет право решать, что важнее для нашего поместья!

Я начинаю ненавидеть этого человека. Он хитрый, Невар, хитрый и коварный. Он с легкостью вертит Колдером как хочет и льстит отцу, так что тот теперь считает профессора Стита очень мудрым и достойным доверия человеком. Я так не думаю. Мне кажется, он видит в нашем с Колдером браке возможность хорошо устроиться. Такое впечатление, что всякий раз, когда я начинаю верить, будто управляю собственной жизнью или вообще хоть чем-нибудь, появляется кто-нибудь и все портит. Я уверена, если бы его дядя только убрался отсюда, я смогла бы управлять Колдером к собственному удовольствию. И кстати, к его тоже. Ему от меня многого не надо – я должна быть милой и говорить ему приятные вещи. Но его дядя! Не сомневаюсь, что он собирается поселиться здесь после моей свадьбы с Колдером и управлять делами по своему усмотрению.

Это приводит меня в ярость, Невар. В ярость. На тебя. Потому что это ты виноват, что это на меня обрушилось. Я не должна со всем этим разбираться. Если бы ты не позволил отцу выставить тебя из дома, если бы послал за мной или вернулся, то тогда...

– Тогда все было бы в порядке? – мягко спросил я ее.

– Нет, – нехотя проворчала она. – Но я, по крайней мере, не осталась бы в одиночестве. Невар, я так обрадовалась, узнав, что ты жив. Я была совершенно потрясена, когда из письма Карсины выпала твоя записка, а потом долго смеялась над тем, как все вывернулось наоборот. Сколько раз в твоих письмах мне прятались послания для нее? Какой удивительный поворот судьбы: она оказалась в Геттисе, возобновила с тобой дружбу и даже согласилась помочь тебе тайно мне написать. Я тут же ответила ей, поблагодарила и напомнила ей о чудесных днях, проведенных вместе, прежде чем мы так глупо поссорились из-за мужчины. Какими же мы были дуручками! Правда, в глубине души я так и не смирилась с тем, как она с тобой обошлась, хотя и сама в этом поучаствовала. Я убеждала себя, что, если ты простил ее достаточно, чтобы доверить письмо ко мне, у меня нет причин держать на нее зло. Таким облегчением было узнать, что ты жив и действительно стал солдатом, как всегда мечтал. Я так хотела бы рассказать отцу, но пока не стала. Я представляю, что однажды ты подъедешь к нашей двери верхом на коне, высокий и такой нарядный в своей форме, и покажешь ему, как он в тебе ошибался. О, как же я по тебе скучаю! Когда же ты сможешь навестить нас?

Я проклинал себя за то, что бездумно вторгся в ее сон. Она не понимала, что спит и видит меня во сне, и не догадалась, в отличие от Эпини, что я вошел в него с помощью магии. Эпини к этому пониманию подготовил мой дневник сына-солдата. Ярил же лишь в общих чертах представляла, что со мной произошло. И к своему ужасу, я вдруг подсчитал, что с тех пор, как я «умер», прошло меньше десяти дней. Ни новости о моем постыдном приговоре за насилие и убийство, ни известия о том, что я убит при попытке к бегству, сюда еще не

добрались. Последнюю весточку от меня она получила, когда я шантажом заставил Карсину отправить мою записку в собственном письме. Ярил не знала, что ее бывшая подруга умерла от чумы, не говоря уже о том, что меня сочли виновным в надругательстве над ее телом. Писал ли ей кто-нибудь после этого? Нашли ли Спинк с Эпини время сообщить ей о том, что со мной случилось? Я пожалел, что не смог спросить об этом у Эпини, а она ничего не упоминала. Мне в голову пришла леденящая мысль. Ярил написала Карсине. Сочтет ли капитан Тайер своим долгом ответить ей, чтобы она узнала о смерти подруги? Мне стало нехорошо, когда я представил, какими красками он опишет меня. Я должен подготовить ее на тот случай, если такое письмо придет.

– Ярил, ты спишь, и тебе снится сон. Ты знаешь, что меня здесь на самом деле нет. Но это не просто пустой сон. Я прибег к магии, чтобы попасть в твой сон и поговорить с тобой. То, что я говорю, правда. Я жив, но не могу приехать или послать за тобой. И пока тебе не стоит говорить обо мне отцу. Или кому-то еще.

– Что?

Она нахмурилась, и комната вокруг нас дрогнула, пронизанная лучами света, словно кто-то чуть-чуть раздвинул шторы – или ее веки приоткрылись. Мои слова оказались слишком неожиданными, слишком удивительными. Она начала просыпаться.

– Ярил! Пока не просыпайся. Пожалуйста. Не открывай глаза. Не волнуйся и выслушай меня. Возможно, вас известят, что я опозорил себя, что умер за страшные преступления, которые совершил. Может быть, ты получишь письмо от мужа Карсины. Не верь ничему из того, что он про меня расскажет. Это неправда. Я все еще жив. И рано или поздно найду способ к тебе вернуться. Ярил? Ярил!

Мир вокруг меня исчез, смытый внезапным потоком света. Я разбудил ее и теперь никак не мог узнать, насколько она поверила своему сну или даже какую его часть сумеет вспомнить после пробуждения.

– Ярил? – отчаянно спросил я у пустого света.

Ответа не было. Вне всякого сомнения, ее сознание тут же заполнили мысли, обрывая любую связь, какую я мог попытаться установить. Оставалось надеяться, что я не слишком ее напугал. Не выбросит ли она из головы нашу встречу как причудливо яркий, но обычный сон?

Я не мог спрятаться от света, и это было болезненно. Магия, напомнил я себе, лучше действует по ночам. Пришла пора возвращаться в тело.

Я воспользовался магией мальчика-солдата; он поймет это, когда проснется, и наверняка начнет внимательнее за мной следить. Мне представилась единственная возможность отправиться в странствие по снам, и я потратил ее впустую. Моя плоть тянула меня назад, и я позволил ей вернуть меня в тело. Мальчик-солдат еще спал. Глаза его были закрыты, и я попробовал определить, что происходит вокруг, по звукам и запахам. Я учуял дым и услышал потрескивание небольшого костерка неподалеку. Оликея и Ликари о чем-то вполголоса разговаривали. Чуть впереди в ручье стояла еще одна верша. Их плели, как корзинки, и устанавливали в течи. Рыба могла заплывать внутрь, но найти путь наружу ей было куда труднее – особенно крупной. В ту вершу вполне мог кто-то попасться. Они оба отчаянно проголодались и тихо обсуждали, не стоит ли одному из них пойти проверить ее, а затем вернуться с добычей. Потом они принялись спорить, кому идти. Слишком утомительный разговор, чтобы к нему прислушиваться, – борьба голода с боязнью темноты.

В конце концов они решили, что пойдет Оликея. Она велела Ликари далеко от меня не отходить и подбрасывать в костер дрова, но только понемногу. По его свету она сможет найти нас снова.

– Дай ему воды, если он попросит, и не оставляй его.

– А что еще мне надо для него делать?

– Больше ничего. Просто оставайся рядом и давай воду, когда он захочет пить. Он отправился в это странствие по доброй воле; он знал, что сделают с ним кристалл и черная вода. Вряд ли он задумался, что при этом будет с нами. Но это и значит быть кормильцем великого, Ликари. Великие не думают о своих кормильцах, но кормильцы обязаны думать только о великих, которым служат.

С этим последним наставлением она повернулась и оставила ребенка сидеть у крохотного огонька в кромешной тьме. Вскоре он придвинулся ближе и сел, прижавшись ко мне спиной, верный маленький страж. Меня впечатлили его послушание и храбрость и тронула его преданность. Он был слишком мал, чтобы оставаться одному в темноте, да еще и присматривать за больным взрослым.

Мальчик-солдат все не выплывал из болезненного горячечного забытья. Вокруг нас царил обманчивая тишина пещеры. Огонь тихонько потрескивал, пожирая дерево. Прислушавшись, я различал далекое журчание ручья по каменному дну. Случайный светлячок с жужжанием пронесся мимо нас. Ликари вздрогнул, вздохнул и теснее прижался ко мне. Его дыхание сделалось ровнее и глубже, а потом сменилось тихим сопением спящего с открытым ртом ребенка. Стало совсем скучно.

Казалось, мое несчастное сознание только и может, что мусолить недавние события и бранить себя за глупые ошибки. Я пытался составлять планы на будущее, но ничего не вышло. Слишком много я не знал. Даже если бы я смог прямо сейчас завладеть собственным телом, оно уже не в том состоянии, чтобы вернуться тем же путем, каким мы сюда пришли. Да и к чему вернуться?

Покидая Геттис, я заявил, что вручаю себя магии и намерен исполнить ее волю. Я думал, что так и поступаю, когда попытался помешать строителям тракта рубить деревья предков. Теперь, когда меня ничто не отвлекало, я задался вопросом, зачем копил магию мальчик-солдат и что надеялся совершить с ее помощью. Моя расточительность явно помешала его замыслу. Только вот в чем он состоял?

Действительно ли он знал, как заставить гернийцев покинуть Рубежные горы и прилегающие к ним земли? Какой кошмар он способен обрушить на нас, чтобы военные и поселенцы в ужасе бежали отсюда, а король отказался от своего нежно лелеемого замысла? Насколько он жесток?

С ужасом я понял, что знаю ответ. Более жесток, чем я. Ему досталась вся моя жестокость, и это пугало.

Я попытался вспомнить, каким я был до того, как древесный страж и магия разделили меня. Что я посчитал бы чересчур суровым разрешением противостояния между гернийцами и спеками? Было трудно рассматривать этот вопрос в таком ключе. Его верность спекам казалась беспредельной. Что может показаться излишне суровым, если единственно эта верность влияет на оценку? Я ожесточил свое сердце и перестал думать о гернийцах как о своем народе и как о людях вообще. Если бы они были обычными паразитами, как бы я прогнал их со своей земли?

Ответ я увидел незамедлительно и отчетливо. Страх и болезнь, уже обрушенные на них спеками, не слишком подействовали. На месте мальчика-солдата, желая разрушить Геттис и сделать его непригодным для жизни, я бы его поджег. Зимой, когда жителям будет некуда скрыться. Выгнать их из домов, а затем перебить. На одно мучительное мгновение я представил себе Эмзил с детьми, бегущих по снегу, и Эпини, беременную или с новорожденным на руках. Им не спастись от стрел. Если спеки ударят скрытно, глубокой ночью, они смогут без особого труда перебить всех бегущих жертв.

Представив это, я содрогнулся. Я сразу же наглухо закрыл свои мысли, молясь о том, чтобы он их не ощутил. Я уже предал один народ, показав гернийцам, как дурманом защититься от магии спеков, чтобы рубить деревья. Оба народа друг другу я не предаю.

Вряд ли мальчику-солдату придет в голову такой план. Он в большей мере спек, чем горниец. Спекти не зимуют рядом с Геттисом. Возможно, надеялся я, они не увидят город с этой точки зрения. Чтобы понять, что он мог замыслить, я должен думать так же, как он. Я должен стать им. Будь у меня рот, которым я могу управлять, я бы ухмыльнулся. Мне придется стать собой, чтобы понять себя.

Постепенно я осознал всю истинность этих слов. Возможно, это единственный доступный мне путь. Чтобы помешать мальчику-солдату в его замыслах, я должен слиться с ним. Я должен стать им, заставить его разделить мои чувства, доказать, что он не может уничтожить мой народ, не разрушив заодно и часть себя.

Но как только я в полной мере осознал, о чем размышляю, то отменил эти мысли. Крошечная частичка собственного «я» – вот и все, что от меня осталось. Если я уступлю ее ему, откажусь от осознания себя, чтобы стать его частью, как я смогу узнать, удастся ли мне на него влиять? Я подозревал, что такой поступок окажется непоправимым. Опасался, что в конце концов он окажется сильнее меня и я растворюсь в нем. И никогда не узнаю, сумел ли я спасти людей, которых люблю.

И тогда я твердо решил, что сдамся и стану его частью только в том случае, если другого выхода не останется. А до тех пор буду сражаться, чтобы вернуть себе собственную жизнь.

Ликари перестал сопеть и сильнее прижался ко мне.

– Мне холодно, – тихонько прошептал он. – И я устал от темноты. Как давно она ушла? А что, если с ней что-нибудь случилось? – Он задрожал и всхлипнул. – Мне страшно... – едва слышно добавил он.

Я и не предполагал, что он может прижаться ко мне еще сильнее, но он буквально распластался по мне. Я чувствовал, как торопливо колотится его сердце, и слышал участившееся дыхание. Видимо, он населил окружающий нас мрак всеми чудовищами, каких только рисовало его детское воображение. Я мог лишь гадать, какие кошмары обитают в темных уголках спекских сознаний. Я еще слишком хорошо помнил, как сам доводил себя до исступления, просто глядя в темноту своей спальни и отпустив фантазию на свободу.

Когда я был совсем маленьким, я позволял ужасу нарастать, пока не начинал визжать, и тогда мне на помощь прибегала мать или няня. Пережитый страх почти стоил их ласки и кружки теплого молока.

К тому времени, как моим воспитанием занялся отец, я уже стал слишком большим, чтобы вопить в детской. При необходимости я вскакивал с кровати и мчался на поиски няни, которую делил с сестрами. Однако, после того как отец объявил, что отныне будет заниматься мною сам, я поступил так лишь однажды. Он застал меня отчаянно стучащим в дверь няниной комнаты. До сих пор не знаю, откуда он там взялся. Он был еще полностью одет и в руке держал книгу, заложив страницу пальцем. Отец сурово посмотрел на меня сверху вниз.

– Почему ты не в постели? – поинтересовался он.

– Мне показалось, я что-то увидел. В занавесках у моего окна.

– Увидел что-то, значит? И что же это было? – Его тон был строгим и резким.

Я чуть выпрямил спину и расправил плечи, в одной ночной рубашке, босиком стоя на холодном полу:

– Я не знаю, сэр.

– А почему не знаешь, Невар?

– Я побоялся посмотреть, сэр.

Я пристыженно смотрел на свои босые ступни. Я сомневался, что мой отец когда-либо чего-то боялся.

– Ясно. Значит, ты пойдешь и согласишься сейчас.

– А вы пойдете со мной? – с надеждой посмотрел на него я.

– Нет. Разумеется, нет. Ты станешь солдатом, Невар. А солдат не бежит от того, что может оказаться врагом. Когда ситуация неясна, он собирает сведения и, если они достаточно важны, докладывает начальству. Представь, что произойдет, если часовой вернется к командиру и скажет: «Я оставил пост, потому что мне показалось, будто я что-то увидел. Вы не сходите со мной посмотреть, что это?» Что произойдет, Невар?

– Я не знаю, сэр.

– Так подумай. Что бы ты сделал на месте этого командира? Ты покинул бы собственный пост, чтобы посмотреть, что напугало твоего часового?

– Нет, сэр, – честно ответил я, хотя сердце мое упало. – Я бы велел часовому вернуться и выяснить, что там было. Потому что это его задача, а моя задача – командовать.

– Именно. Возвращайся в спальню, Невар. Встреть свой страх лицом к лицу. Если в твоей комнате найдется что-то, требующее от меня каких-то действий, – придешь ко мне, и я тебе помогу.

– Но...

– Иди, сын. Встреть свой страх, как настоящий солдат.

Он остался стоять там, а я отвернулся и пошел прочь. Всего несколько месяцев назад моя спальня находилась рядом с детской и комнатой няни моих сестер. Нынешняя же казалась слишком далекой от знакомых и безопасных мест. К ней вел коридор, длинный и сумрачный, – на ночь фитиль в настенной лампе прикручивали. Когда я наконец подошел к своей двери, сердце мое отчаянно колотилось. Убегая, я захлопнул ее, чтобы затаившееся чудовище не погналось за мной. Я медленно повернул ручку, и дверь распахнулась в темноту.

Я стоял в коридоре и вглядывался внутрь комнаты. Там было темно. Я разглядел смятую белую простыню на кровати, а когда глаза немного привыкли, заметил, что покрывало свисает до самого пола и за ним, под кроватью, может прятаться что угодно. Из мебели в моей комнате стояли еще только письменный стол и стул. Что-то могло затаиться и под столом, там, куда задвигается стул. И вдруг прямо у меня на глазах шевельнулась длинная занавеска. Окно, как всегда, было открыто, впуская свежий воздух. Это мог быть просто ветер. Но возможно, и нет.

Я пожалел, что у меня нет никакого оружия. Но мой деревянный тренировочный клинок и шест хранились в шкафу на том конце комнаты. Мне предстояло встретить свои страхи безоружным.

Взрослому эта ситуация могла бы показаться смешной, но я-то был жертвой собственного воображения. Я не представлял себе, что притаилось в медленно шевелящихся занавесках. Даже если это всего лишь ветер, не могло ли то, что пряталось за ними прежде, перебраться под кровать? Мое сердце зашло в заплотешном стуже от одной мысли о том, что мне придется опуститься на четвереньки, чтобы заглянуть туда. Как только я подниму покрывало, то, что там сидит, бросится мне в лицо. И выцарапает глаза. Я в этом не сомневался.

Мне не хотелось туда заглядывать. Я подумал, что стоит пробежать через комнату, вспрыгнуть на постель и заставить себя там и остаться. Может, под ней вовсе ничего нет. Может, я сваял дурака. Я могу не спать всю ночь. Если что-нибудь соберется на меня напасть, я позову на помощь. Мне вовсе не нужно встречаться с ним прямо сейчас.

Только вот я был должен. Отец приказал мне это сделать. Именно так поступил бы солдат. А я был вторым сыном, рожденным, чтобы стать солдатом. И никем другим. Значит, мне следует выполнить свой долг.

Но это не означало, что при этом я обязан делать глупости.

Я осторожно отодвинулся от своей двери и промчался по пустынным коридорам в гостиную. Мой дом был тихим и почти незнакомым в этот поздний час. Не суетились слуги, не хлопали двери, не звучали голоса. Я слышал только топот собственных босых ног и свое же громкое дыхание. Когда я вошел в гостиную, освещенную лишь угасающим огнем в камине, там никого не было. Жутко. Я подошел к стойке с каминными приборами и выбрал кочергу.

Она оказалась тяжелой, гораздо тяжелее моего тренировочного клинка. Я взвесил ее в руках и решил, что она мне подойдет.

Нести ее к моей комнате оказалось очень неудобно. Ее конец как будто сам тянулся к полу, но я стиснул зубы, перехватил ее покрепче обеими руками и направился вместе с ней обратно.

Дверь была приоткрыта, как я ее и оставил. Не дав себе времени на раздумья или колебания, я ворвался в комнату, опустился на одно колено и ткнул тяжелой кочергой под кровать. Она не встретила сопротивления. Воодушевленный этим, я загнутым концом подцепил покрывало и, держа ее наготове, быстро пригнулся и заглянул под кровать. Тусклый свет, просачивающийся из коридора, показал мне, что там никого нет.

Я поднялся на ноги и, с кочергой наперевес, прокрался к раздувающейся занавеске. Я снова махнул кочергой, подцепил ее концом плотную ткань и отодвинул от стены. Ничего.

Но мое воображение уже разгадало вероятный замысел моего коварного врага. Он наверняка успел спрятаться в шкаф. С неистово колотящимся сердцем я перехватил кочергу в одну руку, а другой распахнул дверцу шкафа. Я невольно вскрикнул в ужасе, когда от этого рывка шелохнулась одежда внутри. Тогда я ударил кочергой, с такой силой вонзив ее в нутро шкафа, что ее тяжелый конец поцарапал дерево на задней стенке.

Неожиданно сзади надо мной нависла тень. Я резко развернулся, выставив перед собой кочергу. Отец перехватил ее и быстрым движением разоружил меня. Я стоял и в ужасе смотрел на него.

– Ну, докладывай, солдат, – улыбнулся он мне.

– Там ничего нет, сэр. – Мой голос дрогнул.

Я выставил себя дураком перед отцом. Он видел, насколько я испугался.

– Согласен, – кивнул он. – Ничего страшного. И я горжусь тобой, сын. Очень горжусь. Если бы здесь нашлось что-нибудь, чего стоило бы бояться, ты бы с ним справился. Теперь ты знаешь, что способен встретить свой страх лицом к лицу. Тебе не придется, хныча, бежать к маме, няне или даже ко мне. Ты храбрый мальчик, Невар. Однажды ты станешь хорошим солдатом.

Он прислонил тяжелую кочергу к стене у изголовья моей кровати:

– Пожалуй, я оставлю ее здесь на ночь. На случай, если ты решишь, что она снова тебе нужна. А теперь в кровать и спать. Завтра нам предстоит трудный день.

Я забрался в постель, и он набросил поверх покрывало, которое я почти скинул на пол. Он наклонился и на мгновение накрыл ладонью мой лоб.

– Доброй ночи, сын, – сказал он и вышел из комнаты, оставив дверь чуть приоткрытой, так что на мою защитницу-кочергу падал тусклый лучик света из коридора.

Эти воспоминания нахлынули на меня, когда дрожащее тело мальчика прижалось к моей спине. Запомнил этот случай ребенок, но теперь, повзрослев, я переосмыслил его. Отец ждал и наблюдал, что я стану делать. Он не вмешивался, но присматривал за мной. И он гордился мной, своим сыном-солдатом. Гордился моей отвагой и сам мне об этом сказал. Я не помню, сколько еще ночей кочерга оставалась в моей комнате, около кровати. Но с тех самых пор меня больше не мучил страх темноты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.